

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №2 (23)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргыстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

*Журнал утвержден научно-техническим советом
Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

*Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.*

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

*Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт
государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири
и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).*

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №2 (23)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyaiko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

The journal is approved by the scientific and technical Council Altai state University and registered by the Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications.

Certificate of registration of PI no. FS 77–69787 dated 18.05.2017 All rights reserved. No part of the journal or the entire publication may be reprinted without the written permission of the authors or publisher.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

The journal was prepared with the support of the RSF project “Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Кубаев С. Ш.</i> Аултепе — первый открытый караван-сарай, рабат (рибат) Средней Азии	7
<i>Лихачева О. С.</i> Средняя конница каменской культуры и эволюция военного дела населения лесостепного Алтая в VI–I вв. до н.э.	21
<i>Тишин В. В., Акымбек Е. Ш., Железняков Б. А.</i> Древнетюркская руническая надпись из Тоспалы (долина реки Чу (Шу), Казахстан)	37

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Горте Ю. Д., Рыкова В. В.</i> Эвенки: наукометрический анализ материалов, представленных в БД <i>Web of Science</i> и <i>Научная Сибирика</i>	54
<i>Мухамадеев А. Р.</i> К вопросу о брачно-семейных взаимоотношениях у кыпчаков	66

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Недзельюк Т. Г.</i> Источники для изучения государственно-конфессиональных отношений в Западной Сибири (по материалам исторического архива Омской области)	78
<i>Ожиганов А. Н.</i> Религиозные здания Барнаула в контексте изменений государственно-конфессиональной политики в XX — начале XXI в.	86
<i>Чирков Н. В.</i> Проблематика перевода и интерпретации фундаментальной богословской терминологии на примере миссионерской деятельности Маттео Риччи в Китае	104
<i>Дикова Н. В.</i> Роль архиереев в институциональном развитии Омской епархии и основные итоги архиерейского управления	117

ДЛЯ АВТОРОВ	132
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Kubayev S. Sh.</i> Archaeology and Etno-Cultural history the first opened caravanserai, rabat (ribat) of Central Asia.....	7
<i>Likhacheva O. S.</i> Medium cavalry of the Kamenska culture and the evolution of military affairs of the population of the forest-steppe Altai in VI–I BC	21
<i>Tishin V. V., Akymbek E. Sh., Zheleznyakov B. A.</i> The Early Turkic runic inscription from Tospaly (Chu (Shu) river valley, Kazakhstan).....	37

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Gorte Yu. D., Rykova V. V.</i> Evenks: scientometric analysis of materials presented in the databases Web of Science and Scholar Sibirica	54
<i>Mukhamadeev A. R.</i> To the question of marriage-family relations in kipchakov	66

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Nedzelyuk T. G.</i> Sources for the study of state-confessional relations in Western Siberia (based on the materials of the historical archive of the Omsk region).....	78
<i>Ozhiganov A. N.</i> Religious buildings in Barnaul in the context of changes in State and Confessional policy in the XX — the early XXI Century	86
<i>Chirkov N. V.</i> The issue of translation and interpretation of fundamental theological terminology on the example of missionary activities of Matteo Ricci in China.....	104
<i>Dikova N. V.</i> The role of high priests in the institutional development of the Omsk eparchy and the main results of high priest's administration.....	117

INFORMATION ABOUT AUTHORS	132
--	------------

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902 (575.114)

DOI: 10.14258/nreur(2020)2–01

С. Ш. Кубаев

*Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан,
Ташкент (Узбекистан)*

АУЛТЕПЕ — ПЕРВЫЙ ОТКРЫТЫЙ КАРАВАН-САРАЙ, РАБАТ (РИБАТ) СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аултепе — один из хорошо изученных памятников раннего Средневековья Средней Азии. С. К. Кабанов, руководитель раскопок, основываясь на полученных данных, предполагал, что это руины замка местного землевладельца. Многие специалисты по архитектуре Средней Азии поддерживали выводы автора о назначении памятника. После этих исследований долгие годы Аултепе считался эталонным памятником раннего Средневековья, с которым сравнивали вновь открытые памятники. Но масштабные археологические раскопки, проведенные в последние годы на территории Центральной Азии, дали новые материалы по архитектуре региона. Эти данные позволили нам снова обратиться к выводам автора. До сегодняшнего дня многие исследователи истории архитектуры появления караван-сараев (рибат или рабатов) связывали именно с распространением ислама в Средней Азии. Новые исследования материалов памятника Аултепе дали возможность выдвинуть предположение, что возведение караван-сараев, рабат или рибатов относится к более раннему времени. Вероятнее всего, истоки рабатов и караван-сараев, игравших в Средневековье важную роль в развитии торговли, отражают возросшую роль Великого шелкового пути. В статье также поднимается вопрос об истоках традиции сооружения рабатов в Средней Азии, игравших важную роль в развитии торговли на Великом шелковом пути.

Ключевые слова: Аултапе, Средняя Азия, замок, рабат, караван-сарай, торговые пути, архитектура, суфа, замок, крепостная стена, башня, платформа, жилища, хранилище, «пахса», сырцовые кирпичи.

S. Sh. Kubayev

National center of archeology, Academy of Sciences Republic of Uzbekistan, Tashkent (Uzbekistan)

THE FIRST OPENED CARAVANSERAI, RABAT (RIBAT) OF CENTRAL ASIA

Aultepe is one of the well-studied monuments of the early middle ages of Central Asia. The excavation author S. K. Kabanov, based on the data obtained suggested that it was the ruins of a castle of a local landowner. Many Central Asian architecture experts supported the author's findings on the purpose of the monument. After these studies, for many years Aultepe was considered a reference monument of the early middle ages, with which newly discovered monuments were compared. But large-scale archaeological excavations conducted in recent years in Central Asia have provided new materials on the architecture of the region. These data allowed us to turn again to the conclusions of the author. Until today, many scholars of the history of architecture, the emergence of caravanserais, ribat or rebates associated precisely with the spread of Islam in Central Asia. New studies of the materials of the monument to Aultepe made it possible to put forward the assumption that the construction of caravanserais, discounts or rebates dates back to an earlier time. Most likely, the origins of the discounts and caravanserais, who played an important role in the development of trade in the middle ages, reflect the increased role of the Great Silk Road. The article also raises the question of the origins of the tradition of building discounts in Central Asia, which played an important role in the development of trade on the Great Silk Road.

Key words: Aultepe, Central Asia, castle, discount, caravanserais, trade routes, architecture, sufa, castle, fortress wall, tower, platform, dwellings, storage, “pakhsa”, mud bricks;

Кубаев Суръат Шавкатович, младший научный сотрудник Национального центра археологии академии наук Республики Узбекистан, Ташкент (Узбекистан). Адрес для контактов: kubaev.surat@gmail.com.

Kubaev Surat Shavkatovich, Junior research associate of the National center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent (Uzbekistan). Contact address: kubaev.surat@gmail.com.

На древних торговых маршрутах, таких как Великий шелковый путь, были необходимы специальные места для временной ночёвки, чтобы пополнить запасы еды и питьевой воды для людей и животных. Эти стратегически важные места называются караван-сарай, рабат или рибат. Караван-сарай, рабаты или рибаты располагались во всех частях Великого шелкового пути.

Караван-сарай на территориях Ирана, Турции и Арабского полуострова комплексно изучены специалистами [Мансури и др., 2015]. История возникновения караван-сарая Средней Азии мало изучена в науке. Хотя на сегодняшний день на просторах Средней Азии археологами было открыто много известных сооружений подобного типа. Но основная часть этих сооружений относится к периоду от X до XIX в. Из-за этого среди археологов по поводу возникновения караван-сарая появились разные предположения.

Некоторые исследователи истории архитектуры, основываясь на этих материалах, появление караван-сарая, рабат или рибатов связывали именно с распространением ислама на просторах Средней Азии. Например, Н. Б. Немцева, изучавшая один из крупнейших рабатов Средней Азии — Рабат-и Малик — также в своих работах отмечает, что «...рабаты (рибаты) — станции для конной охраны в пограничных зонах, крепости для гасиев — борцов за веру — появились во времена исламизации арабами стран Востока. В первой четверти VIII в. омейядский наместник в Хорасане Ашрас ибн Абдаллах (727–729 гг.) впервые учредил рабаты» [Немцева, 1983: 112]. Но она сама пишет, что «... эти крепости для охраны дорог по существу были и раньше, их устанавливали в пограничных зонах уже римляне и сасаниды на Ближнем Востоке...», но почему-то Среднюю Азию автор не включает в этот список [Немцева, 1983: 112].

В наши дни также много исследователей — археологов, архитекторов — планировку караван-сарая, рабат или рибатов связывали с «вкладом исламской цивилизации». Утверждалось, что центральноазиатский караван-сарай был задуман как укрепленное строение с центральным внутренним двором и комнатами вокруг этого центра. Это было квадратное, круглое или восьмиугольное в плане сооружение, концентрическое, с бастиянами и башнями по углам крепостных стен. Доступ часто был через единственный вход, «расположенный в месте на ортогональной оси...» [Ahmad, Chase, 2004: 44]. Другой исследователь считает, что «... идея обеспечения закрытых остановок вдоль дорог не является новшеством... но мусульманская цивилизация развила эту идею оригинальным образом... придорожный караван-сарай распространился по всему мусульманскому миру...» [Cinzia Travernari, 2010: 191].

Но на сегодняшний день анализ открытых ранее памятников Средней Азии дал новые данные о появлении и распространении караван-сарая, рабат или рибатов.

Аултепе — один из хорошо изученных памятников Средней Азии (см. рис. 1). В ходе археологических работ экспедиционной группы во главе с С. К. Кабановым в полевой сезон 1956 г. памятник был раскопан полностью [Кабанов, 1981: рис. 23]. Автор раскопки, основываясь на полученных данных, предполагал, что здание было замком местного землевладельца — «дихкана» [Кабанов, 1981]. В результате Аултапе рассматривается как эталонный памятник сельской замковой архитектуры раннего Средневековья. В таком качестве его оценивали различные специалисты в области истории среднеазиатской архитектуры. Так, В. А. Нильсен, один из авторов исторической архитектурной

реконструкции, в своих работах поддерживает автора раскопа [Нильсен, 1966: 135–139]. Позднее, руководствуясь оценкой В. А. Нильсена и С. Хмельницкого, Т. И. Лебедева также в своих работах включает Аултепе в список замков [Лебедева, 2000: 147]. С. Г. Хмельницким дается емкая характеристика замков раннего Средневековья: «...в архитектурном аспекте укрепленный замок мог быть и сравнительно небольшой постройкой типа жилой башни-донжона, используемой для жилья в опасные экстремальные моменты и окруженной жилыми и хозяйственными постройками, крупными многокомнатным, двух- и трехэтажным зданием, «рыцарским гнездом» знатного землевладельца, окруженным жилищами челяди и крестьян, и, наконец, обширной резиденцией местного, более или менее крупного правителя, состоящей из множества помещений, парадных залов, внутренних дворов и укреплений» [Хмельницкий, 2000: 65].

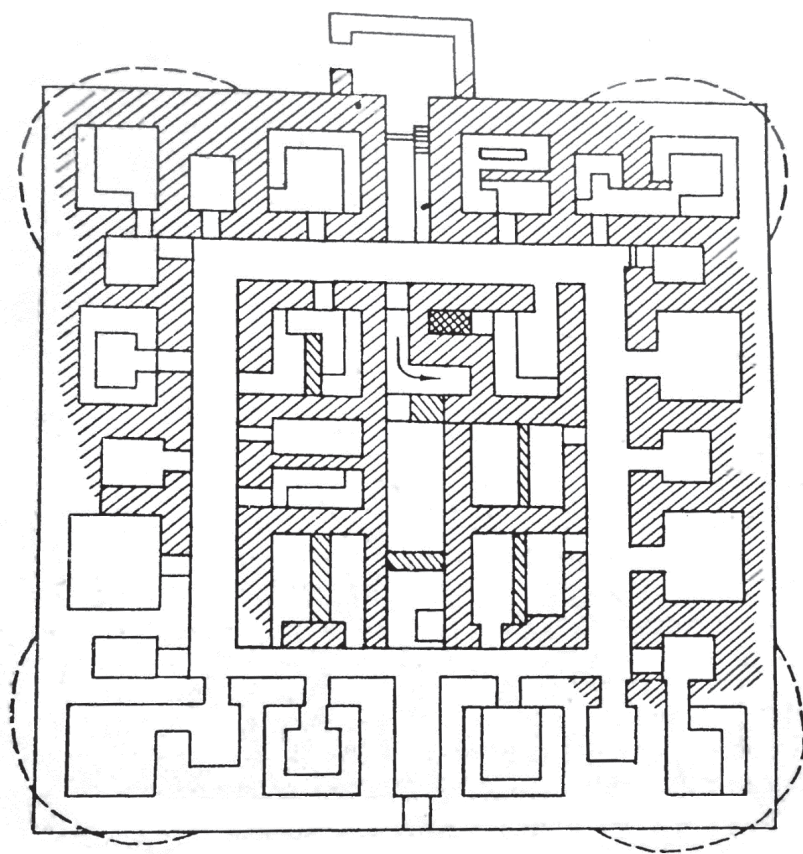

Рис. 1. План памятника Аултепе (Нильсен, 1966)

Этот же исследователь считает первой особенностью замков «оборонный характер этой архитектуры: ... непомерная толщина стен, высокие монолитные (или почти монолитные) платформы — «стилобаты», поднимающие здание над местностью на 5, 6, а то и на 10 метров». Т. И. Лебедева, исследуя замки Центрального и Южного Согда, так-

же ещё более конкретно описывает особенности этих строений: «...замок должен был иметь усиленную оборонительную систему: высокую платформу здания, мощные стены, оборонительные башни и стрелковую галерею, обеспечивающую свободное перемещение вдоль системы бойниц и башен. На определенном этапе вокруг здания появились усилившие оборону внешнего каре оборонительной стены... Кроме этого, в замке должна была находиться жилая площадь и парадная часть — зал для приема гостей и проведения семейных и религиозных празднеств. И обязательно — культовое помещение, размеры которого варьировали и зависимость от степени религиозности отдельных владельцев замков...» [Лебедева, 2000: 142].

Спустя более чем полвека ширококомасштабные археологические раскопки, проведенные на территории Средней Азии, дали много новых материалов по архитектуре региона. Эти данные позволили вновь обратиться к заключениям С. К. Кабанова. Приводим краткое описание памятника.

Аултепе — это развалины отдельно стоящего здания, непосредственно к которому не могли примыкать другие постройки из-за окружавшего его с трех сторон ров оборонительного значения, а с одной стороны (южной) внешняя стена была возведена на краю террасы. Хозяйственные постройки (стойла для скота, склады) могли быть только за ровом, на уровне третьей террасы; они были разрушены обитателями более позднего поселения. Размеры сохранившейся части здания на уровне пола 33х27 м; достаточно точно устанавливается, что протяженность здания с востока на запад не превышала 34 м.

Здание прямоугольное, вытянутое с востока на запад, возможно, с башенными выступами на углах; ориентировка сторон здания по странам света почти правильная, с небольшим смещением по часовой стрелке. Организующим архитектурным элементом внутреннего пространства был обходной коридор с длиной сторон около 20 м, охватывающий центральный жилой массив со всех сторон [Кабанов, 1958: 146]. Центральный массив состоит из шести помещений, разделенных на восточную и западную части двумя узкими проходными помещениями. Одно из них, как мы увидим ниже, было лестничной клеткой, другое, по-видимому, хозяйственным помещением.

На внешней стороне коридора расположены дверные проемы в помещения, обрамляющие со всех сторон центральный массив, кроме южной, и расположенные в один ряд, соответственно, с каждой стороны. Характерная особенность планировки внешнего обвода — правильное чередование больших и малых помещений. По данным С. К. Кабанова, сохранилось 21 помещение, если считать по первоначальному плану, два из них не сохранились (в юго-западном углу) [Кабанов, 1958: 148]. Всего, таким образом, было 23, из них 8 небольших и 8 больших помещений внешнего обвода. Два больших помещения были разделены на две почти равные части стенкой из сырцового кирпича, причем обе части этих помещений соединены проемами. Как указывалось выше, в центральном массиве было шесть жилых помещений, из них пять разделены на две части, причем три из них перекрыты наглухо. Во многих помещениях устроены невысокие суфы (возвышения), высотой 10–20 см, шириной около 90 см.

Помещение 2 (западу от входного коридора) имеет размеры 4,3×4,07 м; На полу помещения вдоль всех стен, кроме южной, в середине которой обнаружен проем, веду-

щий в коридор, устроена невысокая (15–20 см) суфа, в западной стороне не достигавшая южной стены; ширина суфы 0,85–1 м. Помещение 3 (западу от помещения 2) — 2,5×2,1 м; В этой комнате относительно хорошо сохранился дверной проем, перекрытый полуциркульной аркой высотой 1,9 м. Помещение 4 (в северо-западном углу здания) имеет размеры 3,8×3,8 м; позже стенкой была разделена на две почти равные, соединенные проемом комнаты (на плане — 6 и 7). Помещение 4 небольшое (2,5×2,1 м), слегка вытянутое с востока на запад, с двумя проемами в северо-восточном углу, один из которых (в восточной стене) вел в коридор, второй (в северной стене) — в уже описанное помещение, находившееся в угловой (северо-западной) части здания. Пол помещения обнаружен на глубине 2,3 м от уровня сохранившейся части восточной стены; западная стена, остатки которой расположены ниже по склону, сохранились в высоту на 1,2 м. Пол плотный, серый, в северо-западном углу расчищены глинобитная суфа (высота 10 см) и возле нее пятно обожженной земли.

Характерная особенность напластований помещения 5, расположенного южнее помещения 4, — наличие признаков обрушения со стороны коридора; в составе завала отмечены большие прослойки из комков пахсы, видимо, от разрушенных стен. Вдоль всех стен проложена суфа высотой 15 см и шириной до 1 м. Кроме керамики, на полу этого помещения было много золы. Размеры помещения 4,2×3,7 м, вытянутость с севера на юг. Южнее сохранилось небольшое помещение 8 и один из уголков очередного помещения. Всего под западным склоном тепе раскрыты остатки четырех отдельных помещений.

Теперь переходим к описанию помещений восточной половины внешнего обвода. К востоку от входного коридора расчищено помещение, почти квадратное в плане (4,3×4,1 м), симметричное помещению 2, но в отличие от него разделенное на две половины — южную и северную (на плане помещения 9, 10). Это помещение разделено стеной из сырцового кирпича, уложенного в один ряд торцами наружу, толщина стены 50 см; соединяющий обе части помещения проем находится возле западной стены, ширина проема 80 см. В отличие от помещений 6–7, где между промежуточной стенкой и северной стеной обнаружена штукатурка, здесь в месте смыкания стен штукатурки не оказалось. Все помещение заполнено довольно плотной и однородной желтой глиной с небольшой примесью малохарактерной керамики.

К востоку от описанного помещения обнаружена небольшая (2,6×2 м) комната (на плане помещения 11), вытянутая с севера на юг. Всю северную часть помещения занимает суфа. Проем в восточной стене комнаты вел в еще одно помещение — 12, в направлении с севера на юг размер помещения 4,05 м; несомненно, что помещение было квадратным или почти квадратным. Вдоль стен были устроены широкие суфы; на полу обнаружено гнездо от столба. По восточному фасу здания, южнее помещения 12, раскрыто небольшое (2,45×2,05 м) помещение 15. В помещении 16 также хорошо выявляется структура стен: внизу, у пола, кладка из пахсы толщиной 80 см перекрыта двумя рядами сырцового кирпича, положенного плашмя, затем опять полоса пахсовой кладки толщиной 70 см, выровненная сверху одним рядом кирпича. В середине восточного фаса вскрыто небольшое помещение 24, находившееся между двумя большими комнатами (16 и 22); размер помещения 2,35×2,05 м. В стенах хорошо выявляется комбинированная кладка. В помещении 22 обнаружен завал, неоднородный во всех частях по-

мещения. На южном склоне тепа, у восточного края, выявлено помещение 21, по размеру примерно равное ранее раскрытым небольшим помещениям (3, 12, 15), но отличающееся от них планировкой.

Теперь рассмотрим помещения центрального жилого массива. Здесь шесть крупных жилых помещений, пять из них разделены перегородками на две комнаты с отдельными выходами в коридор.

В северо-западном углу центрального массива раскрыто помещение 1, заполненное завалом рыхлого грунта с примесью органических остатков и керамики. В целом размеры помещения 4,15×3,85 м. Южнее помещения 1 раскрыто примерно такое же помещение, разделенное на две комнаты в ходе использования (на плане 25 и 13), с отдельными выходами в коридор. Южнее помещения 13 (25), под поверхностью южного склона тепа, обнаружено помещение, также разделенное на две части сплошной стеной, с двумя дверными проемами, обращенными теперь в сторону южного сектора коридора.

Трем помещениям западной части центрального жилого массива соответствуют в плане три помещения восточной части. Помещение 19 — самое северное, размерами 3,8×3,1 м, вытянуто с севера на юг. С. К. Кабанов, основываясь на особенностях наслоений в помещении 19 и наличию в нем четырех зольных ям, предположил, что это помещение имело производственное назначение; возможно, здесь была кузница. В середине восточной части центрального массива раскрыто помещение 23, размером 4,5×3,65 м, разделенное перегородкой на две комнаты; большое из которых (западное) расположено в глубине помещения. На южном склоне тепе раскрыто довольно большое помещение (20). На уровне 2,05 м от поверхности в сохранившейся части стены обнаружена тонкая перегородка, разделявшая помещение на две части — западную и восточную. Каждая из частей помещения имела отдельные проемы, ведущие во двор: проем в восточной части помещения выводил в восточный сектор коридора, проем западной части вел к югу.

По данным С. К. Кабанова основную часть материалов, полученных при раскопках Аултапе, составили фрагменты бытовой керамической посуды, типологически однородные во всех помещениях и на всех уровнях [Кабанов, 1958: 150]. Западная часть здания дает относительно больше находок, обилием керамики отличались помещения 1, 2, 5 и 17. Большие помещения восточной части (16 и 22) оказались почти пустыми, сравнительно много керамики обнаружено в промежуточном небольшом помещении 24.

Особенность керамических материалов Аултапе выражается в наличии малого количества лепных сосудов [Кабанов, 1981: 79]. Найдено всего несколько фрагментов котлов грубой лепки, один из которых довольно крупный, дающий представление о форме верхней части сосуда. Среди керамики, изготовленной на гончарном круге, наиболее характерная керамическая форма комплекса — высокие кубковидные чаши с поддоном или без поддона, сосуды в виде крынок со сливом, проделанным под венчиком, в плечевой части сосуда; курильницы, кувшинчики различных видов, котлы для приготовления пищи, а также хумы (средне- и крупноразмерные сосуды для жидкостей или зерна). Также было найдено более трех десятков пряслиц, пуговиц, грузиков для вертикального ткацкого станка, «шашлычницы», или очажные подставки, каменные изделия — зернотерки, жернова, точила, терки разных видов, бусы из различных материа-

лов, два медных перстня, орудия производства из железа, главным образом прямые и серповидные ножи, небольшая теша (тесло). Кроме того, при раскопках Аултапе было обнаружено пять монет, одна из них серебряная и четыре медные, названные условно нахшебскими. Таким образом, опираясь на керамические и нумизматические данные, С. К. Кабанов предполагал, что памятник Аултапе не может быть древнее середины V в., что убедительно подтверждают обнаруженные здесь монеты, чеканенные в подражании монетам Варахана V [Кабанов, 1981: 79].

Как мы видели выше, жилые помещения памятника значительно отличаются от других замков раннего Средневековья. Судя по сравнительному анализу с другими замками Средней Азии и плану помещений, а также по основным критериям замков, можно выяснить своеобразные особенности памятника Аултапе.

Во-первых, памятник, в отличие от других замков, не характеризуется, что отмечали С. Г. Хмельницкий и В. А. Нильсен, обороноспособностью. Памятник построен в 500 м севернее реки, на краю третьей террасы. Высота бугра от подошвы с юга 7 м, но над террасой он возвышался только на 3 м. Это подтверждает, что памятник был построен на обычном возвышенном месте, без каких-либо искусственных платформ. Стратиграфические разрезы помещений 15 и 16 показали, что стены и полы памятника были построены прямо над материком [Кабанов, 1981: 46–47]. Гипотеза о традиционном замке с четырьмя угловыми башнеобразными сооружениями, которые видны в реконструкциях С. К. Кабанова, также не подтверждается. Спустя 10 лет после открытия основного здания Аултапе В. А. Нильсен уже в своих реконструкциях отрицает первоначальную оценку, данную С. К. Кабановым [Нильсен 1966: 137, рис. 48] (см. рис. 1). Ещё один недостающий элемент, усиливающий оборону мощных стен замка, — бойницы, также отсутствует в стенах Аултапе.

Во-вторых, отсутствуют какие-либо парадные или служебно-бытовые помещения, предающие основному зданию полноценный характер, присущий замкам или дворцам богатых «дихканов». На плане Аултапе мы не видим ни одного помещения, соответствующего критериям парадной гостиной — «мехманханы». Также ни в одном из жилых помещений не обнаружены очаги, пригодные для приготовления пищи. Признаки такого очага в виде обожженного пятна на полу у стены, ограждённого кусками кирпичей, поставленных на ребро, найдены только в одном помещении (в центральной части), определенное нами как хозяйственное. В двух помещениях были зольные ямы, в трех других — пятна обожженной земли случайного характера.

С. К. Кабанов, судя по наличию в центре здания капитальной лестничной клетки с пандусом, предполагал существование второго этажа над центральным жилым массивом. Но он предполагал, что «... план второго этажа в основном соответствовал плану нижнего этажа, судя по его массивным стенам, способным выдержать тяжесть вышерасположенных конструкций», что противоречит его же мнению о существовании парадной гостиной — «мехманханы» на втором этаже строения;

В-третьих, основные керамические изделия, происходящие из раскопов Аултапе, также отличаются от аналогичных материалов в близ расположенных замках. Это отмечалось и автором раскопа: «... поразительный факт, что памятники (Аултапе и Джангалтепе) столь близкие территориально (1,5 км) и, надо полагать, хронологически, в то же

время столь различны по характеру культуры. ... если на Аултапе изделия лепной работы, даже во фрагментах, встречались лишь изредка, то на Джангалтепа они составляли не менее половины всех материалов...» [Кабанов 1981: 78–79].

Таким образом, выше отмеченные особенности архитектуры основного здания памятника, а также находки, полученные во время раскопок, не дают основания считать Аултапе замком местного дикханина, что предполагалось С. К. Кабановым. В таком случае возникает вопрос: если не замок, то каким было предназначение такого монументального сооружения и почему материалы, найденные здесь, также резко отличаются от соседних памятников?

Решение этих несоответствий С. К. Кабанов обосновал с тем, что «... резкое отличие культуры, представленной Аултапе, от культуры хронологически и территориально близкой ей Джангалтепа дает основание полагать, что некий представитель согдийской аристократии вместе с подвластным ему населением покинул оазис верхней части Зарафшана и, перешедший горный хребет (это всего 2–3 дня пути для всадника), занял удобные для орошения и малонаселенные земли в средней части долины Кашкадарьи».

Но на сегодняшний день данные по стратиграфии городища Еркурган дают нам основание, что керамическое производство Аултапе не только тесно связано с самаркандским Согдом, но и также совместимы с керамическим производством Еркургана [Исамиддинов, 1984: 118]. А наличие изделий, родственных керамике самаркандского Согда, можно объяснить культурными взаимосвязями двух регионов. Здесь своеобразие заключается в том, что основные керамические материалы гончарного производства являются типологически редкими для Средней Азии V–VI вв. В этот период не только на Еркургане (40% керамического материала), но и по всей Средней Азии наблюдается внедрение кочевнических традиций в гончарное производство [Исамиддинов, 1984: 151–152].

Путем сравнительно-сопоставительного анализа можно объяснить планировочное своеобразие Аултапе. В общем плане можно увидеть своеобразную закономерность расположения помещений: сначала большое помещение со суфами, после него малые помещения без суф. Все помещения обводного коридора были сооружены соответственно. Размеры некоторых помещений варьируют, но это не влияет на закономерность их расположения. Большие помещения с суфами, очевидно, были предназначены для жилья, но в малых помещениях не зафиксированы суфы. Исходя из этого можно предположить, что они предназначались для хранилищ. И у каждого большого помещения рядом находилось малое помещение-хранилище. С этой точки зрения можно увидеть 12 подобных комплексов (жилое помещение с хранилищем). Функциональное назначение памятника в целом становится понятным в сопоставлении с планировкой ранее открытых архитектурных сооружений Согда и соседних с ним регионов, и становится очевидной редкость сооружений с планировкой, аналогичной планировке Аултапе. Наиболее близкие аналогии обнаруживаются в городище Ханабаттепе в Ташкентском оазисе.

В ходе археологических работ на памятнике выявлено уникальное сооружение с открытым двором (50 x 31 м), обращенными к нему дверными проемами коридорообразных помещений, расположенных по периметру двора [Древности Ташкента, 1976:

15]. По данным авторов археологических исследований общее количество помещений в цитадели около 50, из них расчищено 27 [Филанович, 1983: 126]. О назначении памятника авторами высказано предположение, что «... при сопоставлении среднеазиатских цитаделей выясняется, что цитадель Ханабаттепа значительно отличается от таковых и по существу являет собой иной тип сооружений подобного рода. Если известные цитадели можно охарактеризовать как сооружения, где сочетаются жилые и оборонительные постройки, то цитадель Ханабат в первую очередь имеет прямое военно-оборонительное назначение. Здесь не обнаружено жилых и парадных помещений, и нет оснований полагать, что они были. В ханабадской цитадели все подчинено военным целям. Крепостные стены, стрелковые галереи, башни, узкие помещения-казематы, открытый большой двор-плац, где, возможно, проходили военные учения, весь этот комплекс в целом наиболее точно соответствует оборонительным функциям. Исходя из приведенных данных можно вероятнее всего охарактеризовать цитадель Ханабаттепа как сооружение военно-оборонительного типа, в котором содержался постоянный военный гарнизон...» [Древности Ташкента, 1976: 29]. Преобразование территории цитадели в сооружения отмеченного выше военно-оборонительного назначения датируется второй половиной VII в. Но об архитектурных сооружениях первых строительных периодов нет данных. Хотя первый этап обживания цитадели приходится на вторую половину VI в. [Филанович, 1983: 129]. Но в отличие от Аултапе, на основном здании Ханабаттепе помещений, которые можно охарактеризовать как хранилища, не наблюдается. В замковой архитектуре Средней Азии почти на всех планах выделяются парадные помещения и усиливающая обороноспособность крестообразность сооружения [Хмельницкий, 2000: 65–68].

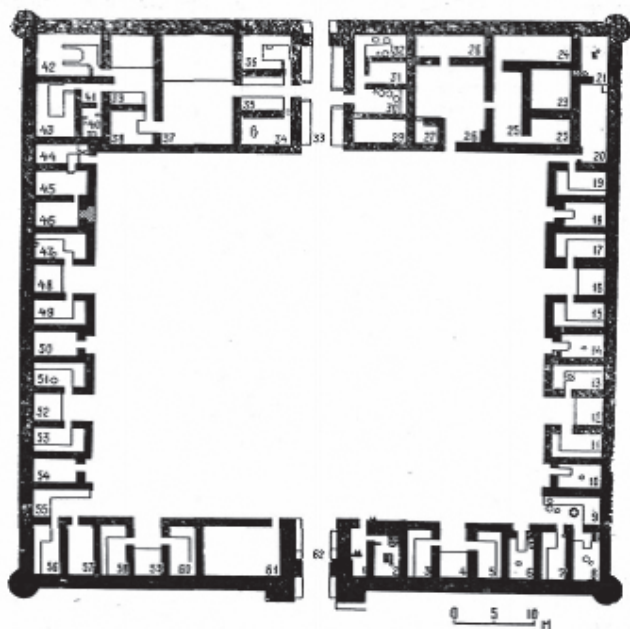

Рис. 2. План рабата городище Пайкенд (Мухамеджанов и др., 1988)

Если в раннесредневековой архитектуре монументальные здания с аналогичными планами, как у Аултапе, встречаются редко, то в Средневековье таких сооружений значительно больше. Своеобразный план памятника Аултапе напоминает средневековый рабат или карван-сарай. Это также подтверждается описаниями рабатов — карван-сараяев С. Г. Хмельницкий: «...общий структурный принцип (рабатов) — внутренний прямоугольный двор, обстроенный со всех (чаще всего) сторон, и внешние глухие стены — одни из древнейших в истории архитектуры. В Центральной Азии он употреблялся задолго до эпохи ислама, а с её приходом лёг в основу построек различного назначения — дворцовых и жилых комплексов мечетей, медресе, карван-сараяев-рабатов. В последнем случае возможность создания на этой общей основе бесконечного числа вариантов хорошо видна на примере даже тех немногих зданий, которые сохранились от раннеисламского времени или открыты с помощью раскопок» [Хмельницкий, 1992: 180].

В этом плане примером можно считать рабат городища Пайкенд [Мухамеджанов и др., 1988: 117]. Квадратное в плане здание (75×72 м) ориентировано осями по странам света (рис. 2). Центральную часть территории карван-сарая занимал двор размером 47×56 м. С южной, западной и восточной сторон двор окружали чётко организованные группы помещений жилого и хозяйственного назначения. Каждая секция включает в себя среднюю комнату-айван (открытую во двор) и две боковые комнаты. Между этими трёхкомнатными секциями расположены помещения несколько меньшей глубины: их входы, обращённые во двор, имеют форму ниш и представляют собой миниатюрные подобию традиционных среднеазиатских порталов. Здесь нет суф и очагов, которыми оборудованы явно жилые трёхкомнатные группы, и исследователи справедливо считают, что назначение этих комнат, несмотря на эффектную форму их входов, служить хозяйственными или складскими помещениями [Хмельницкий, 1992: 181]. Планировки средневековых карван-сараяев-рабатов Рабати Малик, Дая-хатын, Ишан рабат, Рабати Шариф также близки к Аултапе [Ahmad, Chase, 2004: F.1].

Возведение Аултапе началось намного раньше (датируется V–VI вв. н. э.). На сегодняшний день на территории Средней Азии не выявлены доисламские карван-сарай-рабаты. Но это не дает нам основание отрицать их существование, так как они были открыты в Иране [Хмельницкий, 1992: 179]. Причину такого явления С. Хмельницкий объясняет тем, что «... сасанидский Иран был обширным централизованным государством, тогда как Средняя Азия в преисламское время состояла из разрозненных небольших владений...». Но эту теорию также в настоящее время можно считать устаревшей. Полученные материалы показали, что в раннесредневековая Средняя Азия играла важную роль в развитии торговых отношений на Великом шелковом пути. Сгондйцы были основными посредниками в торговле с Китаем. Это подтверждается открытием множества торговых факторий на Дальнем Востоке [Беленицкий и др., 1973: 109]. По данным специалистов рабаты и карван-сарай на больших торговых путях образовывали цепочки с промежутками в один день пути — с таким расчётом, чтобы караван, покинув утром карван-сарай, к ночи достигал очередное место стоянки. Аултапе также было построено на пути от Нахшаба к Кешу. По современным меркам расстояние между Шахрисабзом и городищем Еркурган составляет 100 км, и Аултапе расположено посередине путей этих двух культурных центров (см. рис. 3).

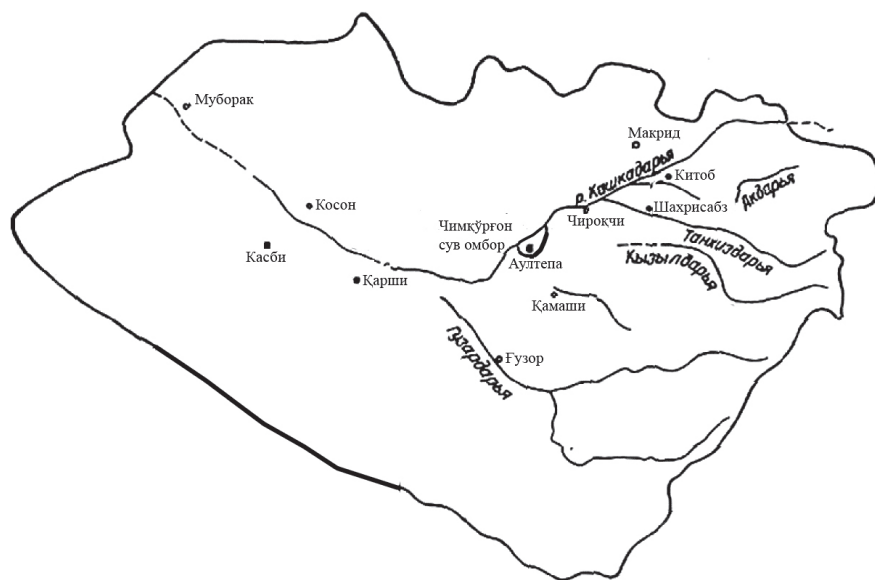

Рис. 3. Карта расположения памятника Аултапе

В заключение хотим отметить что новые исследования памятника Аултапе дают нам основание предположить, что перед нами впервые открыт рабат раннесредневекового Согда.

До сегодняшнего дня в науке появление рабатов и карван-сараев связывалось с распространением ислама. Но новые анализы памятника Аултапе даёт нам основание предположить, что возведение караван-сараев, рабатов или рибатов начинается намного раньше. Вероятнее всего, это появление рабатов и карван-сараев, сыгравших в Средневековье важную роль в развитии торговли на Великом шелковом пути, началось значительно раньше. Их возникновение, безусловно, тесно связано с формированием Великого шелкового пути.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беленицкий А. М. и др. Средневековый город Средней Азии. Л. : Наука, 1973. 389 с.
- Древности Ташкента / отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент : Фан, 1976. 130 с.
- Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. Ташкент : Фан, 1984. 159 с.
- Кабанов С. К. Культура сельских поселений южного Согда III–IV вв. Ташкент : Фан, 1981. 128 с.
- Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н.э. в долине р. Кашка-Дарья // Советская археология. 1958. № 3. С. 144–152.
- Лебедева Т. И. Генезис замковой архитектуры Центрального и Южного Согда в раннем Средневековье // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31 / Институт археологии. Самарканд, 2000. С. 141–155.
- Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Дж. К., Адылов Ш. Т. Семенов Г. Л. Городище Пайкенд. Ташкент : Фан, 1988. 196 с.

Немцева Н. Б. Рабат-и-Малик // Художественная культура Средней Азии. IX–XIII века. Ташкент : Изд-во литературы и искусства, 1983. С. 112–141.

Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры. Ташкент : Фан, 1966. 354 с.

Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М. : Наука, 1970. 287 с.

Филанович М. И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент : Фан, 1983. 199 с.

Хмельницкий С. Между кушанами и арабами // Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин; Рига : Gamajun, 2000. 291 с.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии // Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига : Gamajun, 1992. 341 с.

Sumbul A., Scott C. C. Design Generation Of The Central Asian Caravanserai // 1st ASCAAD International Conference, e-Design in Architecture KFUPM, Dhahran, Saudi Arabia. December, 2004. Pp. 43–58.

Tavernari C. Medieval Road Caravanserais In Syria: An Archaeological Approach // Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East May, 5th–10th 2009, “Sapienza” — Università di Roma. Volume 3 Islamic Session // Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2010. Pp. 191–205.

Mansouri A., Edgü E., Şalgamcioğlu M. E. Historic Persian caravanserais: Climatic effects and syntactic configuration // The 10th Space Syntax Symposium [SSS10] will be held in London from 13–17 July 2015 at UCL, London. Pp. 1–53.

İnci Kuyulu, A comparison between the caravanserais of Anatolia and Caentral Asia in the Maiddle Ages // 10e Congrès international d’art turc, Genève, 17–23 septembre 1995. Pp. 421–433.

REFERENCES

Belenitskii A. M. i dr. *Srednevekovyi gorod Srednei Azii* [The medieval city of Central Asia]. L. : Nauka, 1973. 389 s. (in Russian).

Drevnosti Tashkenta [Antiquities of Tashkent]. Tashkent : Fan, 1976. 130 s. (in Russian).

Isamididinov M. Kh., Suleimanov R. Kh. *Erkurgan* [Erkurgan]. Tashkent : Fan, 1984. 159 s. (in Russian).

Kabanov S. K. *Kul'tura sel'skikh poselenii iuzhnogo Sogda III–IV vv* [The culture of rural settlements of southern Sogd III–IV centuries]. Tashkent : Fan, 1981. 128 s. (in Russian).

Kabanov S. K. *Sogdiiskoe zdanie V v. n.e. v doline r. Kashka-Dar'i* [Sogdiiskoe zdanie V v. n.e. v doline r. Kashka-dar'i]. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet archeology]. № 3. M., 1958. S. 144–152 (in Russian).

Lebedeva T. I. *Genezis zamkovoï arkhitektury Tsentral'nogo i Iuzhnogo Sogda v rannem srednevekov'e* [The genesis of the castle architecture of Central and Southern Sogd in the early Middle Ages]. *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan]. Vyp. 31. Samarkand : Institut Arkheologii, 2000. S. 141–155 (in Russian).

Mukhamedzhanov A. R. Mirzaakhmedov Dzh. K., Adylov Sh. T. Semenov G. L. *Gorodishche Paikend* [Paikend hillfort]. Tashkent : Fan, 1988. 196 s. (in Russian).

Nemtseva N. B. *Rabat-i-Malik* [Rabat-i-Malik]. *Khudozhestvennaia kul'tura Srednei Azii. IX–XIII veka* [The art culture of Central Asia. IX–XIII century]. Tashkent : Izd-vo lititeratury i isskustva, 1983. S. 112–141 (in Russian).

Nil'sen V. A. *Stanovlenin feodal'noi arkhitektury* [The formation of feudal architecture]. Tashkent : Fan, 1966. 354 s. (in Russian).

Smirnova O. I. *Ocherki iz istorii Sogda* [Essays from the history of Sogd]. M. : Nauka, 1970. 287 s. (in Russian)

Filanovich M. I. *Tashkent zarozhdenie i razvitie goroda i gorodskoi kul'tury* [Tashkent origin and development of the city and urban culture]. Tashkent : Fan, 1983. 199 s. (in Russian).

Khmel'nitskii S. *Mezhdru kushanami i arabami* [Between Kushans and Arabs]. *Arkhitektura Srednei Azii V–VIII vv* [Architecture of Central Asia V–VIII centuries]. Berlin; Riga : Gamajun, 2000. 291 s. (in Russian).

Khmel'nitskii S. *Mezhdru arabami i tiurkami* [Between Arabs and Turks]. *Ranneislamskaia arkhitektura Srednei Azii* [Early Islamic Architecture of Central Asia]. *Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv* [The architecture of Central Asia IX–X centuries]. Berlin-Riga. Gamajun. 1992. 341 s. (in Russian).

Sumbul A., Scott C. C. Design Generation of The Central Asian Caravanserai. 1st ASCAAD International Conference, e-Design in Architecture KFUPM, Dhahran, Saudi Arabia. December 2004. Pp. 43–58 (in English).

Tavernari C. Medieval Road Caravanserais In Syria: An Archaeological Approach. Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East May, 5th–10th 2009, “Sapienza” — Università di Roma. Volume 3 Islamic Session. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2010. Pp. 191–205 (in English).

Mansouri A., Edgu E., Salgamcioglu M. E. Historic Persian caravanserais: Climatic effects and syntactic configuration. The 10th Space Syntax Symposium [SSS10] will be held in London from 13–17 July 2015 at UCL, London. Pp. 1–53 (in English).

Kuyulu I. A comparison between the caravanserais of Anatolia and Caentral Asia in the Maiddle Ages. 10e Congrès international d'art turc, Genève, 17–23 septembre, 1995. Pp. 421–433 (in English).

Цитирование статьи:

Кубаев С. Ш. Аултапе — первый открытый караван-сарай, рабат (рибат) Средней Азии // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 7–20.

Citation:

Kubayev S. Sh. Archaeology and Etno-Cultural history the first opened caravanserai, rabat (ribat) of Central Asia. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 7–20.

УДК 902.3

DOI: 10.14258/nneur(2020)2–02

О. С. Лихачева*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

СРЕДНЯЯ КОННИЦА КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В VI–I ВВ. ДО Н.Э.

Целью представленной работы является рассмотрение эволюции средневооруженной конницы каменной культуры. Несмотря на то, что данный род войск появляется у населения Лесостепного Алтая еще в VI в. до н.э., в настоящий момент практически нет публикаций, в которых проводился бы анализ его паноплии в скифо-сакское время. Таким образом, проведенное исследование является весьма актуальным и заполняет лагуну в военной истории региона. Рассматривается защитное и наступательное вооружение, свидетельствующее о наличии в войске каменной культуры средних всадников. Привлекаются также изобразительные источники, позволяющие более достоверно реконструировать вооружение и снаряжение этого рода войск.

В целом, на всем протяжении бытования каменной культуры с VI по I в. до н.э. шли постоянные поиски наиболее оптимальных форм доспеха. Основные изменения касались способа бронирования и покроя панцирей, а также материала, из которого они изготавливались. Активно совершенствовалось и оружие: появлялись не только новые его типы, но и виды. В свою очередь статистические данные указывают на то, что в рассматриваемый период росла роль средних всадников в составе войска носителей каменной культуры.

Ключевые слова: средняя конница, кочевники, Алтай, каменная культура, военное дело, военная археология.

O. S. Likhacheva*Altai State University, Barnaul (Russia)*

MEDIUM CAVALRY OF THE KAMENSKA CULTURE AND THE EVOLUTION OF MILITARY AFFAIRS OF THE POPULATION OF THE FOREST-STEPPE ALTAI IN VI–I BC

The purpose of the presented work is to consider the evolution of the middle cavalry of the Kamensk culture. Despite the fact that this kind of troops appears in the population of forest-

Steppe Altai in the VI century BC, at the moment there are practically no works in which the analysis of its panoply in the Scythian-Saka time would be carried out. Thus, the study is very relevant and fills a gap in the military history of the region. The article deals with defensive and offensive weapons, indicating the presence in the army Kamensk culture of medium riders. Visual sources are also involved, allowing more reliably reconstruct the weapons and equipment of this kind of troops. In General, throughout the existence of the Kamensk culture from VI to I centuries BC there was a constant search for the most optimal forms of armor. The main changes concerned the method of booking and the cut of the shells, as well as the material from which they were made. Actively improved and weapons: there were not only new types, but also species. In turn, statistical data indicate that during the period under review the role of these contingents in the army of carriers of Kamensk culture grew. This fact indicates, in our opinion, their effectiveness on the battlefield at that time.

Key words: medium cavalry, nomads, Altai, kamenskaya culture, military affairs, military archeology.

Лихачева Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук. Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: lihaolga@yandex.ru.

Likhacheva Olga Sergeevna, candidate of historical Sciences. Altai State University, Barnaul (Russia). Contact address: lihaolga@yandex.ru.

В раннем железном веке одним из наиболее развитых в военном отношении племен, населявших Лесостепной Алтай, были племена каменной культуры. Весьма значимым нововведением, которое начали использовать ее носители, стал доспех. По всей вероятности, с момента его появления постепенно формировались отдельные отряды наиболее состоятельных воинов, имевших защиту корпуса и головы, которые стали составлять так называемую средневооруженную или среднюю конницу. В рамках данной статьи рассматривается эволюция этого рода войск у племен каменной культуры. Территориальные рамки исследования определяются локализацией ее памятников и включают следующие области Лесостепного Алтая: Приобское плато, Кулундинскую равнину, западную часть Предалтайской равнины, а также северную часть Бийско-Чумышской возвышенности. Хронологические рамки ограничиваются временем бытования каменной культуры и включают VI–I вв. до н. э. Стоит также отметить, что в развитии комплекса вооружения этих племен можно выделить три этапа, которые различаются между собой по видовому и типовому составу используемого оружия и доспеха: ранний — VI–V вв. до н. э.; средний — IV–III вв. до н. э. и поздний — II–I вв. до н. э. [Лихачева, 2013: 50–52]. Источниковую базу исследования составляют вещественные материалы, происходящие из памятников рассматриваемой культуры и случайные находки предметов вооружения из ее ареала. Проводится анализ изображений воинов, представленных на торевтике и в мелкой пластике, что позволяет более достоверно и подробно реконструировать вооружение и снаряжение этого рода войск. Основными методами, использовавшимися в данной работе, являются сравнительно-исторический метод, а также метод реконструкции.

Появление средневооруженной конницы происходит, видимо, уже на первом этапе развития каменной культуры и относится к VI–V вв. до н. э. Именно этим временем датируется роговая панцирная пластина, происходящая с поселения Турина Гора-I. Пластина имеет овально-прямоугольный абрис. Вдоль верхнего ее края расположено пять отверстий, а одно по центру в нижней части [Тишкин, Тишкина, 1995: рис. 1. — 2]. Такая система расположения отверстий указывает на то, что пластина относится к чешуйчатому способу бронирования, при котором пластины из твердого материала нашивали на мягкую, чаще всего кожаную основу. Наиболее простым и распространенным покровом панциря при подобном наборе пластин будет «пончо», который предполагает наличие в цельной основе отверстия для головы, пройм для рук, а также разрезы с одной стороны панциря на плече и боку, предназначенные для более легкого надевания изделия [Лихачева, 2013а: 76]. Для фиксации разрезов применялись боковые ремни.

Защита головы в тот период представлена шлемами так называемого кубанского типа. На настоящий момент известна находка одного такого экземпляра. Точное местонахождение данного изделия, к сожалению, неизвестно. В статьях, где упоминается этот шлем, обозначаются различные территории: Верховья Иртыша, Западная Сибирь (район Иртыша), Горный Алтай [Грязнов, 1947: рис. 5. — 1; Горелик, 2003: табл. LXII-41; Галанина, 1985: рис. 1. — 10]. В работе Н. М. Ядринцева, где встречается наиболее раннее его упоминание, шлем не входит в список находок из Горного Алтая. Вероятно, информация о нем была получена во время путешествия из Омска в Барнаул [Ядринцев, 1883: 205]. Следовательно, он может быть связан с областью Кулундинской равнины, входящей в ареал каменной культуры, в рамках которой мы и рассматриваем данный элемент защиты. По прорисовкам можно установить следующие особенности данного экземпляра: выраженные дуги над бровями, образующие треугольный выступ, и продольный «гребень», проходящий по центру тульи от окончания выступа до затылка [Грязнов, 1947: рис. 5. — 1; Горелик, 2003: табл. LXII. — 41].

Наступательное вооружение каменной культуры в VI–V вв. до н. э. представлено следующими видами: мечи, чеканы, стрелковый комплекс и кинжалы. Находки мечей, относящихся к рассматриваемому этапу, представлены двумя экземплярами. Они изготовлены из железа, с клинками килевидного абриса и почковидным перекрестием, навершие волутообразное или брусковидное. У меча, являющегося случайной находкой из Тюменцевского района, имеются на черене обмотка из золотой проволоки, а также золотые обкладки на навершии [Фролов, 2016: рис. 1. — 1]. Фрагменты золотой инкрустации обнаружены также у второго изделия, происходящего из памятника Новобинка [Иванов, Медникова, 1982: рис. 1]. Малочисленность длиноклинкового оружия и отделка его золотом указывают на элитарный характер этих изделий. Вероятно, мечи, как и доспех, могли позволить себе только наиболее состоятельные члены общества, которые и составляли прослойку средневооруженных всадников.

Не исключено, что в паноплию рассматриваемого рода войск могли входить и чеканы, так же, как и длинные всаднические мечи, удобные для ведения боя с лошади. На настоящий момент известно два изделия, датируемые VI–V вв. до н. э. Один экземпляр изготовлен из бронзы и является случайной находкой, второй — железный — происходит из могильника Рогозиха-1 [Могильников, 1997: рис. 43. — 8; Уманский, Шамшин,

Шульга, 2005: рис. 28. — 4]. Оба чекана втульчатого способа насада, обух и боек у них расположены под прямым углом относительно втулки. У бронзового образца ударная часть килевидного абриса. Боек состоит из двух элементов: округлого стержня и отходящей от него лопасти [Могильников, 1997: рис. 43. — 8]. Железный чекан имеет стержневидный боек [Лихачева, 2013b: рис. 3. — 2].

По всей вероятности, мечи и чеканы были взаимозаменяемыми видами оружия в комплекте, поскольку предназначены для ведения боя на одной дистанции. Дополнением комплекта могли служить кинжал и стрелковый комплекс. Поскольку эти виды оружия не являлись специфичными для рассматриваемого рода войск, не будем подробно останавливаться на их характеристиках, а отметим лишь общие моменты. Кинжалы в рассматриваемый период изготавливались как из бронзы, так и из железа [Лихачева, 2013с: 50, рис. 1]. Стрелковый комплекс включал лук и стрелы. Лук относился, по всей вероятности, к изделиям «скифского» типа. Наконечники стрел, датированные VI–V вв. до н. э., изготовлены из бронзы, имеют черешковый или втульчатый способ насада и трехлопастное, трехгранно-трехлопастное или трехгранное перо [Лихачева, 2013с: 50, рис. 1].

Таким образом, в VI–V вв. до н. э. один из возможных комплектов средневооруженного всадника каменной культуры включал следующие средства защиты и нападения: роговой чешуйчатый панцирь покроя «пончо», бронзовый шлем «кубанского» типа и меч. Последний мог заменяться чеканом. Из дополнительного оружия в комплект входили стрелковый комплекс и кинжал (рис. 1, 2). Первый использовался на начальной стадии боя для обстрела противника с дальней дистанции, в свою очередь, короткокильковое оружие — в случае необходимости спешенного ближнего боя.

В IV–III вв. до н. э. произошел качественный скачок в развитии доспеха, а также в расширении видового разнообразия оружия. Это привело к увеличению количества средневооруженных всадников и повышению значимости этого рода войск. Об этом свидетельствует появление первых изобразительных источников на рассматриваемой территории, на которых представлены средние всадники. Это золотая «пластина» из Сибирской коллекции Петра I и деревянные фигурки воинов из могильника каменной культуры Бугры [Руденко, 1962: рис. 29; Чугунов, 2014: илл. 1.1–3]. Изделия из могильника Бугры представляют собой скульптурные изображения воинов, изготовленные из дерева. По ним можно восстановить некоторые особенности использовавшихся в то время панцирей: высокие стоячие воротники, закрывающие шею и затылочную часть, достаточно длинный подол, доходящий почти до колен [Чугунов, 2014: илл. 1. — 1–3]. Хорошо прослеживается форма боевых оголовий. Общая форма тульи близка изделиям «кубанского» типа. В качестве дополнительных элементов выступают нащечники и продольный фигурный гребень. Наиболее близкой вещественной аналогией описанным боевым оголовьям является шлем из могильника Филипповка рубежа V — третьей четверти IV в. до н. э. [Яблонский, 2013: 54, 128].

На «пластине» из Сибирской коллекции Петра I доспех проработан более подробно: восстанавливается структура бронирования, покрой панцирей, а также дополнительные элементы для защиты рук и ног. Всего по данному изображению можно выделить три комплекта защитного вооружения.

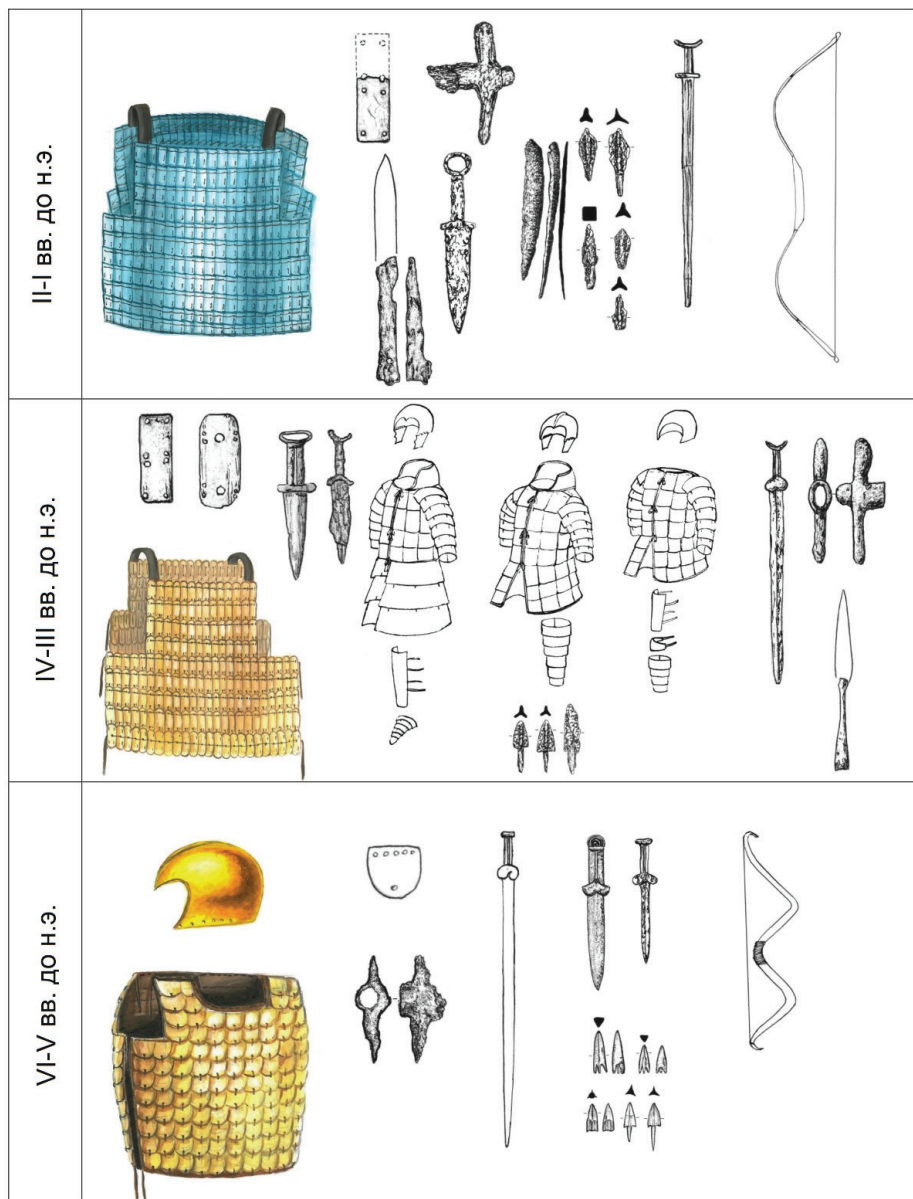

Рис. 1. Развитие паноплии средневооруженной конницы каменной культуры

Рис. 2. Реконструкция средневооруженного воина каменной культуры VI–V вв. до н. э.

Первый, наиболее хорошо читающийся, комплект представлен на всаднике, находящемся в центре всей композиции [Лихачева, 2016: рис. 1. — 7]. Его панцирь состоит из нагрудника, наспинника и юбки, доходящей до колен. На изображении, видимо, показан покроей «халат» или «кафтан», при котором панцирь состоит из одной части, но имеет разрез спереди и разрез от крестца до края подола сзади, который призван облегчать посадку на лошадь [Лихачева, 2016: рис. 2. — 4]. Использование такого покроя встречается у синхронных им сакских изделий [Горелик, 1987: рис. 2. — 2]. Бронирование прослеживается плохо, но, видимо, оно аналогично тому, что показано на первом всаднике и включает три вертикальных и три горизонтальных ряда пластин. Исходя из размера пластин и их формы наиболее близкой аналогией среди вещественных находок являются железные пластины чешуйчатого бронирования из комплекса Чирик-Рабат [Толстов, 1962: рис. 82а; Горелик, 2003: табл. LIII-21а].

Высокий стоячий воротник, скорее всего, состоял из цельной пластины [Толстов, 1962: рис. 826]. Подол панциря показан тремя крупными полосами, демонстрирующими ламинарную структуру бронирования [Горелик, 1982: 89]. Защита рук представлена «браслетным» набором из семи сомкнутых пластин. Защита ноги составная: от колена до стопы она закрыта сплошной пластиной трапециевидной формы, закрепленной двумя ремешками на голени, внешняя часть стопы защищена неполными «браслетами» из шести сегментов. Шлем аналогичен изделиям, изображенным на описанных выше фигурках из могильника Бугры, но не имеет гребня, а нащечники снабжены фигурными вырезами (рис. 3) [Лихачева, 2016: 274–278].

Рис. 3. Реконструкция средневооруженного воина каменной культуры IV–III вв. до н. э.

Второй защитный комплект можно реконструировать по фигуре лучника. В целом, по покрою и способу бронирования панциря он аналогичен первому, но подол «халата» не ламинарный, а чешуйчатый, как и верхняя часть панциря [Лихачева, 2016: рис. 3. — 3]. Руки до локтя защищены «браслетами», они же читаются и на ногах, где их только четыре. Стоит отметить, что при таком небольшом количестве они должны были быть достаточно широкими и мешали бы движению. Более вероятное количество «браслетов» показано на ноге копейщика, где их шесть [Лихачева, 2016: рис. 1. — 6]. Шлем лучника имеет небольшой гребень и простые трапециевидные нащечники без выреза [Лихачева, 2016: 274–278].

Третий комплект, который можно выделить по рассматриваемому изображению, является «составным». Панцирь и шлем воссоздаются по всаднику, находящемуся во главе кавалькады, а защита ног — по отдельному изображению ноги, относящейся, видимо, воину с «топором». Нагрудник панциря состоит из четырех горизонтальных и трех вертикальных рядов пластин и, в отличие от двух вышеописанных, не имеет воротника. Руки закрыты от плеча до кисти браслетным набором из семи сегментов. Нога защищена полностью от бедра до стопы: бедро закрыто широкой прямоугольной пластиной, закрепленной ремешками; читается наколенник, повторяющий спереди форму сустава и резко сужающийся к тыльной стороне ноги; от колена до стопы нога закрыта ламинарным набором из четырех сегментов. Боевое оголовье данного персонажа максимально простое — без надбровных вырезов и нащечников [Лихачева, 2016: 274–278, рис. 4. — 1, 3, 5].

В целом, в IV–III вв. до н. э. носители каменной культуры, судя по изобразительным источникам и синхронным им вещественным материалам, начинают использовать достаточно развитый железный доспех. Параллельно идет дальнейшее развитие панцирей из органических материалов, о чем свидетельствуют находки из погребальных комплексов данного периода. Из памятника Казенная Заимка-I происходят три костяных панцирных пластины [Лузин, Тишкин, 1999: 152–153, рис. 4–7, 10–11]. Все они вертикальные, овального абриса, имеют от девяти до десяти отверстий, из которых одно или два срединных и по четыре пары боковых. Система крепежных отверстий указывает на то, что они относятся к более совершенной ламеллярной структуре бронирования, когда пластины связываются непосредственно друг с другом. В связи с этим меняется покров панцирей. На смену «пончо», скорее всего, пришла «кираса» — более удобная для такой системы бронирования [Лихачева, Тишкин, 2013: 38]. При таком покрое панцирь состоял из двух частей — наспинника и нагрудника, которые соединялись между собой оплечными и боковыми ремнями.

Коснулись изменения и наступательного вооружения, что отразилось в увеличении типового и видового разнообразия. В настоящий момент известно два меча, относящихся к рассматриваемому периоду. Один меч является случайной находкой, другой происходит из могильника Гилево-X, курган № 1. Абрис клинков остается килевидным, но меняются формы перекрестия и навершия: первое становится сердцевидным, второе — дуговидным [Могильников, 1990: 79, рис. 1. — 6; Кирюшин, Иванов, Бородаев, 1995: 99–101, рис. 1].

Большее распространение получают чеканы. Всего к IV–III вв. до н. э. относится восемь экземпляров, происходящих из погребальных памятников [Лихачева, 2013с: 52]. Все они изготовлены из железа, имеют втульчатый способ насада, обух и боек расположены под углом относительно плоскости втулки. Боек стержневидный или стержневидный с ромбическим расширением на окончании. Отличительной особенностью этого периода является художественное оформление обуха [Шульга, Уманский, Могильников, 2009: рис. 117. — 1–3]. Значимым шагом в развитии наступательного вооружения стало появление копий. Железный наконечник этого вида оружия происходит из могильника Новотроицкий-2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 38–39, рис. 21. — 4–5]. Большая часть пера у этого экземпляра обломлена, но, судя по форме сохранившегося основания, оно имело листовидный абрис и ромбовидное сечение [Лихачева, 2015: рис. 4. — 1]. Копейщик также изображен на рассмотренной выше пластине. Следовательно, в IV–III вв. до н. э. начинает применяться бой на средней дистанции, в котором, если судить по изображению, использовали как раз средневооруженную конницу.

Кинжалы в рассматриваемый период изготавливают уже только из железа. Появляются и железные наконечники стрел, но пока они не вытесняют бронзовые образцы. Они имеют черешковый способ насада, трехгранное или трехлопастное перо треугольного или килевидного абриса [Лихачева, 2013с: 52].

В целом, на втором этапе происходят значительные изменения в развитии средневооруженной конницы у носителей каменной культуры. Панцири из органических материалов эволюционируют от чешуйчатых «пончо» к ламеллярным «кирасам». Вероятно, в обиходе появляются железные доспехи с чешуйчатым набором покроя «халат» или «кафтан». Распространяется ламинарная защита рук и ног. Шлемы «кубанского» типа заменяются схожими с ними боевыми оголовьями, но дополненные нащечниками и изготовленные из железа. В комплекте оружия появляется копье. Последнее, безусловно, оказывает влияние и на тактику — помимо боя на дальней и ближней становится возможным ведение боя на средней дистанции (см. рис. 1).

Во II–I вв. до н. э. продолжается дальнейшее развитие доспеха. По материалам могильника Камень-II фиксируются пластины ламеллярного способа бронирования, но изготовленные из железа. Они имеют прямоугольный абрис и восемь отверстий [Могильников, Куйбышев, 1982: 117–119; Лихачева, 2019: рис. 1]. Покрой, как и у предшествующих костяных образцов, мог представлять собой «кирасу». Переход на такой тип доспеха был, скорее всего, связан со стремлением уменьшить вес панциря, а также обеспечить воину большую подвижность. Открытым остается вопрос по поводу использования во II–I вв. до н. э. боевых оголовий. Пока ни по письменным, ни по изобразительным источникам нет никакой информации об этом виде защитного вооружения (см. рис. 4).

Комплект оружия мог включать следующие виды: меч или чекан, стрелковый комплект, кинжал, копье. Во II–I вв. до н. э. возрастает роль мечей, поскольку увеличивается число их находок по сравнению с предшествующими периодами. Всего на настоящий момент известно пять экземпляров длинноклинового оружия, датируемых II–I вв. до н. э., из которых три происходят из погребений, а два являются случайными находками. Изменяется абрис клинка — от килевидного к треугольному, форма наверший

остается дуговидной, а перекрестия становятся брусковидными [Лихачева, 2013с: 52]. О большей популярности мечей на завершающем этапе указывает также сокращение количества чеканов. На настоящий момент известен только один экземпляр, происходящий из могильника Камень-II [Могильников, Куйбышев, 1982: 117–119, рис. 4. — 1, 5. — 11]. По своей морфологии он идентичен образцам IV–III вв. до н.э., отличие заключается в отсутствии художественного оформления обуха. Наконечник копья известен по материалам могильника Масляха-I. Он более массивный, чем экземпляр IV–III вв. до н.э., кроме того, судя по сохранившимся остаткам пера, он имел килевидный абрис [Могильников, Уманский, 1992: рис. 5. — 21]. Подобные характеристики могут свидетельствовать о том, что этот вид оружия начинает использоваться для применения такого тактического приема, как таранный удар.

Рис. 4. Реконструкция средневооруженного воина каменской культуры II–I вв. до н.э.

Короткоклинковое оружие не претерпевает значительных изменений, но происходит совершенствование стрелкового комплекса. Начинают использоваться более мощные луки «хуннского» типа, с которыми применялись крупные железные наконечники стрел [Лихачева, 2013с: 52]. Они, как и в предшествующий период, с черешковым насадом, но дополнительно появляется четырехгранное сечение пера, а также изделия с асимметрично-ромбическим абрисом (см. рис. 1).

Таким образом, на протяжении существования каменной культуры происходит постоянное совершенствование вооружения, которое применялось средними всадниками. Вероятно, постепенно возрастала и роль этих контингентов в составе войска. Основные изменения касались прежде всего доспеха и шлемов. Появляясь в VI в. до н. э., панцири из органических материалов активно меняются по своему покрою и способу набора: «пончо» с чешуйчатым бронированием постепенно вытесняют ламеллярные «кирасы». В IV в. до н. э. получает распространение максимально закрытый доспех сакского типа, изготовлявшийся, вероятно, из железа. Ставка делалась на максимальную защиту корпуса и конечностей, применялся чешуйчатый и ламинарный способы бронирования. Покрой мог быть «халат» или «кафтан». Подобные панцири были достаточно громоздкими и тяжелыми, что при отсутствии стремя снижало боеспособность воина. Вероятно, это стало причиной того, что во II в. до н. э. стали применять более легкие и подвижные ламеллярные «кирасы», набравшиеся из железных пластин. Шлемы на протяжении VI–III вв. до н. э. близки по облику боевым оголовьям «кубанского» типа. Менялся, видимо, только материал — от бронзы к железу, а также варьировались детали: наличие и форма нащечников, присутствие «гребня», глубина вырезов надбровных дуг. Наиболее полный комплект наступательного вооружения средневооруженных всадников каменной культуры включал меч или чекан, стрелковый комплекс и кинжал. С IV в. до н. э. в него могло входить также копье. Такой набор предполагал возможность ведения боя на дальней, средней и ближней дистанции. Средневооруженные всадники составляли в то время небольшие отряды из наиболее состоятельных членов общества. К тактическим приемам, применявшимся такими формированиями, относился обстрел противника на дальней дистанции с последующим переходом к ближнему бою мечами и чеканами. С появлением копий стал возможен также бой на средней дистанции, видимо, носивший характер таранного удара.

Материалы каменной культуры наиболее выразительно демонстрируют развитие военного дела у ранних кочевников рассматриваемого региона, что связано с весьма репрезентативной источниковой базой, которая позволяет выделить характерные тактические приемы, присущие многим синхронным культурам того времени. Войско, судя по комплексам вооружения большинства из них и рассматриваемой культуры в частности, включало легкую и среднюю конницу. Основной тактической задачей легкой конницы являлся обстрел врага на дальней дистанции стрелковым оружием. В бою конница должна была использовать рассыпное построение. При необходимости легкие всадники могли переходить к конному бою на ближней дистанции или спешенному рукопашному бою. На этой фазе наиболее активную роль играли средневооруженные всадники, возглавлявшие легкие отряды. За легкой конницей остается глав-

ным образом дальний бой, а за средней — конный бой на средней и ближней дистанции. При этом первой в бой должна была вступать легкая конница, которая обстреливала врага, а затем его атаку возглавляла средняя конница.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Галанина Л. К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие востока: Проблемы поиски суждения. Л. : Наука, 1985. С. 169–183.

Горелик М. В. Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М. : Наука, 1982. С. 82–112.

Горелик М. В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М. : Наука, 1987. С. 110–133.

Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). СПб. : Атлант, 2003. 336 с.

Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.

Иванов Г. Е., Медникова Э. М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 89–95.

Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Бородаев В. П. Мечи из собрания Шипуновского музея // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 99–103.

Лихачева О. С. Реконструкция комплекса вооружения каменской культуры VI–V вв. до н. э. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013а. Т. 2. С. 75–79.

Лихачева О. С. Системный анализ чеканов VI–I вв. до н. э. (по материалам памятников Лесостепного Алтая) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013б. Ч. III. С. 56–72.

Лихачева О. С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 231. 2013с. С. 49–59.

Лихачева О. С. Развитие древкового оружия средней дистанции у населения Лесостепного Алтая в бронзовом и раннем железном веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы : труды Шестой Международной научно-практической конференции. СПб. : ВИМАИВиВС, 2015. Ч. III. С. 69–84.

Лихачева О. С. Пластина с кавалькадой всадников из Сибирской коллекции Петра I как источник для реконструкции вооружения кочевников раннего железного века // Война и оружие. Новые исследования и материалы : труды Седьмой Международной научно-практической конференции. СПб. : ВИМАИВиВС, 2016. Ч. III. С. 272–286.

Лихачева О. С. Общее и особенное в развитии вооружения населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы : труды Седьмой Международной научно-практической конференции. СПб. : ВИМАИВиВС, 2017. Ч. III. С. 114–132.

Лихачева О. С. Реконструкция вооружения и снаряжения воина каменной культуры II в. до н. э. (по материалам могильника Камень-II) // *Stratum plus*. № 3: Война и пир в кочевой степи. 2019. С. 89–96.

Лихачева О. С., Тишкин А. А. Реконструкция воина большереченской культуры // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. Вып. 10. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 37–39.

Лузин С. Ю., Тишкин А. А. Курганный могильник Казенная Заимка-I // *Вопросы археологии и истории Южной Сибири*. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. С. 149–160.

Могильников В. А. Памятники раннего железного века на Верхнем Алее // *Охрана и использование археологических памятников Алтая*. Барнаул, 1990. С. 78–83.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М., 1997. 195 с.

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // *Советская археология*. 1982. № 2. С. 113–134.

Могильников В. А., Уманский А. П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла*. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1992. С. 69–93.

Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // *Свод археологических источников*. 1962. Вып. Д3–9. 52 с.

Тишкин А. А., Тишкина Т. В. Комплекс аварийных археологических памятников близ Туриной Горы // *Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 106–110.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М. : Изд-во восточной литературы, 1962. 322 с.

Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Фролов Я. В. Меч скифского времени — новая находка с территории лесостепного Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2016. Т. 44. № 3. С. 56–62.

Чугунов К. В. Захоронения «золотых людей» в традиции кочевников Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследования) // *Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева*. Астана : Сырдарья, 2014. С. 714–725.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка-1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : каталог коллекции. Кн. 1. М. : ИА РАН, 2013. 232 с.

Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г. // *Древности: Труды Императорского археологического общества*. М., 1883. Т. IX, вып. II–III. С. 181–205.

REFERENCES

Chugunov K. V. *Zaxoroneniya “zoloty`x lyudej” v tradicii nomadov Evrazii (novy`e materialy` i nekotory`e aspekty` issledovaniya)* [Burials of “Golden people” in the tradition of Eurasian nomads (new materials and some aspects of the research)]. *Dialog kul`tur Evrazii v arxeologii Kazaxstana* [Dialogue of Eurasian cultures in the archeology of Kazakhstan]. Astana : Sy`rdar`ya, 2014. S. 714–725 (in Russian).

Frolov Ya. V. *Mech skifskogo vremeni — novaya naxodka s territorii lesostepnogo Altaya* [Sword of Scythian time — a new discovery from the territory of forest-steppe Altai]. *Arkheologiya, e`tnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia]. 2016. T. 44. № 3. S. 56–62 (in Russian).

Galanina L. K. *Shlemy` kubanskogo tipa (voprosy` xronologii i proisxozhdeniya)* [Helmets of Kuban type (questions of chronology and origin)]. *Kul`turnoe nasledie vostoka: Problemy` poiski suzhdeniya* [Cultural heritage of the East: Problems and judgments]. L. : Nauka, 1985. S. 169–183 (in Russian).

Gorelik M. V. *Kushanskij dospekh* [Kushan armor]. *Drevnaya Indiya. Istoriko-kul`turny`e svyazi* [Ancient India. Historical and cultural relations]. M. : Nauka, 1982. S. 82–112 (in Russian).

Gorelik M. V. *Oruzhie drevnego Vostoka (IV ty`syacheletie — IV v. Do n.e.)* [Weapons of the ancient East (IV Millennium-IV century BC)]. SPb. : Atlant, 2003. 336 s. (in Russian).

Gorelik M. V. *Sakskij dospekh* [Saka armor]. *Central`naya Aziya. Novy`e pamyatniki pis`mennosti i iskusstva* [Central Asia. New monuments of writing and art]. M. : Nauka, 1987. S. 110–133 (in Russian).

Gryaznov M. P. *Pamyatniki maje`mirskogo e`tapa e`poxi rannix kochevnikov na Altae* [Monuments of mayemir stage of the era of early nomads in Altai]. *Kratkie soobshheniya Instituta istorii material`noj kul`tury`* [Brief reports of the Institute of the history of material culture]. 1947. Vyp. XVIII. S. 9–17 (in Russian).

Ivanov G. E., Mednikova E. M. *Novoobinskij kurgan* [Novouzenskiy mound]. *Arkheologiya i etnografiya Altaya* [Archaeology and Ethnography of the Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1982. S. 89–95 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Ivanov G. E., Borodaev V. P. *Mechi iz sobraniya Shipunovskogo muzeya* [Swords from the collection of Shipunov Museum]. *Problemy` okhrany`, izucheniya i ispol`zovaniya kul`turnogo naslediya Altaya* [Problems of the protection, study and use of the cultural heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. S. 99–103 (in Russian).

Lixacheva O. S. *Rekonstrukciya kompleksa vooruzheniya kamenskoj kul`tury` VI–V vv. do n. e.* [Reconstruction of the complex of weapons Kamensk culture VI–V centuries BC.]. *Integraciya arkheologicheskix i arkheologicheskix issledovanij* [Integration of archaeological and archaeological research]. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2013a. T. 2. S. 75–79 (in Russian).

Lixacheva O. S. *Sistemny`j analiz chekanov VI–I vv. do n.e.* (Po materialam pamyatnikov Lesostepnogo Altaya) [System analysis of cheek-pieces VI–I centuries BC (based on the monuments of forest-Steppe Altai)]. *Vojna i oruzhie. Novy`e issledovaniya i materialy* [War and weapons. New research and materials]. SPb. : VIMAIViVS, 2013b. Ch. III. S. 56–72 (in Russian).

Lixacheva O. S. *Komplekсы` vooruzheniya i razvitie taktiki boya u naseleniya Lesostepnogo Altaya vo vtoroj polovine I ty`s. do n. e.* [Complexes of arms and development of tactics

of fight at the population of forest-Steppe Altai in the second half I thousand BC.]. *Kratkie soobshheniya instituta arxeologii* [Brief Communications from the Institute of Archeology]. 2013c. Vyp. 231. S. 49–59 (in Russian).

Lixacheva O. S. *Obshhee i osobennoe v razvitii vooruzheniya naseleniya Lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke* [General and special in the development of armament of the population of the forest-Steppe Altai in the early iron age]. *Vojna i oruzhie. Novy'e issledovaniya i materialy* [War and weapons. New research and materials]. SPb. : VIMAIViVS, 2017. Ch. III. S. 114–132 (in Russian).

Lixacheva O. S. *Plastina s kaval'kadoj vsadnikov iz Sibirskoj kollekcii Petra I kak istochnik dlya rekonstrukcii vooruzhenie kochevnikov rannego zhelezного века* [Plate with a cavalcade of horsemen from the Siberian collection of Peter I as a source for the reconstruction of the early iron age nomads]. *Vojna i oruzhie. Novy'e issledovaniya i materialy* [War and weapons. New research and materials]. SPb. : VIMAIViVS, 2016. Ch. III. S. 272–286 (in Russian).

Lixacheva O. S. *Razvitie drevkovogo oruzhiya srednej distancii u naseleniya Lesostepnogo Altaya v bronzovom i rannem zheleznom veke* [Development of medium-range polearm weapons among the population of forest-Steppe Altai in the bronze and early iron age]. *Vojna i oruzhie. Novy'e issledovaniya i materialy* [War and weapons. New research and materials]. SPb. : VIMAIViVS, 2015. Ch. III. S. 69–84 (in Russian).

Lixacheva O. S. *Rekonstrukciya vooruzheniya i snaryazheniya voina kamenskoj kul'tury II v. do n. e. (po materialam mogil'nika Kamen'-II)* [Reconstruction of weapons and equipment warrior kamenskoj culture II. BC (based on the materials of the burial Stone-II)]. *Stratum plus*. № 3: Vojina i pir v kochevoj stepi. 2019. S. 89–96 (in Russian).

Lixacheva O. S., Tishkin A. A. *Rekonstrukciya voina bol'sherechenskoj kul'tury* [Reconstruction of a warrior culture bolsherechye]. *Trudy molodykh uchenykh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of young scientists of Altai State University]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. Vyp. 10. S. 37–39 (in Russian).

Luzin S. Yu., Tishkin A. A. *Kurganny'j mogil'nik Kazennaya Zaimka-I* [Burial mound Breech Zaimka-I]. *Voprosy' arkheologii i istorii Yuzhnoj Sibiri* [Questions of archeology and history of southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo BGPU, 1999. S. 149–160 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Pamyatniki rannego zhelezного века na Verxnem Alee* [Monuments of the early iron age on the Upper Alley]. *Okhrana i ispol'zovanie arxeologicheskix pamyatnikov Altaya* [Protection and use of archaeological sites of Altai]. Barnaul, 1990. S. 78–83 (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Umanskij A. P. *Kurgany' Maslyaxa-I po raskopkam 1979 goda* [Mounds Maslyaxa-I on the excavations of 1979]. *Voprosy' arkheologii Altaya i Zapadnoj Sibiri e'pokhi metalla* [Archeology issues of Altai and Western Siberia of the metal era]. Barnaul : Izd-vo BGPU, 1992. S. 69–93 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Naselenie Verkhnego Priob'ja v seredine — vtoroi polovine I tysjacheletija do n. e.* [The population of the Upper Ob region in the second half of the first Millennium BC]. M., 1997. 195 s. (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Kuibyshev A. V. *Kurgany "Kamen' — II" (Verkhnee Priob'e) po raskopkam 1976 g.* [Mounds of Stone II (Upper Ob) excavations 1976]. SA. 1982. № 2. S. 113–134 (in Russian).

Rudenko S. I. *Sibirskaya kollekciya Petra I* [Siberian collection of Peter I]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Archaeological sources]. 1962. Vyp. D3–9. 52 s. (in Russian).

Shulga P. I., Umanskii A. P., Mogilnikov V. A. *Novotroitskii nekropol* [Novotroitsk necropolis]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta Publ., 2009. 329 s. (in Russian).

Tishkin A. A., Tishkina T. V. *Kompleks avarijny'kh arkheologicheskikh pamyatnikov bliz Turinoj Gory* [Complex of emergency archaeological sites near the mountain of Turin]. *Problemy' okhrany', izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya* [Problems of the protection, study and use of the cultural heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. S. 106–110 (in Russian).

Tolstov S. P. *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta* [By the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes]. M. : Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1962. 322 s. (in Russian).

Umanskij A. P., Shamshin A. B., Shul'ga P. I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi* [The burial ground of the Scythian period Rogozikha-1 on the left Bank of the Ob]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 204 s. (in Russian).

Yablonskij L. T. *Zoloto sarmatskix vozhdjev. E'litny'j nekropol' Filippovka-1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.)* [Gold Sarmatian chiefs. Elite necropolis of the Filippovka-1 (on materials of excavations 2004–2009)]. Katalog kolekcii. Kn. 1. M. : IA RAN, 2013. 232 s. (in Russian).

Yadrincev N. M. *Opisanie sibirskix kurganov i drevnostej. Puteshestvie po Zapadnoj Sibiri i Altayu v 1878 i 1880 g.* [Description of Siberian mounds and antiquities. Travels in Western Siberia and Altai in 1878 and 1880]. *Drevnosti: Trudy Imperatorskogo arxeologicheskogo obshchestva* [Antiquities: Proceedings of the Imperial Archaeological Society]. M., 1883. T. IX. Vy'p. II–III. S. 181–205 (in Russian).

Цитирование статьи:

Лихачева О. С. Средняя конница каменной культуры и эволюция военного дела населения лесостепного Алтая в VI–I вв. до н. э. // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 21–36.

Citation:

Likhacheva O. S. Medium cavalry of the Kamenska culture and the evolution of military affairs of the population of the forest-steppe Altai in VI–I BC. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 21–36.

УДК 903/904 (574/575) + 811.512.2

DOI: 10.14258/nreur(2020)2–03

В. В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ (Россия)

Е. Ш. Акымбек

Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, Алматы (Казахстан)

Б. А. Железняков

Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, Алматы (Казахстан)

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ТОСПАЛЫ (ДОЛИНА РЕКИ ЧУ (ШУ), КАЗАХСТАН)

Освещаются основные аспекты изучения вопросов, связанных с вводимой в научный оборот древнетюркской рунической надписью, обнаруженной в долине реки Чу (Шу). Приводится краткая история находки этого памятника эпиграфики, расположенной на берегу речки Шыгыс Жинишке — правого притока Чу, в горной части долины. Речка сбегает с южных склонов относительно невысокого хребта Жетыжол — северного отрога Тянь-Шаня, протянувшегося на северо-запад, по которому проходит граница Жамбылской и Алматинской областей Республики Казахстан. Проводится анализ результатов исследований последних лет, направленных на выявление относительно редких (сравнительно с соседней Таласской долиной) эпиграфических памятников древних тюрков, их локализации.

По имеющимся в нашем распоряжении данным это уже девятая руноподобная древнетюркская надпись долины р. Чу и прилегающего в правому берегу междуречья Чу-Или (хребет Жетыжол, Чу-Илийские горы). Предлагается прочтение публикуемой надписи, весьма лапидарной и далеко не уникальной по своему содержанию, но важной для общего представления о письменной культуре населения региона раннего Средневековья.

Ключевые слова: памятники древнетюркской рунической письменности, эпиграфика, древние тюрки, долина реки Чу (Шу), хребет Жетыжол, сохранение культурного наследия.

V. V. Tishin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian branch Russian academy of sciences, Ulan-Ude (Russia)

E. Sh. Akymbek

Institute of archaeology named after A. Kh. Margulan Ministry of Education and Science of RK, Almaty (Kazakhstan)

B. A. Zheleznyakov

Institute of archaeology named after A. Kh. Margulan Ministry of Education and Science of RK, Almaty (Kazakhstan)

THE EARLY TURKIC RUNIC INSCRIPTION FROM TOSPALY (CHU (SHU) RIVER VALLEY, KAZAKHSTAN)

The main aspects of the study of issues related to the introduction into scientific circulation of the Early Turkic runic inscription found in the valley of the Chu (Shu) River are considered. A brief history of the discovery of this inscription, located on the shore of the Shygys Zhinishke River that is the right tributary of the Chu River, in the mountain part of the valley, is given. The river runs from the southern slopes of the relatively low range of Zhetyzhol, that represents the northern edge of Tian Shan Mountains, stretching to the North-West, along which the border of Zhambyl and Almaty regions of the Republic of Kazakhstan runs. The analysis of the results of studies of recent years aimed at identifying relatively rare (compare with the neighboring Talas Valley) epigraphic sites of Early Turks, their localization is carried out. According to the data available at our disposal, this is the ninth rune-like Early Turkic inscription of the Shu River Valley and the adjacent Chu-Ili inter-river in the right bank (Zhetyzhol Ridge, Chu-Ili Mountains). It is proposed to read the published inscription, which is very lapidary and far from unique in its content, but important for the general idea of the written culture of the population of the region of the Early Middle Ages.

Key words: sites (relics) of Early Turkic runic writing, epigraphic, Early Turks, valley of Chu River, Zhetyzhol Ridge, preservation of cultural heritage.

Тишин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ (Россия). Адрес для контактов: tihij-511@mail.ru.

Акымбек Ералы Шардарбекович, PhD, ВНС Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: eraly_a@mail.ru.

Железняков Борис Анатольевич, докторант PhD, СНС Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: boriszheleznyakov@mail.ru.

Tishin Vladimir Vladimirovich, Candidate of History, S. R. E, Department of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian branch Russian academy of sciences Ulan-Ude (Russia). Contact address: tihij-511@mail.ru.

Akymbek Eraly Shardarbekovich, PhD, L. R. E. Institute of Archaeology named after A. H. Margulan MES of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan). Contact address: eraly_a@mail.ru.

Zheleznyakov Boris Anatol'evich, Doctoral Student of PhD, S. R. E of the Institute of Archaeology named after A. H. Margulan MES of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan). Contact address: boriszheleznyakov@mail.ru.

За последние 10 лет количество известных руноподобных надписей в междуречьи рек Чу (Шу)¹ — Или значительно увеличилось, с четырех надписей до восьми. Публикуемая надпись — девятая, далеко не самая информативная и яркая по своему содержанию. Трудно сравнить данный регион с другими важными регионами распространения древнетюркской письменности, который бы настолько же быстро прирастал этими уникальными памятниками. Этот процесс значительно расширил представления о географии распространения подобных памятников в регионе Чу — Или.

Разновременные петроглифы местонахождения Тоспалы зафиксированы в 3 км к северу от села Кунбатыс-2 Кордайского района Жамбылской области, на левом берегу реки Шыгыс Жинишке. Это правый приток реки Чу, сбегаящий с южных склонов хребта Жетыжол (рис. 1), в 4 километрах западнее с. Масанчи — центра сельского округа.

Рис. 1. Долина реки Шыгыс Жинишке у местонахождения петроглифов Тоспалы

Петроглифы, преимущественно поздней бронзы и раннего железного века, были выбиты на предгорных скальных выходах ущелья, над высоким холмом на высоте около

¹ В русскоязычной традиции принята форма «Чу», в казахоязычной — «Шу».

1050 м над уровнем моря. Петроглифы давно были известны местным жителям, а не-подалеку от них в 2010 г. учитель истории и географии средней школы № 11 села Кунбатыс-2 Тамара Токтобю обнаружила руническую надпись на одном из фрагментов скал, перемещенном ранее из основного карьера в процессе добывания камня из не-санкционированного карьера — фактически местонахождения петроглифов. В 1990–2000-е гг. местные жители разрушили многие скалы этих скальных выходов в ущелье, их фрагменты использовались в строительстве, для укладки фундаментов своих по-строек, других многочисленных хозяйственных нужд. В то время многие наскальные рисунки могли пострадать и неизбежно пострадали, поскольку в первую очередь до-бывались крайние, наиболее доступные фрагменты скал. До этого периода местонахо-ждение не обследовалось.

В истории исследования этого памятника отмечается важнейший аспект — сохране-ние культурного наследия равнодушным представителем местного сообщества, ин-теллигенции — учителя местной школы Тамары Токтобю. Памятник (фрагмент скалы с надписью) не просто сохранен (хотя и на новом месте), но и популяризован, по-ви-димому, не только в рамках школьного образования, поскольку разработана и установ-лена информационная табличка на трех языках, информирующая о местонахождении петроглифов и важности их сохранения не только для местного сообщества (рис. 2).

Большой металлический информационный стенд с кратким описанием памятника Тоспалы на трех языках, о которой идет речь, в 2018 г. по инициативе энтузиаста и хра-нителя культурного наследия, первооткрывателя памятника древнетюркской эпигра-фики установил местный акимат. Авторы выражают благодарность за помощь и кон-сультации при документировании памятника автору находки Тамаре Токтобю.

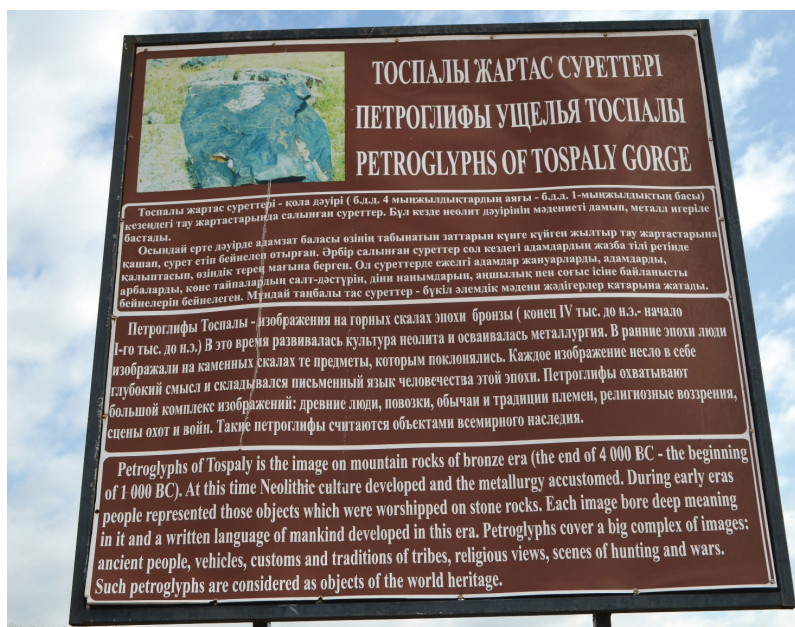

Рис. 2. Информационный стенд о петроглифах Тоспалы у аула Кунбатыс-2

Тем самым древнетюркские надпись и тамга (казахск. *таңба*) были найдены на фрагменте скалы, уже перемещенном из несанкционированного карьера для добычи камня в сторону аула, по-видимому, добыча камня велась в этом месте уже не одно десятилетие. Очевидно, что с расширением фонда руноподобных надписей регион Чу — Или может стать одним из важнейших для изучения древнетюркской эпиграфики.

Петроглифы Тоспалы. При подготовке публикации «Свода памятников Кордайского района Жамбылской области» зафиксировано несколько относительно небольших местонахождений петроглифов на южных отрогах хребта Жетыжол. Одно из самых заметных местонахождений — Тоспалы. Здесь было отмечено 43 плоскости с различным количеством рисунков на каждом. Преимущественно это изображения охоты эпохи бронзы и раннего железного века, козлов раннего железного века [Акылбек, Парменкул, 2010: № 400, 265–266]. Однако тогда руническая надпись на отдельном (перемещенном) фрагменте скалы не была зафиксирована. В Своде опубликовано крайне ограниченное количество фотографий петроглифов.

В 2018 г. в результате проведения археологической разведки Чуйским археологическим отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана (руководитель Е. Акымбек) были зафиксированы географические координаты ряда наскальных изобразительных памятников и задокументированы некоторые из них. Среди зафиксированных нами плоскостей отметим изображения человека, собак и копытных животных эпохи раннего железного века и, видимо, древнетюркского периода (см. рис. 3), небольшую плоскость с изображениями горных козлов, относящимися к периоду поздней бронзы (см. рис. 4), горного козла с козленком раннего железного века (см. рис. 5). Наряду с петроглифами, часть из которых относится к древнетюркской эпохе, была обнаружена и руническая надпись в одну строку, которая сопровождается изображением горного козла прямо над надписью (см. рис. 6, 7).

*Рис. 3. Плоскость с изображениями человека, собак, копытных животных.
Ранний железный век, Тоспалы*

*Рис. 4. Небольшая плоскость с изображениями горных козлов.
Поздняя бронза, Тоспалы*

*Рис. 5. Наскальные изображения горных баранов.
Ранний железный век, Тоспалы*

*Рис. 6. Фрагмент скалы с рунической надписью и тамгой
(стилизованное изображение горного козла)*

Рис. 7. Древнетюркские надписи и тамга

История изучения руноподобных надписей региона. На территории Казахстана памятники древнетюркской письменности известны на Алтае, Жетысуском Алатау, Чу-Илийских горах (а также на хребте Жетыжол), в бассейнах Таласа и Сырдарьи [Тишин, Рогожинский, 2018: 65–66]. Количество опубликованных (найденных и интерпретированных) надписей увеличивается год от года. Публикуемая находка — первая руноподобная надпись в горной части Чуйской долины. Этот регион не изобилует пока находками подобного рода. Известны сведения о находке рунических знаков на берегу оз. Иссык-Куль. В. М. Плоских писал, что «в 1926 г. И. И. Иванов в урочище Кой-Сары на юго-восточном побережье озера Иссык-Куль обнаружил камень (около 1 м длиной и 60 см высотой) с несколькими руническими знаками и арабскими буквами» [Плоских, 2003: 89]. Камень позже исчез. Хотя ему сразу придали значение, поскольку ранее находки были обнаружены лишь в Таласской долине. Появлялись сведения о находках руноподобных знаков в долине оз. Иссык-Куль и в других его частях, но они нуждаются в значительных уточнениях.

Южная часть хребта Жетыжол, а особенно его внутренняя часть — плато, меньше исследованы северные отроги хребта (где имеются значительные памятники по числу изображений и по их культурному значению, а также по археологическому и историческому контексту: Актерек и Басбатыр, расположенный по соседству с известной горой Козыбасы. В область Чу-Козыбасы (на которой создавалось новое государственное образование казахов — Казахское ханство) входили территории от среднего течения Чу на западе до названной долины на востоке и юге до гор Аныракай и Хантау на севере, т. е. Чу-Илийские горы, а также предгорья Илийского Алатау [Ауэзов, Сейдуманов, Мейлих, 2010: 57–58].

Обращаясь к истории изучения изобразительного наследия тюркских древностей, тамга-петроглифов и главным образом руноподобных надписей, невозможно не отметить вклад в их обнаружение, интерпретацию, публикацию археолога А. Е. Рогожинского. История изучения Южного и Восточного Казахстана за последние десятилетия описана в его статье 2010 г. [Рогожинский, 2010]. Ближайшим местом к Тоспалы, где была зафиксирована руноподобная надпись, является археологический комплекс Актерек. Он находится на северных склонах хребта Жетыжол. Письменный памятник там был обнаружен и документирован А. Е. Рогожинским в результате проведения археологических работ Казахского НИИ по проблемам культурного наследия кочевников (НИИ ПКНН) в 2007 г. [Рогожинский, 2010: 333], интерпретирован и опубликован И. Л. Кызласовым [Кызласов, 2010]. Известный ученый сравнивает три надписи (Тамгалы, Калмакташ на Тянь-Шане и Актерека), которые идентичны и интерпретируются как *er atim*, и связывает проникновение енисейского рунического письма с продвижением сибирского манихейства в IX–X вв. [Кызласов, 2010: 345] Мы не склонны напрямую связывать древнетюркское письмо с распространением манихейской религии.

В упомянутой публикации А. Е. Рогожинского 2010 г. приводится карта расположения руноподобных памятников письменности (а также расположения изображений тамг) Чу-Илийского междуречья. В 2010 г. наука располагала данными о четырех руноподобных надписях. Наиболее близкое к реке Чу из зафиксированных в равнинной части долины — местонахождение в Кулжабасы [Рогожинский, 2010: рис. 4].

С тех пор ситуация изменилась. Была найдена вторая надпись в Кулжабасы [Железняков, Базылхан, Херманн, 2013], которая была позже переинтерпретирована [Тишин, Рогожинский, 2018] и три надписи в Алмалы [Рогожинский, Тишин, 2018]. Тем самым теперь известных древнетюркских надписей насчитывается уже восемь, публикуемая надпись — девятая в этом регионе правобережья р. Чу и западной части Чу-Илийских гор до Тамгалы и Копалы (центральной части Чу — Или). К сравнению, в Кыргызстане, по сведениям К. Ш. Табалдиева (устное сообщение Б. Железнякову), обнаружено около 60 тюркских руноподобных надписей на камнях. При этом находка каждой новой надписи — событие огромной значимости.

Надпись. Обнаруженная надпись может быть уверенно отнесена к памятникам древнетюркской рунической письменности. Ниже предлагается прочтение и краткая интерпретация надписи:

Транскрипция:

r² t¹ l k l² Z

Транслитерация:

(ä)r (a)tī k (e)l (ä)z

Перевод:

(его) имя мужа-воина — Келез (букв. «ящерица»)

Комментарий:

Сочетание первых трех знаков представляет собой стандартную и достаточно распространенную формулу — *är atī* (с показателем принадлежности третьего лица ед. ч.), что означает буквально «мужское имя» / «имя муж-воина» и т. п.

Три последующих знака, соответственно, должны обозначать собственно имя, и их можно прочесть как *kälāz*, что совпадает с формой слова со значением «ящерица», зарегистрированной в среднекыпчакских памятниках, а также в некоторых азербайджанских и турецких диалектах [Сравнительно-историческая грамматика, 2001: 180–181; Этимологический словарь, 1997: 30–32; Hauenschild, 1998: 133–137]. Для языков карлукской группы и южносибирского ареала характерна также оглушенная форма *keElās* (< *kälāz*). Исходя из того, что в некоторых других тюркских языках, начиная уже с упоминания у Махмұда ал-Қашғарұ, встречается форма с конечным /r/, предполагается, что *kälāz* отражает вариант исходной пратюркской основы **kälār* [Starostin, Dybo, Mudrak, 2003: 789].

Важное значение данного памятника, таким образом, несмотря на его лапидарность, состоит в том, что он расширяет наши познания о древнетюркской лексике, регистрируя неизвестное ранее название одного из видов животных (см. : [Ayđın, 2016]).

Замечания к графическому фонду:

Из шести знаков три могут заслуживать отдельного обсуждения в связи с существующими дискуссиями о возможности использования графических характеристик знаков древнетюркского рунического алфавита в качестве датирующего признака.

Прежде всего это второй знак /t¹/, начертанный в виде двух «крыш», притом, что верхняя отличается более длинными линиями по сравнению с нижней. Сама подобная форма начертания рассматривается исследователями как важный датирующий признак, однако по поводу самой очерчиваемой им хронологии среди сторонников этой гипотезы также существуют разногласия. В частности, по мнению И. В. Кормушина, наличие этого знака характеризует памятники, созданные не ранее середины IX в. [Кормушин, 1975: 38, 45] или даже конца VIII в. [Кормушин, 2008: 28]. И. Л. Кызласов, следуя несколько иным представлениям о трансформации форм знаков, относит данный тип знака к «енисейским», говоря о его происхождении не позднее середины VIII в. [Кызласов, 1994: 82, 89, 90. табл. XXV, Б]. Зарегистрированная в нашем случае форма, отмеченная, кроме того, среди памятников Тувы, Горного Алтая и Кыргызстана, довольно типична для надписей с территории Семиречья [Васильев, 1983: 137, табл. 27, стк. 3; Кызласов, 1994: 85, табл. XXIV, стк. 28; Alimov, 2014: 24 (No 12); Тишин, Рогожинский, 2019: 98].

Последний, шестой, знак /Z/ И. В. Кормушин также относит к «датирующим», обращает внимание на такие характеристики, как наклонный характер «стволика» и закругленные сгибы «колен», что в целом характерно для памятников не ранее середины IX в. [Кормушин, 1975: 41, 42; Кормушин, 1997: 26]. Имеющаяся в нашем случае форма находит ближайшие параллели с памятниками с территории Тувы, Хакасии и Кыргызстана, а также Горного Алтая [Васильев, 1983: 141–142, табл. 30, стк. 3, 4, 13; Кызласов, 1994: 85, табл. XXIV, стк. 18; Alimov, 2014: 25 (No 25)]. На территории Семиречья подобная форма пока не зарегистрирована.

Таким образом, если следовать гипотезе об определяющем для хронологии значении палеографического аспекта памятников древнетюркской рунической письменности, рассматриваемая нами надпись формально может быть отнесена ко времени не ра-

нее IX в. Однако, учитывая опять же дискуссионность всех подобных построений, этот хронологический рубеж никак не может быть принят с какой-либо долей уверенности.

Отдельно можно обратить внимание на первый знак /r²/, отличающийся длиной боковых элементов и относительно острым углом изгиба краев «рогатки», что также может найти параллели с памятниками, расположенными на территории Кыргызстана и Семиречья и лишь отчасти Алтая [Кызласов, 1994: 84, табл. XXIV, стк. 2; Alimov, 2014: 26 (No 30); Тишин, Рогожинский, 2019: 98].

Несмотря на то, что отмеченные графические характеристики исследуемой надписи не предоставляют сколько-либо убедительного материала для дискуссии об их значении для определения хронологии памятников древнетюркской рунической письменности, определенное значение находка имеет для расширения наших представлений о графическом фонде надписей с территории Казахстана в целом.

Изображение горного козла (тамги). Изображение, нанесенное над надписью, вне всякого сомнения, является тамговым знаком, при этом, судя по всему, относящемуся к типу изображений «горного козла», известного прежде всего в составе крупных памятников с территории Монголии (на балбале комплекса Бильге кагана, на «каменных ящиках» комплексов Унгету и Шатар чулуу, на скалах рядом с надписями Дарви, Шаахар толгой, скалах Кара-катуу, Бичигт улаан хад) [Самашев, Базылхан, Самашев, 2010: 29, рис. 30, 30, рис. 33, 34, рис. 39, 52, рис. 52, 53, 53, рис. 59, 58, рис. 67, 61, рис. 74, 140, 141, 142, 143, табл. 1, 146, табл. 2]. Хотя форма тамги формально напоминает зеркальное изображение тамги в виде «горного козла», обычно соотносимой с правящим кланом Второго Тюркского каганата, начертание обеих форм рядом на балбале из комплекса Бильге кагана не дает оснований полностью отождествлять их. Последний упомянутый случай также, по-видимому, фиксирует нижнюю достоверную дату фиксации данной тамги — 734 г. В этом случае не должно смущать присутствие тамги в составе комплекса Унгету. Гипотеза касательно атрибуции и датировки комплекса 40-ми гг. VII в., предложенная В. Е. Войтовым, предполагала также дальнейшую перепланировку памятника уже в период реставрации власти тюркских каганов [Войтов, 1987: 104–106; Войтов, 1996: 31]. Здесь опять же значимо не только присутствие среди прочих, явно единовременных знаков, каганской тамги, но и знака, напоминающего сдвоенное изображение двух зеркальных вариантов «горного барана».

Таким образом, по меньшей мере у нас есть основания считать, что сопровождающая исследуемую надпись тамга соотносится с одной из достаточно значимых, близких к правящему клану, племенных группировок Восточно-тюркского каганата.

Фиксация аналогичной тамги на территории Южного Казахстана является уникальным и чрезвычайно важным фактом. Однако на данном этапе какие-либо выводы кажутся преждевременными, поскольку специального рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении двух вариантов тамги в форме «горного козла», а также идентификации варианта, зафиксированного в составе рассматриваемой нами надписи.

Подводя итог всему сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что публикуемая в данной статье руноподобная надпись относится именно к памятникам древнетюркской рунической письменности. Сама надпись читается уверенно и представляет собой достаточно стандартную формулу. Несмотря это и саму на краткость надписи, она по-

звояет расширить знания исследователей о древнетюркском лексическом фонде. Особого внимания заслуживает сопровождающий надпись тамговый знак, зафиксированный прежде на территории Монголии, в том числе в составе ряда крупных мемориальных комплексов, относящихся к периоду Второго Тюркского каганата.

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы Института археологии им. А. Х. Маргулана, ПЦФ № BR05236565 «Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности по археологическим источникам».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акылбек С., Парменкул С. Наскальные изображения Тоспалы // Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Кордайский район. № 400. Алматы : Археологическая экспертиза, 2010. 212 с.

Ауэзов Е. К., Сейдуманов С. Т., Мейлих А. А. История города Алматы. Алматы : Музей истории города Алматы, 2010. 312 с.

Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М. : Наука, 1983. 146 с.

Войтов В. Е. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства : сб. ст. / отв. ред. Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. М. : Наука, 1987. С. 92–109, 327–331.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : ГЭМ, 1996. 152 с.

Железняков Б. А., Базылхан Н., Херманн Л. Новый памятник древнетюркской письменности в горах Кулжабасы (предварительное чтение) // Известия МОН РК. № 3 (289). Алматы, 2013. С. 147–151.

Кормушин И. В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. 1975. № 2. С. 25–47.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М. : Наука, 1997. 303 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М. : Наука, 2008. 342 с.

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М. : Восточная литература, 1994. 327 с.

Кызласов И. Л. Прочтение рунической надписи урочища Актерек // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова : сборник материалов Межд. науч. конференции. Алматы : Print-S, 2010. С. 345–346.

Плоских В. М. Проблемы древней цивилизации Иссык-Куля // Единое образовательное пространство XXI века : материалы Международной конференции. Бишкек, 2003. С. 78–97.

Рогожинский А. Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова : сборник материалов Межд. науч. конференции. Алматы : Print-S, 2010. С. 329–344.

Рогожинский А. Е., Тишин В. В. Комплекс рунических надписей и тамга-петроглифов долины Алмалы в Семиречье // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 8. Кемерово, 2018. С. 77–91.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги // Көне түрік таңбалары / Ancient turkic tamga-signs. Алматы : АО «Абди компани», 2010. 168 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2001. 822 с.

Тишин В. В., Рогожинский А. Е. Новые прочтения и новые находки рунических надписей из Семиречья: Кулжабасы и Алмалы // Altaistic, Turcology, Mongolistics / Алтаистика, түркология, моңғолистика. 2018. № 4. С. 65–98.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Қ» ~«К»). М. : Языки русской культуры, 1997. Выпуск первый / отв. ред. Г. Ф. Благова. 368 с.

Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme. Konya : Kömen Yayınları, 2014. (5), 262 s.

Aydın E. Eski Türk Yazıtlarında Bitkiler ve Hayvanlar // Türk Kültürü. 2016. Yıl 54. Yeni Seri. Cilt IX. Sayı 1. S. 1–51.

Hauenschild I. Türksprachige Benennungen für Eidechsen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1998. Vol. 51. No. 1–2. P. 131–158.

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Pt. I. A-K. Leiden; Boston: Brill, 2003 (Handbook of Oriental Studies. Section eight, Central Asia, vol. 8/1).

REFERENCES

Akylbek S., Parmenkul S. *Naskal'nye izobrazheniia Tospaly* [Rock images of Tospaly]. *Svod pamiatnikov istorii i kul'tury Zhambylskoi oblasti* [The set of historical and cultural monuments of Zhambyl region]. Almaty : Arkheologicheskaiia ekspertiza, 2010. 212 s. (in Kazakh and Russian).

Alimov R. *Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme*. Konya : Kömen Yayınları, 2014. (5), 262 p. (in Turkish).

Aydın E. *Eski Türk Yazıtlarında Bitkiler ve Hayvanlar*. Türk Kültürü. 2016. Yıl 54. Yeni Seri. Cilt IX. Sayı 1. Pp. 1–51 (in Turkish).

Aueзов E. K., Seidumanov S. T., Meilikh A. A. *Istoriia goroda Almaty* [History of Almaty city]. Almaty: Muzei istorii goroda Almaty, 2010. 312 s. (in Russian).

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov [Etymology Dictionary of Turkish languages]: Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K» (~«G») i «Қ» (~«Қ» ~«K»). М.: Iazyki russkoi kul'tury, 1997. 368 s. (in Russian).

Hauenschild I. Türksprachige Benennungen für Eidechsen. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1998. Vol. 51. No. 1–2. S. 131–158 (in German).

Kormushin I. V. *K osnovnym poniatiiam tiurkskoi runicheskoi paleografii* [To the main concept of Turkish runic paleography]. Sovetskaia tiurkologiia [Soviet Turkology]. 1975. No 2. S. 25–47 (in Russian).

Kormushin I. V. Tiurkskie eniseiskie epitafii. Teksty i issledovaniia [Turkish Enisey epytaphies. Texts and researchers]. M. : Nauka, 1997. 303 s. (in Russian).

Kormushin I. V. Tiurkskie eniseiskie epitafii: grammatika, tekstologiya [Turkish Enisey epytaphies; grammar and textology]. M. : Nauka, 2008. 342 s. (in Russian).

Kyzlasov I. L. Runicheskie pis'mennosti evraziiskikh stepei [Runic writings of Eurasian Steppe]. M. : Vost. lit-ra, 1994. 327 s. (in Russian).

Kyzlasov I. L. *Prochtenie runicheskoi nadpisi urochishcha Akterek* [Reading of runic inscription of Akterek]. *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledii Kazakhstana. Nauchnye chteniia pamiati N. E. Masanova. Sbornik materialov mezhd. nauch. Konferentsii* [The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. Scientific readings in memory of N. E. Masanov]. Almaty : Print-S, 2010. S. 345–346 (in Russian).

Ploskikh V. M. *Problemy drevnei tsivilizatsii Issyk-Kulia* [Problems of the ancient civilization of Issyk-Kul]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Edinoe obrazovatel'noe prostranstvo XXI veka"* [Materials of the international conference "Unified educational space of the XXI century"]. Bishkek, 2003. S. 78–97 (in Russian).

Rogozhinskii A. E. *Novye nakhodki pamyatnikov drevnetiurkskoi epigrafiki i monumental'nogo iskusstva na iuge i vostoке Kazakhstana* [New findings of monuments of ancient Turkish epigraphika and monumental art in the south and east of Kazakhstan]. *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledii Kazakhstana. Nauchnye chteniia pamiati N. E. Masanova. Sbornik materialov mezhd. nauch. Konferentsii* [The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. Scientific readings in memory of N. E. Masanov]. Almaty : Print-S, 2010. S. 329–344 (in Russian).

Rogozhinskii A. E., Tishin V. V. *Kompleks runicheskikh nadpisei i tamga-petroglifov doliny Almaly v Semirech'e* [Complex of runic inscriptions and tamga-petroglyphs of Almaly valley in Semirechye]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"* [Scientific notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve]. Kemerovo, 2018. Vypusk 8. S. 77–91 (in Russian).

Samashev Z., Bazylkhan N., Samashev S. *Drevnetiurkskie tamgi / Kone tyrik tanbalary / Ancient turkic tamga-signs*. Almaty : AO "Abdi kompani", 2010. 168 s. (in Russian).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov [Comparative-historical grammar of Turkic languages]. *Leksika / otv. red. E. R. Tenishev. 2-e izd., dop.* M. : Nauka, 2001. 822 s. (in Russian).

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Pt. I. A-K. Leiden; Boston : Brill, 2003 (Handbook of Oriental Studies. Section eight, Central Asia, vol. 8/1) (in English).

Tishin V. V., Rogozhinskii A. E. *Novye prochtenia i novye nakhodki runicheskikh nadpisei iz Semirech'ia: Kulzhaby i Almaly* [New readings and new finds of runic inscriptions from Semirechya: Kulzhaby and Almaly]. *Altaistic, Turcology, Mongolistics / Altaistika, tyrkologiya, monfolistika / Altaistika, Tiurkologiya, Mongolistika*. 2018. № 4. S. 65–98 (in Russian).

Vasil'ev D. D. *Graficheskii fond pamyatnikov tiurkskoi runicheskoi pis'mennosti Aziatskogo areala (opyt sistematizatsii)* [Graphic Fund of Monuments of Turkic Runic Writing of Asian Area (Experience of Systematization)]. M. : Nauka, 1983. 146 s. (in Russian).

Voitov V. E. *Kamennye izvaianiia iz Ungetu* [Stone sculpture from Ungetu]. *Tsentral'naia Aziia: novye pamyatniki pis'mennosti i iskusstva : sb. st. / otv. red. B. B. Piotrovskii, G. M. Bongard-*

Levin [Central Asia: New Writing and Art Monuments]. M. : Nauka, 1987. S. 92–109, 327–331 (in Russian).

Voitov V. E. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovo-pominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv.* [Ancient Turkish pantheon and model of universe in cult-memorial monuments of Mongolia of VI–VIII centuries.]. M. : GEM, 1996. 152 s. (in Russian).

Zheleznyakov B. A., Bazylkhan N., Kherrmann L. *Novyi pamiatnik drevnetiurkskoi pis'mennosti v gorakh Kulzhabasy (predvaritel'noe chtenie)* [New monument of ancient Turkish writing in Kuljabasy mountains (preliminary reading)]. Izvestiia MON RK [News of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2013. № 3 (289). S. 147–151 (in Russian).

Цитирование статьи:

Тишин В. В., Акымбек Е. Ш., Железняков Б. А. Древнетюркская руническая надпись из Тоспалы (долина реки Чу (Шу), Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 37–53.

Citation:

Tishin V. V., Akymbek E. Sh., Zheleznyakov B. A. The Early Turkic runic inscription from Tospaly (Chu (Shu) river valley, Kazakhstan). Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 37–53.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39 + 004.91

DOI: 10.14258/nreur(2020)2–04

Ю.Д. Горте, В.В. Рыкова

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск (Россия)

ЭВЕНКИ: НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В БД WEB OF SCIENCE И НАУЧНАЯ СИБИРИКА

Цель работы — анализ информационного массива, отобранного из баз данных *Web of Science* и *Научная Сибирика*. Дана характеристика временной, языковой, географической, тематической и видовой структур массивов документов. Названы авторы, отличающиеся высокой публикационной активностью; показаны наиболее продуктивные периодические издания и тематические сборники; перечислены научные мероприятия, на которых обсуждались проблемы коренных малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока, Арктики, в том числе эвенкийского этноса. Выявлены коллективы ученых, активно работающих по вышеозначенной теме. Анализ тематики работ, представленных в корпусе документов, выявил два основных направления исследований — культура и языкознание. Показано, что проблемам изучения экологии территорий проживания, правовым основам развития, этнообразованию и этновоспитанию уделено недостаточно внимания ученых и специалистов. Сделан вывод о значительном интересе ученых и специалистов к изучению эвенкийского этноса, а также о возможности использования вышеозначенных баз данных в качестве информационной основы для дальнейшего изучения жизнедеятельности эвенков.

Ключевые слова: эвенки, база данных, *Web of Science*, *Научная Сибирика*, наукометрический анализ.

Yu. D. Gorte, V. V. Rykova

State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

EVENKS: SCIENTOMETRIC ANALYSIS OF MATERIALS PRESENTED IN THE DATABASES WEB OF SCIENCE AND SCHOLAR SIBIRICA

The paper objective is a comparative scientometric analysis of the document corpus selected from databases Web of Science (Thomson Reuters) and Scholar Sibirica (generated by the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), which is dedicated to investigating various aspects of the Evenks life. It gives a brief characteristic of the temporal, language, geographical, thematic and typical structure of the information arrays. The study identifies: authors with high publication activity, who are engaged in investigations of Evenk life various aspects; names the most productive periodicals and thematic collections of scientific papers; marks scientific events where the problems of indigenous peoples (including Evenks ethnic group) of Siberia, Far East, and Arctic have been discussed; shows teams of scientists actively working on the above-mentioned topic. Special emphasis puts to the analysis of monographic publications. The analysis of the document corpus subjects reveals two main research fields — Evenk culture and linguistics, its shows that insufficient attention is paid to the problems of studying the ecology of traditional residence territories, legal foundations of ethnos development, as well as ethno- education. The paper concludes that the research of the Evenks ethnic group is actively developing, as evidenced by the constant growth in the document array volumes, attracting the attention of not only Russian but also foreign experts. Both databases could be used as an information basis to develop this scientific direction.

Key words: Evenks, database, Web of Science, Scholar Sibirica, scientometric analysis.

Горте Юлия Давыдовна, заведующая сектором естественных наук Отдела научной библиографии Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: gorte@gpntbsib.ru.

Рыкова Валентина Викторовна, старший научный сотрудник Отдела научной библиографии Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: rykova@gpntbsib.ru.

Gorte Julia Davydovna, Head of the Natural Sciences Sector of the Scientific Bibliography Division of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia). Contact address: gorte@gpntbsib.ru.

Rykova Valentina Viktorovna, Senior Researcher, Department of Scientific Bibliography, State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia). Contact address: rykova@gpntbsib.ru.

Коренные народы Сибири, Дальнего Востока, обладая уникальной материальной и духовной культурой, являются носителями традиционных экологических знаний, связанных с особенностями многовекового хозяйственного уклада, без учета интересов которых невозможно устойчивое развитие ресурсных территорий Крайнего Севера. По результатам изучения различных аспектов жизни аборигенного населения Азиатской России опубликовано огромное количество работ, значительная часть материалов рассеяна по многочисленным источникам, поэтому необходимы анализ и систематизация публикаций. Для информационного сопровождения исследований проблем коренных народов Севера Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) генерирована база данных (БД) библиографического типа «Коренные малочисленные народы Севера», которая в 2011 г. вошла в состав объединенной БД «Научная Сибирика» в качестве крупного тематического раздела со своим рубрикатом. На основе вышеозначенной БД проводится наукометрический (документометрический) анализ информационных массивов (ИМ) по отдельным этническим группам: обским уграм, саха, нанайцам, селькупам [Рыкова, 2014: 11–13; Рыкова, Горте, 2016: 124–125; Рыкова, Горте, 2018: 156–158; Рыкова, 2015: 124–125]. Цель данного исследования — сравнительный анализ корпуса документов из БД *Web of Science* компании Thomson Reuters (мирового лидера в предоставлении аналитической информации) и *Научная Сибирика* (информационного центра СО РАН — ГПНТБ СО РАН), посвященных эвенкам.

Эвенки (тунгусы) — коренной народ Восточной Сибири, Дальнего Востока и Китая тунгусо-манчжурской группы алтайской языковой семьи, основными отраслями хозяйства которых являются охота, рыболовство и транспортное таежное оленеводство. По данным Переписи населения 2002 г. численность эвенков, проживающих на территории России, составляет 35 тысяч человек [Горохов].

Из БД *Web of Science* и *Научная Сибирика* отобраны ИМ об эвенках, проведен анализ их временной, языковой, видовой, тематической, географической структуры. Объем документального потока (ДП) на январь 2019 г. составил около 300 документов (WoS) и 2 000 документов (*Научная Сибирика*) за период с 1990 по 2019 г. с использованием аналитических сервисов вышеозначенных БД.

Динамика ДП за 30-летний период представлена на диаграмме (см. рис. 1), где отчетливо прослеживается пятикратный рост объема публикаций, особенно заметно увеличение ДП в последнее десятилетие. Документы 2019 г. издания еще активно поступают в фонды библиотеки, поэтому количество документов в БД *Научная Сибирика* может существенно возрасти. Значительный прирост документов в БД *Web of Science* объясняется включением российских изданий в мировую БД научного цитирования, а также требованием Министерства науки и образования Российской Федерации к научным сотрудникам публиковать материалы исследований в высокорейтинговых зарубежных журналах.

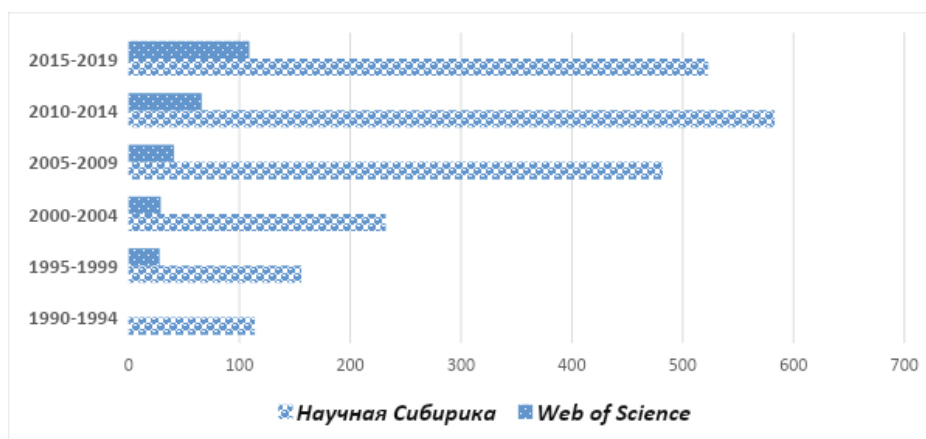

Рис. 1. Динамика документального потока БД Web of Science и Научная Сибирика

Распределение документов по языкам в БД Web of Science и Научная Сибирика представлено в таблице 1.

Таблица 1

Языковая структура документального потока

Язык документа	Название БД Web of Science		Научная Сибирика	
	Кол-во записей	%	Кол-во записей	%
Русский	68	23	1897	95
Английский	217	73	93	4
Немецкий	5	2	2	0
Прочие	6	2	18	1

Аналитические сервисы БД Web of Science позволяют увидеть участие представителей научного сообщества разных государств в изучении вышеозначенных проблем, среди них первые пять позиций занимают ученые из России, США, Канады, Японии, Германии.

Специалисты, занимающиеся исследованием эвенков, аффилированы с различными организациями, но главенствующую роль, судя по количеству документов в БД, в изучении различных аспектов жизни народа играют сотрудники институтов Российской академии наук, в состав которой в 2013 г. вошли и научные учреждения Российской академии медицинских наук. Среди них широко представлены учреждения Сибирского и Дальневосточного отделений РАН: Институт гуманитарных исследований малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), Институт цитологии и генетики СО РАН (Новосибирск), Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера СО РАН (Красноярск), Институт филологии СО РАН (Новосибирск), Институт биологических проблем Севера ДВО РАН (Магадан), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) и др. Существенен вклад научных сотрудников и преподавателей высших учебных заведений в исследование эвенкийско-

го этноса, где значительной долей публикаций выделяются следующие: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Сибирский и Северо-Восточный федеральные университеты, Томский, Бурятский, Новосибирский государственные университеты и прочие вузы. Из зарубежных учреждений следует отметить Гуэлфский (University of Guelph, Канада), Канзасский (University of Kansas, США), Токийский (University of Tokyo, Япония) университеты.

Топ-5 авторов, отличившихся высокой публикационной активностью по теме, показан в таблице 2.

Таблица 2

Авторы с наибольшей публикационной активностью

№	<i>Web of Science</i>	<i>Научная Сибирика</i>
1	Leonard W.R.	Сем Т.Ю.
2	Tsukanov V.V.	Сирина А.А.
3	Crawford M.H.	Варламова Г.И.
4	Santha I.	Варламов А.Н.
5	Safonova T.	Афанасьева Е.Ф.

Работы W.R. Leonard, V.V. Tsukanov, M.H. Crawford связаны с этномедициной и антропологией [Leonard, Crawford, 2002; Tsukanov, 1996]; публикации I. Santha, Т. Сафоновой, А.А. Сириной освещают широкий спектр этнографических материалов [Safonova, Santha, 2013; Сирина, 2012]; Е.В. Афанасьева занимается изучением эвенкийского языка [Афанасьев, 2008]; Т.Ю. Сем специализируется на изучении традиционного мировоззрения и верований эвенков [Сем, 2015: 639]; Г.И. Варламова и А.Н. Варламов — исследователи эвенкийского фольклора [Варламова, 2008: 227; Варламов, 2006: 21].

Предметно-географическая рубрика БД *Научная Сибирика* позволяет выявить документы не только по определенному этносу, но и по району исследований. Географическая структура ДП (см. рис. 2) точно совпадает с основными ареалами расселения эвенков, среди которых преобладают районы Восточной Сибири (Якутия, Красноярский край, Байкальский регион) и Дальнего Востока (Хабаровский край, Амурская и Сахалинская области), в опцию другие регионы включены Томская и Тюменская области Западной Сибири, а также Северная Монголия и Китай. В региональной структуре преобладают публикации по эвенкам Якутии (более трети документов).

Видовые структуры ДП из БД *Web of Science* и *Научная Сибирика* несколько различаются (табл. 2). В БД *Web of Science* материалы представлены преимущественно журнальными статьями (82%), в которых ученые и специалисты наиболее оперативно могут показать научному сообществу новейшие материалы исследований. Доля остальных видов документов (материалы конференций, монографии, рецензии на книги) составляет от 1% до 8% от общего количества записей. Это объясняется тем, что данная БД формируется, главным образом, из статей в научных журналах, реже в БД индексируются материалы конференций и книги. Среди самых продуктивных изданий БД *Web of Science* — медицинская периодика России и США: Russian Journal of Genetics, Тера-

певтический архив, Суицидология, International Journal of Circumpolar Health, Human Biology, American Journal of Human Biology.

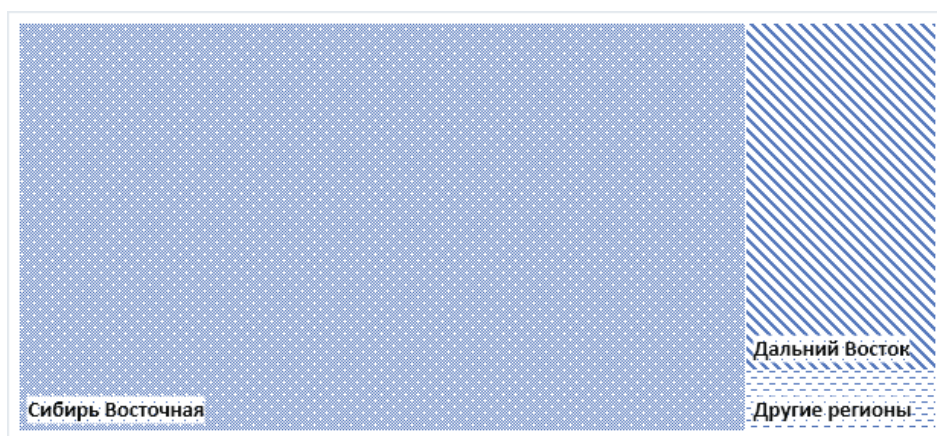

Рис. 2. Географическая структура документального потока БД Научная Сибирика

Таблица 3

Распределение видов документов в БД

Вид документа	Web of Science		Научная Сибирика	
	Кол-во записей	%	Кол-во записей	%
Статьи из периодики	242	82	585	28
Материалы конференций	26	8	821	40
Монографии	3	1	126	6
Статьи из сборников научных трудов	12	4	483	23
Авторефераты диссертаций	-	-	43	2
Рецензии на книги	15	5	13	1

Монографические издания, составившие в информационных массивах БД 1% (*Web of Science*) и 6% (*Научная Сибирика*), являются изданиями, результирующими долгосрочные научные исследования. В них материалы по эвенкам встречаются как в публикациях, посвященных группам коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, так и работах, где исследования проведены исключительно на эвенкийских материалах. Разнообразие монографических изданий представлено в таблице 4. Следствием интереса к ним является большое количество рецензий на книги в БД: 15 — в *Web of Science* и 13 — в *Научной Сибирике*. Следует отметить, что библиографические указатели и прикнижные списки литературы в монографиях являются дополнительным источником информации по эвенкам.

Таблица 4

**Различные виды монографических изданий в БД
Web of Science (WoS) и Научная Сибирика (НС)**

Вид издания	БД	Публикации
Монографии	WoS	Safonova T., Santha I. Culture contact in Evenki land: a cybernetic anthropology of the Baikal Region. Kent: Global Oriental, 2013 184 p. (Inner Asia Series)
	НС	Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.) / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Красноярск : Сиб. промыслы, 2014. 319 с. Сем Т.Ю. Шаманизм эвенков: по материалам Российского этнографического музея / ред. В.Н. Давыдов. 2-е изд. СПб. : Гуманитар. акад., 2017. 301 с. Увачан В.В. Обычное право эвенков в XVII — начале XX в. М., 2001. 136 с. Жамсаранова Р.Г. Тунгусы князя Гантимура. Ч. 1 / Забайкал. гос. ун-т. Чита : ЗабГУ, 2018. 251 с.
Учебные и научно-методические пособия	НС	Воронина А.А. Фольклор эвенков Баунтовского района Бурятии : учеб. пособие. Улан-Удэ : Бэлиг, 2013. 43 с. История и культура Забайкалья : метод. указ. / сост. Н.П. Филиппова, В.И. Филиппов; Забайкал. гос. ун-т. Чита : ЗабГУ, 2012. 64 с. Марфусалова В.П. Эвенкийский язык : учеб. пособие / Сев.-Вост. федер. ун-т им. М.К. Аммосова. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2018. 132 с.
Библиографические издания	НС	Эвенки: язык, фольклор, литература, этнография: библиогр. указ. / сост. Е.Ф. Афанасьева. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 223 с. Эвенки Бурятии: справ.-библиогр. изд. / сост. Д.В. Базарова [и др.]; ред. Е.Ф. Афанасьева. Улан-Удэ : Нац. б-ка Респ. Бурятия, 2006. 1 электрон. опт. диск.
Словари	НС	Эвенкийско-русский словарь: в 2 ч. / сост. Б.В. Болдырев. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. Словарь зейского говора эвенков Амурской области / Б.В. Болдырев [и др.]; ред. Г.И. Варламова; Благовещ. гос. пед. ун-т. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. 425 с. Имена собственные персонажей эвенкийского эпоса : словарь-указатель / Г.И. Варламова [и др.]; отв. ред. С.И. Шарина. Новосибирск : Наука, 2019. 359 с.
Энциклопедии	НС	The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers / eds. R. B. Lee, R. Daly. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. 511 p.
Сборники документов	НС	Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Севернй Евразии и Дальнего Востока (ненцы, манси, ханты, кеты, селькупы, нганасаны, долганы, эвенки, эвены, юкагиры, коряки, чукчи, ительмены, негидальцы, орочи, ороки, ульчи, нанайцы, удэгейцы, нивхи, айны): публ. док. / ред. Ю.И. Семёнов. М. : Старый сад, 2000. 403 с.
Сборники фольклорных текстов, хрестоматии	НС	Эвенкийская литература: хрестоматия / сост.: Е.Ф. Афанасьева, А.А. Воронина. 2-е изд. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 271 с. Сказания восточных эвенков / сост.: Г.И. Варламова, А.Н. Варламов; ред. А.Н. Мыреева. Якутск : Изд-во СО РАН, 2004. 233 с
Альбомы, каталоги коллекции	НС	Мастера Эвенкии. Творческое наследие: [альбом] Красноярск: Ситалл, 2014. 124 с. Эвенки Бурятии: [альбом] / сост. В. Вачеланова. Красноярск : Ситалл, 2016. 199 с. Эвенки: кат. коллекции из собр. ХКМ им. Н.И. Гродекова / сост. В.Б. Малакшанова. Хабаровск : ХКМ, 2015. 258 с.
Мемуары, воспоминания, биографии	НС	Хазанкович, Ю. Г. «Поэты не рождаются случайно...»: (жизнь и творчества Д. Апросимова). Якутск : Бичик, 2009. 63 с. Алитет Немтушкин: жизнь и творчество / сост. А.А. Воронина. Улан-Удэ : Бэлиг, 2010. 143 с. Музыковед Надежда Николаева: труды, письма, воспоминания / сост.: А.С. Ларионова, З.И. Кириллина, И.И. Николаев ; ред.: Э.Е. Алексеев, А.С. Ларионова. Якутск, 2019. 320 с.

Окончание таблицы 4

Вид издания	БД	Публикации
Научно-популярные, публицистические издания	НС	Шерхунаев Р. А. Наши друзья-эвенки. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 104 с. Эвенки Баунта: очерки этнической истории: док.-публ. сб. / сост. Л. В. Мурзакина. Улан-Удэ : НоваПринт, 2015. 175 с. Валеев М. Х. Эвенкийская жизнь: документальная, художественная проза. Красноярск : Палитра, 2019. 183 с.
Отчеты о полевых исследованиях	НС	Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе: отчет / Н. П. Копцева [и др.]. Екатеринбург: Изд. решения, 2017. 219 с. Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе : по материалам научно-исследовательской работы / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск : СФУ, 2018. 1 электрон. опт. диск.

БД *Научная Сибирика* отличается большим разнообразием типо-видового состава документов по сравнению с *Web of Science*. Около 40% документов БД *Научная Сибирика* составляют материалы научных форумов различного ранга. Следует отметить, что конференции играют значимую роль в обмене информацией между учеными, обсуждении дискуссионных вопросов, создании научных коллабораций. Проблемы эвенкийского этноса освещаются как на научных мероприятиях по этнологии, проводимых на постоянной основе (*Конгресс этнографов и антропологов России; Реальность этноса. Роль образования в сохранении и развитии языков и культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации; Диковские чтения*), так и на тематических конференциях: *Социально-экономическое развитие и здоровье малочисленных народов Севера: республиканский семинар* (Красноярск, 1990 г.); *Лига БАМа: проблемы мировоззрения, экономики, социальной истории: Международная научно-практическая конференция* (Тында, 2005 г.); *Языки коренных малочисленных народов Севера в начале III тысячелетия: республиканская научно-практическая конференция* (Якутск, 2006 г.); *Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии: Всероссийская конференция с международным участием* (Улан-Удэ, 2009 г.); *Культурное наследие народов Северо-Востока РФ: проблемы и перспективы: Всероссийская научно-практическая конференция* (Якутск, 2018 г.); *Развитие этнокультурного образования коренных народов Арктики: традиции и инновации: Всероссийская научно-практическая конференция* (Нерюнгри, 2019 г.) и др.

Суммарно статьи из периодики и научных сборников в БД *Научная Сибирика* составляют немного более половины ДП (28 и 23% соответственно). Наиболее продуктивными периодическими изданиями являются региональные журналы: *Этнографическое обозрение, Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук, Россия и АТР, Религиоведение, Северные просторы, Мир Севера, Филологические науки. Вопросы теории и практики, Вестник Бурятского государственного университета, Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки, Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Языки и фольклор коренных народов Сибири*.

Особо следует отметить тематические сборники научных трудов, все статьи которых посвящены изучению эвенков: *Амурские эвенки: большие проблемы малого этноса* (Благовещенск, 2003), *Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия* (Благовещенск, 2003).

щенск, 2006, 2008, 2010), *Эвенкийская литература* (Москва, 2006), *Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уильта. Эвенки* (Южно-Сахалинск, 2009).

Доля авторефератов диссертаций в ИМ невелика (2%), но это важная составляющая корпуса документов БД *Научная Сибирика*, свидетельствующая о неизменном интересе ученых к жизни эвенкийского народа. Следует отметить, что последние три десятилетия защиты диссертационных работ проводились регулярно (одна-три работы в год, максимально количество работ — четыре диссертации — было защищено в 2014 г.). Среди них выделяются три основные области исследований: языкознание, этномедицина, фольклор.

Тематическая структура ДП отражена на диаграмме (см. рис. 3), анализ которой показывает, что более четверти материалов (28%) БД посвящены изучению культуры, достаточно полно представлены разделы «Языкознание» (19%), «Этнография» (11%), «Религия и традиционные верования» (10%), «Этномедицина» (8%). Существенно меньшее внимание обращается на исследование экологии территорий проживания, правовым основам развития, этнообразованию и этновоспитанию — по 4% ДП, а также социальной сфере — 5%. Возможно, при составлении планов научной работы следует обратить внимание на этот дисбаланс.

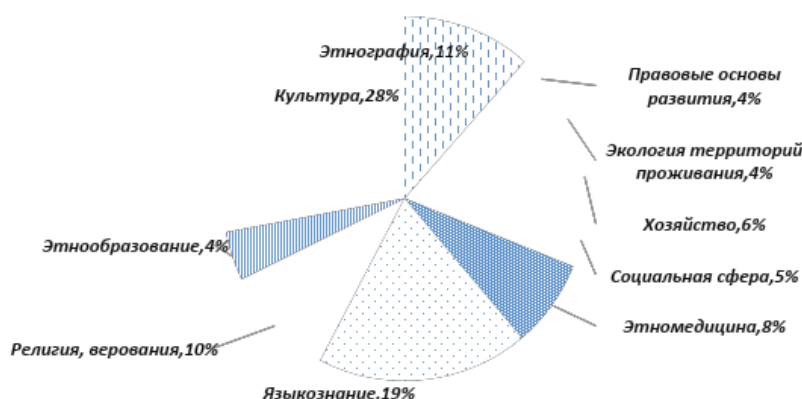

Рис. 4. Тематическая структура документального потока

Таким образом, наукометрический анализ ИМ из БД *Web of Science* и *Научная Сибирика*, посвященных изучению эвенкийского этноса, показал, что данное направление исследований активно развивается, о чем свидетельствует постоянный рост объема документов. Эта тема привлекает внимание не только российских, но и зарубежных специалистов. Поисковые фильтры и систематизация документов в обеих БД позволяет легко найти релевантные документы по теме, которые могут составить информационную основу дальнейших исследований, поскольку получение библиографических материалов возможно с любого компьютера. Полные тексты публикаций из БД *Web of Science* возможны либо за плату, либо по лицензии. БД *Научная Сибирика* находится в свободном доступе для пользователей на сайте библиотеки www.spsl.nsc.ru

(опции «Каталоги и базы данных» — «Библиографические базы данных» — «Научная Сибирика»), электронные документы которой снабжены гиперссылками от библиографической записи к полному тексту статьи, а публикации с DOI обеспечивают переход на сайт издательства или к самой работе. Все печатные документы этой БД хранятся в фонде библиотеки, их пользователь может получить по межбиблиотечному абонементу или в читальных залах библиотеки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Афанасьева Е. Ф. Фонологическая система современного эвенкийского языка. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 122 с.

Варламов А. Н. Игра в эвенкийском фольклоре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 21 с.

Варламова Г. И. Женская исполнительская традиция эвенков: (по эпическим и другим материалам фольклора). Новосибирск : Наука, 2008. 227 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 19: эвенки).

Горохов С. Н. Эвенки // Народы России. URL: <http://www.narodru.ru/peoples1303.html> (дата обращения: 12.02.2020).

Рыкова В. В. Анализ потока документов из БД «Коренные малочисленные народы Севера», посвященного исследованиям народа саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4. С. 122–124.

Рыкова В. В. Нанайцы — аборигенное население Дальнего Востока: анализ потока документов из базы данных «Научная Сибирика» // Историческая информатика. 2014. № 4. С. 11–14.

Рыкова В. В., Горте Ю. Д. Анализ документального потока по культуре обских угров из базы данных «Научная Сибирика» // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 124–125.

Рыкова В. В., Горте Ю. Д. Селькупы: документометрический анализ информационного массива из БД «Научная Сибирика» // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность : материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (12 окт. 2017 г.). Абакан, 2018. С. 156–158.

Сем Т. Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): историко-этнографические очерки / ред. А. М. Решетов. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2015. 639 с. (Varia Ethnographica).

Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М. : Вост. лит., 2012. 604 с.

Цуканов В. В. Клинико-биохимические особенности заболеваний желчевыводящих путей у населения Азиатского Севера : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Томск, 1996. 40 с.

Leonard W. R. and Crawford, M. H. eds. Human biology of pastoral Populations. Cambridge, New York: Cambridge Univ. press, 2002. 328 p. (на англ. яз.).

Safonova T., Santha I. Culture contact in Evenki land: a cybernetic anthropology of the Baikal Region. Kent: Global Oriental, 2013. 194 p. (Inner Asia Series) (на англ. яз.).

REFERENCES

- Afanaševa E. F. *Fonologicheskaya sistema sovremennogo evenkiiskogo yazyka* [Phonological system of the modern Evenk language]. Ulan-Ude : Buryat Univ. Publ., 2008. 122 s. (in Russian).
- Gorokhov S. N. Evenki [Evenks]. *Narody Rossii* [Peoples of Russia]. URL: <http://www.narodru.ru/peoples1303.html> (accessed February 12, 2020) (in Russian).
- Leonard W. R., Crawford M. H. (eds.) *Human biology of pastoral populations*. Cambridge, New York : Cambridge Univ. press, 2002. 328 p. (in English).
- Rykova V. V. Analiz potoka dokumentov iz BD “Korennyye malochislennyye narody Severa”, posvyashennogo issledovaniyam naroda sakha [Analysis of a documentary flow from database “Northern aboriginal peoples” dedicated to studying Sakha people]. *Severo-Vostochnii gumanitarnyi vestnik* [North-Eastern Humanitarian Herald]. 2015, no. 4. S. 122–124 (in Russian).
- Rykova V. V. Nanaity — aborigennoe naselenie Dalnego Vostoka: analiz potoka dokumentov iz bazy dannykh “Nauchnaya Sibirika” [Nanai — aboriginal population of the Far East: analysis of a documentary flow from database “Scholar Sibirica”]. *Istoricheskaya informatika* [Historical Informatics]. 2014, no. 4. S. 11–14 (in Russian).
- Rykova V. V., Gorte Yu. D. Analiz dokumentalnogo potoka po kulture obskikh ugrov iz bazy dannykh “Nauchnaya Sibirika” [Analysis of a documentary array from database “Scholar Sibirica” on Ob Ugry culture]. *Finno-ugorskii mir* [Finnish-Ugric World]. 2016, no. 4. S. 124–125 (in Russian).
- Rykova V. V., Gorte Yu. D. Selkupy: dokumentometricheskii analiz informatsionnogo massiva iz BD “Nauchnaya Sibirika” [Selkups: documentometric analysis of an information array from DB “Scholar Sibirica”]. *Korennyye narody Sibiri: istoriya, traditsii i sovremennost’: materialy region. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (12 okt. 2017 g.)* [Indigeneous peoples of Siberia: history, traditions and modernity: conf. proc. (Oct. 12, 2017)]. Abakan, 2018. S. 156–158 (in Russian).
- Safonova T., Santha I. *Culture contact in Evenki land: a cybernetic anthropology of the Baikal Region*. Kent : Global Oriental, 2013. 194 p. (Inner Asia Series) (in English).
- Sem T. Yu. *Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i etnokulturnye svyazi): istoriko-etnograficheskie ocherki* [Picture of the Tungus world: Pantheon (semantics of images and ethno-cultural relations): historical and ethnographic essays]. Saint Petersburg: St.-Petersburg Univ. Publ., 2015. 639 s. (Varia Ethnographica) (in Russian).
- Sirina A. A. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopolzovanie, mirovozzrenie* [Evenks and Evens in the modern world: self-awareness, nature management, worldview]. Moscow : Vostochnaya literatura, 2012. 604 s. (in Russian).
- Tsukanov V. V. *Kliniko-biokhimicheskie osobennosti zabolevanii zhelchevyvodyashikh putei u naseleniya Aziatskogo Severa: avtoref. dis... d-ra med. nauk* [Clinic-biochemical features of the biliary tract diseases of the Asian North population: Ph.D. Thesis in Medicine]. Tomsk, 1996 (in Russian).
- Varlamov A. N. *Igra v evenkiiskom folklоре : avtoref. dis... kand. filol. nauk* [The game in the Evenk folklore: Ph.D. Thesis in Philology]. Ulan-Ude, 2006. 21 s. (in Russian).

Varlamova G. I. *Zhenskaya ispolnitel'skaya traditsiya evenkov: (po epicheskim i drugim materialam fol'klora)* [Women's performing tradition of Evenks: (based on epic and other materials of folklore)]. Novosibirsk : Nauka, 2008. 227 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Горте Ю. Д., Рыкова В. В. Эвенки: наукометрический анализ материалов, представленных в БД *Web of Science* и *Научная Сибирика* // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 54–65.

Citation:

Gorte Yu. D., Rykova V. V. Evenks: scientometric analysis of materials presented in the databases *Web of Science* and *Scholar Sibirica*. *Nations and religions of Eurasia*. 2020. № 2 (23). P. 54–65.

УДК: 93/94

DOI: 10.14258/nneur(2020)2–05

А. Р. Мухамадеев*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия)*

К ВОПРОСУ О БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ У КЫПЧАКОВ

Статья имеет целью выявление и анализ брачно-семейных отношений в кыпчакском обществе. Исторические и фольклорные (в частности, эпические сказания об Алпамыше) источники, а также этнографический материал относительно родственных кыпчакам народов позволили выявить у кыпчаков такие явления в области семейно-брачных взаимоотношений, как левират, брачный договор, сватовство малолетних детей, уплата калыма и пр. Выяснить некоторые моменты семейных отношений, связанных с левиратом у кыпчаков, помогли материалы по обычному праву казахов, собранные российскими чиновниками и должностными лицами в XIX в.

Левиратные браки как явление зафиксированы у кыпчаков в Повести временных лет, а также отображены в исторических хрониках. Левират выступал как средство продолжения рода умершего ближайшими родственниками, был обусловлен и экономическими интересами семьи мужа. Несмотря на относительно равноправное положение женщин и пережитки матриархата, левират свидетельствует о патриархальности семьи в кыпчакском обществе. В целом, реконструкции кочевых обществ показывают важную роль в социальной организации общества таких социальных институтов, как семья и община.

Ключевые слова: Повесть временных лет, источники, фольклор, кыпчаки, казахи, татары, башкиры, брак, сватовство, семья, левират.

A. R. Mukhamadeev*Institute of History named after Sh. Mardzhani AN RT, Kazan (Russia)*

TO THE QUESTION OF MARRIAGE-FAMILY RELATIONS IN KIPCHAKOV

The article aims to identify and analyze marriage and family relations in the Kypchak society. Historical and folklore (in particular, epic tales of Alpamysh) sources, as well as ethnographic material regarding peoples related to Kypchaks, allowed Kypchaks to reveal such phenomena in the field of family and marriage relationships as levirate, marriage contract,

matchmaking of young children, payment of kalym, etc. To clarify some aspects of family relations associated with the Levyrat among the Kypchaks, materials on the common law of the Kazakhs, collected by Russian officials and officials in the 19th century, helped.

Levirate marriages, as a phenomenon, are recorded among the Kypchaks in the Tale of Bygone Years, and are also displayed in historical chronicles. Levirate acted as a means of continuing the family of the deceased by the next of kin, and was also due to the economic interests of the husband's family. Despite the relatively equal position of women, vestiges of matriarchy, the patriarchal nature of the family in Kypchak society is displayed. In general, reconstructions of nomadic societies show an important role in social organization of society of such social institutions as the family and the community.

Key words: Tale of bygone years, sources, folklore, Kipchaks, Kazakhs, Tatars, Bashkirs, marriage, matchmaking, family, levirate.

Мухамадеев Алмаз Раисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия). Адрес для контактов: almazrm42@mail.ru.

Mukhamadeev Almaz Raisovich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History named after Sh.Mardzhani AN RT, Kazan (Russia). Contact address: almazrm42@mail.ru.

Практически единственным в своем роде и самым конкретным сведением из всех исторических письменных источников о семейных взаимоотношениях кыпчаков, наверное, является отрывок из Повести временных лет (далее — ПВЛ) об их обычаях. Правда, и здесь не обошлось без особенностей перевода на современный русский язык. Например, если один из переводов ПВЛ гласит: «Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих... берут своих мачех и невесток, и выполняют иные обычаи своих отцов...» [Повесть, 2012: 16], то другой — «... берут в жены своих мачех и свекровей, и иные обычаи своих отцов исполняют...» [Повесть, 2014: 65]. В оригинале же это выражение написано так: «поимають мачехи своѧ [и] ѧтрови и ины вбычаѧ отецъ своихъ [творять]» [ПСРЛ, 1928: 12]. Как видно, в разных изданиях древнерусское слово «ятровъ» переведено по-разному — «невеста» и «свекровь».

Относительно «женитьбы на мачехах», то речь идет о разновидности левирата, довольно широко распространенным среди тюрко-монгольских народов, когда вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с детьми мужа (соответственно, кроме своих родных сыновей). Приведем один конкретный пример того периода. Согласно сведениям мусульманского миссионера и посла аббасидского халифа в Волжскую Болгарию Ахмеда Ибн Фадлана (начало X в.), проложившего свой путь через земли гузов, если у них умирал женатый человек, имеющий сыновей, то на его жене должен был жениться старший из сыновей при условии, если она не являлась его родной матерью. Подтверждая свои наблюдения, арабский путешественник упоминает о некоем Этрэке сыне Катагана, «начальнике войска» гузов, жена которого раньше была женой его отца [Ковалевский, 1956: 126, 129].

В тексте ПВЛ присутствует и «ятровь», что на древнерусском языке означало свояченицу, жену брата мужа, жены братьев между собой — ятрови. Скорее всего, в данном случае имеется в виду, что одному из братьев предписывалось жениться на жене своего покойного брата, что также часто практиковалось в тюрко-монгольском сообществе. Учитывая, что ятровей называли и «невестами», логика не теряется, так как для всех членов семьи мужа ятровь изначально является невестой, в том числе для брата мужа.

Относительно перевода слова «ятровь» как «свекровь» (мать мужа), то здесь по логике вещей должен предполагаться брак отца или брата жены на овдовевшей свекрови, т. е. матери мужа. В данном случае возникают серьезные вопросы о принципиальной возможности такого явления в тюрко-монгольском сообществе. В целом, теряется логика, возникает путаница. Становится непонятным, какими именно были браки у кыпчаков — патрилинейными или матрилинейными, какими были семьи — патриархальными и матриархальными? Тогда получается, что имущество должно было перейти в семью жены, что также не соответствует данным, полученным исследователями. Поэтому перевод слова «ятровь» как «свекровь» следует считать в лучшем случае неким недоразумением.

По большому счету, относительно происхождения и значения левирата мнения исследователей несколько разнятся. Одни считают, что левират выступал одним из средств продолжения рода умершего ближайшими родственниками. Другие видят в левирате остаток древнего обычая, когда вместе с имуществом наследовались и жёны умершего. Он видоизменился лишь за невозможностью сожительства сына-наследника со своей матерью, по причине чего последняя переходила к брату умершего, вместе с другими правами, которыми по какой-либо причине (например, по малолетству) не могли воспользоваться сыновья (как, например, звание, должность). Экономическое основание левирату придавал покупной брак: купленная жена, составляя собственность рода или семьи умершего, приравнивалась к наследственному имуществу. Если допускался отказ от левирата, то вдова была обязана возвратить калым, либо могла выйти замуж по своему выбору при условии уплаты пени или только с согласия родни умершего. Несомненно, что левиратные браки у половцев практиковались как в экономических интересах семьи, стремящейся сохранить имущество (например, скот, пастбища) и рабочую силу, так и в интересах подрастающих детей. В общем же, в различных вариантах левирата усилены или ослаблены элементы обязанностей и прав как со стороны вдовы, так и её потенциальных мужей.

Случаи левиратного брака у половцев зафиксированы и в исторических хрониках. Так, С. А. Плетнева считает династию болгарских царей Асений кыпчако-куманской [Плетнева, 1990: 181]. В свою очередь, румынская исследовательница М. Лазареску-Зобиан считает представителей всех трех династий Второго Болгарского царства кыпчакскими по происхождению. В связи с этим интересно наблюдение Я. В. Пилипчука относительно хроники Георгия Акрополита, где констатируется, что после смерти болгарского царя Калояна Грекобойца (1197–1207 гг.) сын его сестры женился на вдове Калояна [Пилипчук, 2012: 44]. В данном случае речь здесь идет о болгарском царе Бориле (1207–1218 гг.).

Учитывая частое отсутствие у древних и раннесредневековых кочевников собственной письменности, фактическую малочисленность исторических источников по изучаемой тематике, встает оправданная необходимость привлечения как результатов археологических исследований, так и этнографических изысканий относительно родственных народов, в том числе более позднего периода и даже современности. В данном случае становится уместным привлечение этнографических материалов казахов как одного из ближайших потомков кыпчаков. В частности, по материалам казахского обычного права, описанных А. И. Левшиным, у казахов еще в XVIII–XIX вв. после смерти одного брата другой брат, остававшийся главой его семейства, имел право жениться на одной из младших жен покойного [Левшин, 1948: 26].

В многих обществах наряду с левиратом существовал и сорорат, предписывающий женитьбу вдовца на сестре умершей жены. Считается, что сорорат тесно сопряжён с традицией брачного выкупа: смерть женщины, за которую заплачен выкуп, должна быть возмещена её семьёй или родственной группой, особенно если умершая ещё не родила детей. Согласно этому обычаю мужчина мог вступить в брак одновременно или последовательно с несколькими родными или двоюродными сёстрами жены. Несмотря на то, что в отношении именно половцев на случаи сорората конкретно не указывалось, он был характерен для многих тюрко-монгольских кочевников, а значит, не должен был чуждым и кыпчакам.

Исследователи неоднократно обозначали на основе сведений из ПВЛ наличие у половцев левирата. С. А. Плетнева «ятровьями» называла жен отца, хотя в ПВЛ о «мачехах», т. е. женах отца, в тексте говорится отдельно, параллельно и совершенно четко. На основании того, что «женятся на ятрови», С. А. Плетнева делает вывод и о сохранении матрилинейного счета родства у половцев (от матери к дочери), о принятии женами в свой род нового «хозяина» [Плетнева, 1990: 133]. Похоже, С. А. Плетнева трактует слово «ятровь» именно как «свекровь». Такое толкование «ятрови» нами также было обозначено, но, как указывалось выше, в данном случае речь, скорее всего, идет о свояченицах, т. е. женах братьев.

Тем более, что С. А. Плетнева в другом своем труде сама же опровергает половецкую генеалогию по женской линии. На основании Ипатьевской летописи она указывает на патрилинейное родство: «В XII в. у половцев создавалась, очевидно, устойчивая патрилинейная генеалогия ханских родов: Боняк — Севенч, Урусоба — Урусобичи, Кочий — Кочаевичи; наконец, прослеженная на протяжении более 100 лет линия — Ша-рукан+Сугр — Отрок+Сырчан — Кончак — Юрий» [Плетнева, 1974: 260].

Другое дело, что по имеющимся материалам и признакам пережитки матриархата у половцев еще сохранялись. В частности, их погребальные обряды свидетельствуют о довольно высоком социальном положении женщин. Половцы с почестями хоронили как мужчин, так и женщин; затем и тем, и другим ставили поминальные храмы со статуями. Несмотря на неоднократное изменение погребальных обрядов и ритуалов кыпчаков, в результате их смешения с другими этносами по мере продвижения в южнорусские степи, один этнографический признак оставался неизменным. Это возведение святилищ, посвященных культу мужских, и женских предков. Как отмечают исследова-

тели, этот привнесенный из глубин Кимакского каганата обычай получил дальнейшее развитие и буквально расцвел в южнорусских степях [Плетнева, 1990: 39].

Также в погребениях, как в женских, так и в мужских, встречаются котлы. У исследователей сложилось достаточно обоснованное однозначное мнение: котел был символом родового объединения, атрибутом, подчеркивающим высокое социальное положение умерших, а захоронения с котлами принадлежали представителям родовой и племенной аристократии кочевого общества [Швецов, 1980: 201].

Персидский поэт XII–XIII вв. Низами писал о женском каменном изваянии, что позволяет предположить развитие культа женского божества. Известно, что у кыпчаков существовало женское божество Умай, являвшееся составной частью сложной системы религиозных представлений древних тюрков [Ахинжанов, 1995: 277].

Интересны суждения С. А. Плетневой о существовании у половцев института «амазонок», основанного на одном половецком образе, проникшем в древнерусский былинный эпос в рассматриваемый период. Это образ «поляницы», женщины-богатырши. Былинный Добрыня, встретив «поляницу» в «чистом поле», проигрывает ей поединок, после чего вынужден был на ней жениться. Добрыня привез ее в Киев, где она прежде чем пойти под венец, была крещена. Таким образом, она дважды прошла свадебный обряд, первый — половецкий, в степи, в виде единоборства жениха с невестой, второй — христианский. Надо полагать, что все привозившиеся из степи жены проходили подобные процедуры, сначала языческий свадебный обряд, а по прибытию на родину мужа подтверждали его церковным браком. В целом, женщины в половецком обществе пользовались большой свободой и почитались наравне с мужчинами. Женщины были вынуждены в отсутствии своих мужей (часто погибавших в походах и войнах) регулярно брать на себя все заботы по хозяйству и обороне. По мнению С. А. Плетневой, так и возникал в степях институт «амазонок», женщин-воительниц, сначала запечатленных в степном эпосе, песнях и изобразительном искусстве, а оттуда перешедших в русский фольклор [Плетнева, 1990: 68–70]. Однако не все исследователи согласны с такой постановкой вопроса. Так, Т. М. Потемкина своими исследованиями выражает несогласие с тезисом о половецких «амазонках» [Потемкина, 2012: 24–28].

Относительно «института амазонок» в половецком обществе, очевидно, заявлено действительно слишком громко, но роль и значение женщин в жизнедеятельности семьи, рода и племени исключать никак нельзя. Конечно, в исторических источниках среди кыпчаков не зафиксировано таких выдающихся женщин-предводительниц, женщин-правительниц, как, например, у кавказских гунно-савиров (Боарикс) или утригуров (Аккага). Активность женщин-кыпчаков в разных жизненных ситуациях осталась отображенной лишь в фольклорных источниках, памятниках устного народного творчества. По причине отсутствия в письменных исторических источниках конкретных сведений относительно положения женщин в обществе, а также относительно семейно-брачных отношений кыпчаков мы вынуждены обратиться именно к ним. В частности, исходя из наших целей рассмотрим версии героического эпоса тюркских народов об Алпамыше, точнее, те из них, которые были обозначены известным ученым-филологом, фольклористом В. М. Жирмунским как «кыпчакские», и его изыскания по этому памятнику народного творчества.

Генезис и историю эпического сказания об Алпамыше В. М. Жирмунский видит следующим образом. В своей древнейшей форме богатырской сказки, современным отражением которой является алтайский «Алып-Манащ», сказание существовало в предгорьях Алтая уже в VI–VIII вв. н. э. (эпоха Тюркского каганата). Отсюда оно было занесено огузами в низовья Сыр-Дарьи, где было засвидетельствовано в IX–X вв. У огузов это сказание получило самостоятельное развитие, войдя в цикл песен о богатыре Салор-Казане. Затем при Сельджуках (XI в.) оно было занесено в Закавказье и Малую Азию: поздним, сильно феодализированным отражением этой версии в литературной обработке XV в. является «Рассказ о Бамси-Бейреке» и «Китаби Коркуд». Как писал академик Бартольд, предания об огузах, Коркуде и Казан-беке на запад были перенесены в эпоху Сельджукской империи (XI–XII вв.), к которой относится отторжение Азербайджана, Закавказья и Малой Азии. В другой версии это сказание в XII–XIII вв. по мере продвижения кыпчакских племен на запад проникло в Казахстан, Башкирию и Поволжье. Эта версия, по утверждению В. М. Жирмунского, несмотря на довольно сильную модернизацию, сохранила и самостоятельные древние черты (особенно башкирская и казанско-татарская версии). В начале XVI в. с кочевыми узбеками Шейбани-хана она была перенесена в южный Узбекистан (Байсунское бекство), где на основе богатырской сказки, принесенной кунгратцами с их кочевий на берегах Аральского моря, сложился героический эпос «Алпамыш», получивший в дальнейшем распространение среди узбеков, каракалпаков и казахов [Жирмунский, 1957: 103–104].

В другом труде В. М. Жирмунский к кыпчакской версии «Алпамыша» относит и казахский вариант. Тем не менее с докунгратской версией он связывает две народные сказки — башкирскую — «Алпамыша и Барсын-Хылу» и казанско-татарскую — «Алпамыша». Обе, как утверждает исследователь, наряду с поздними, порой с довольно серьезными искажениями обнаруживают своеобразные архаические черты. Сказки не содержат ни локализации в Байсуне, ни калмыцкой тематики, ни обычного мотива богатырских состязаний между женихами. Вместо последних в башкирской сказке, как и в огузской версии, выступает древний сюжет состязания женихов с невестой — богатырской девой. В целом, в эпических сказаниях и легендах пережитки матриархата, как правило, проявляются в брачных поединках героев с невестами, в образах богатырских дев. Согласно кыпчакской версии сказания Барсын-хылу объявляет, что выйдет замуж за того, кто победит ее в борьбе. В этих ритуальных поединках она убивает немало потенциальных женихов. Наконец, в брачном поединке с Барсын-хылу схватывается Алпамыш, побеждает ее и делает женой [Жирмунский, 1960: 85–86]. Указанные обстоятельства показывают не только воинственность половецких женщин и девушек, но и заметное их равноправие, предоставленную им свободу выбора.

Рассмотрим другие частноправовые нормы, отображенные в эпосе, которые были присущи половецкому обществу. В кыпчакской версии Алпамыша ханы условились обречь своих детей до их рождения, но когда один из ханов умер, то другой отказался выдать дочь за сироту. После этого Барсын велит будущему мужу «подарить что-нибудь» ее родителям, т. е. фактически заплатить калым. Но мать, отец, брат поочередно отказываются и не принимают подарков; брат поясняет: «ты вышла замуж по своим расчетам» [Жирмунский, 1960: 85–86]. Кроме уплаты калыма, здесь описаны и дру-

гие немаловажные условия и традиции бракосочетания: сватовство малолетних детей, т. е. брачный договор между родителями, способ приобретения невесты и пр. В данном случае невеста выходит замуж «по своим расчетам», т. е. она по обоюдному согласию с женихом уходит к нему, когда не учитываются другие традиционные факторы и условия, например, одобрение и благословление родителей, право старшего первым вступать в брак и т. п. В целом мотив сватовства малолетних или еще не родившихся детей является международным, но более всего характерным для фольклора тюркоязычных народов.

В фольклоре мы можем найти и прямые намеки на патриархальность кыпчакской семьи. Так, в татарской версии эпоса Алпамыш, находясь в заточении в зиндане, просит своего друга через решетку передать жене Сандугач, чтобы она ждала его пять лет. Если он (Алпамыш) не возвратится через пять лет, Сандугач становится свободной женщиной и будет вольна распоряжаться своей дальнейшей судьбой [Алпамыш, 1963: 42]. Указанные обстоятельства находят свое подтверждение в других тюркских исторических источниках. Ибн Фадлан, например, сообщает, что через два года после похорон волжского булгарина «родственники умершего созовут званый пир, посредством которого дается знать об окончании траура, и если у него была жена, то она выйдет замуж» [Ковалевский, 1956: 140]. Установление двухгодичного траурного срока для женщин после смерти мужа говорит не только об авторитете в булгарской семье, но и о его власти над другими членами семьи [Мухамадеев, 2013: 20].

В других типологически архаичных вариантах татарской версии Алпамыш, оставляя жену, также назначает определенный срок, в течение которого жена должна ждать мужа [Урманчеев, 1984: 126]. Во всех случаях Алпамыш как законный муж фактически сам устанавливает срок, согласно которому брачные узы могут быть расторгнуты супругой в одностороннем порядке [Мухамадеев, 2013: 21]. В эпосе об Алпамыше также отражается авторитет отца, его бесспорное главенство в семье. Жена героя Сандугач в течение всего срока его отсутствия сохраняет верность своему мужу. Тем не менее она находится во власти отца, который собирается выдать ее вновь замуж [Урманчев, 1984: 127].

В целом, поздние реконструкции кочевых обществ показывают важную роль в социальной организации общества таких социальных институтов, как семья и община. Надо признать, что в имеющихся исторических источниках процесс создания и принципы функционирования семьи как низшей ячейки социальной организации общества прослеживаются недостаточно. В целом, она характеризуется биологическим воспроизводством человека и рядом социальных функций и признаков, важнейшим из которых является частная собственность на скот. Скот, находившийся в частной собственности кыпчакских семейств, являясь основой жизнедеятельности кочевников, отмечался родоплеменными метками (тамгами).

На сегодняшний день затруднительно сказать, какую конкретно форму носила семья в кыпчакском обществе. Вместе с тем, судя по реконструкциям кочевниковедов, в среде номадов объективно преобладала так называемая малая, нуклеарная моногамная семья, которая в силу биосоциальных традиций могла быть осложнена рядом пережиточных форм. Но в целом исследователи указывают на то, что формирование ма-

лой семьи было тесно связано с процессом развития собственно кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности [Хазанов, 1980: 49–50].

Выяснить некоторые моменты семейных отношений, связанных с левиратом у кыпчаков, помогают материалы по обычному праву казахов, собранные российскими чиновниками и должностными лицами в XIX в. Так, согласно материалам Омского временного комитета, если умирал казах, имеющий одну жену, то она переходила к его страшему брату. Если же было несколько жен, то их по одной должны были взять другие братья, не проявляя при этом никакого принуждения и насилия. Имение поровну разделяли между собой все братья, «хотя бы их было до пяти братьев». Если жена покойного не соглашалась становиться женой старшего брата, а выбирала одного из тех, кто помладше, то тот должен был заплатить старшему брату, «которому она по закону принадлежала, девять больших и малых скотин, в том числе одну хорошую лошадь». В случае, если вдова отказывалась вновь выходить замуж, никто ее к этому не принуждал, также у нее не отбирали скот и имение. Вместе с тем, за ее поведением пристально наблюдали все ближние родственники, чтобы она не могла иметь связей с посторонними (особенно холостыми) мужчинами, и утратить пастбища или же скот. При желании вдовы выйти замуж не за родственников, а за постороннего человека, то и в этом случае запрета не следовало. Но в таком случае имение и скот вдовы переходили к родственникам покойного, которые делили имущество поровну. Новый жених должен был заплатить братьям покойного 26 голов разного скота, в том числе одного верблюда и одну лошадь. При отсутствии со стороны мужа ближних и дальних родственников скот вдовы сохранялся в пределах аула, где она проживала. После смерти вдовы средства из оставшегося имущества уходили на расходы по ее похоронам, поминовению ($\frac{3}{4}$ части), половина $\frac{1}{4}$ части передавалась муллам для исполнения религиозных обрядов, а другая половина делилась между соседями и близкими людьми мужского пола [Материалы..., 1948: 67]. Здесь мы видим предназначение левирата как способа сохранения имущества в семье. Несмотря на отсутствие всякого принуждения со стороны родственников бывшего мужа, вдова при желании выйти замуж за чужого человека должна была оставить имущество членам бывшей семьи.

Согласно материалам Оренбургской пограничной комиссии, после смерти казаха его супруга должна была выйти замуж за одного из братьев умершего, если они имелись. Преимущество отдавалось старшему брату, жена получала из «имения» покойного мужа восьмую часть, прочее «имение» оставалось детям умершего. Братья покойного могли избавить вдову от замужества, и тогда она могла выйти замуж «по своему произволу» [Материалы..., 1948: 88]. По другим сведениям этой же комиссии после смерти мужа жена, если была не стара, выходила замуж за его же родственника, который был обязан принять ответственность за ее дочерей [Материалы..., 1948: 91].

Согласно следующему сообщению Оренбургской комиссии, в случае смерти казаха, сосватавшего невесту, она должна была выйти замуж за его ближайшего родственника, в противном случае калым за невесту возвращали. Также после смерти казаха его вдовы должны были непременно выйти замуж за его ближайшего родственника, не выходить замуж в таком случае они могли лишь при наличии детей и с условием совсем не выходить замуж. Однако если вдова все же решалась вновь выйти замуж не за род-

ственника мужа, то соблазвивший ее казах подвергался телесным наказаниям и крупному штрафу [Материалы..., 1948: 105].

После смерти казаха, не оставившего после себя потомства, вдова по настоянию родственников должна была выйти замуж за родного, двоюродного или троюродного брата покойника, и в таком случае из имущества в ее пользу выделялись кибитка, все ее имущество и одежда, а также часть скота, принадлежавшего ей при жизни мужа. Остальная часть уделалась братьям, при их наличии, или родственникам второго мужа. Дележ производился родственниками с обеих сторон в присутствии бия или аксакала [Материалы..., 1948: 144].

Безусловно, левират как распространенный у тюрко-монгольских народов обычай имеет глубокие корни, в обозримом прошлом он имеет источниковые подтверждения у их потомков.

С. Г. Кляшторный, изучивший наблюдения Плано Карпини и Марко Поло о монголах, фиксирует их сведения, что после смерти мужчины его вдовы сохраняются в роду покойного через брак с его сыном (соответственно, исключая инцест), бра́том или с кем-либо из младших родичей. Сватовство к соплеменнице могло повлечь за собой значительные расходы для семьи будущего мужа [Кляшторный, 2003: 480]. Последнее подтверждается и китайскими источниками существенно более раннего периода. Так, Н. Я. Бичурин установил, что женитьба на соплеменнице у тюрков, как и у монголов, сопровождалась для семьи жениха крупными расходами на стоворные дары и выкуп, у кыргызов упоминаются выкупы от сотни до тысячи голов скота [Бичурин, 1950: 35].

Судя по немногим сведениям источников, продолжает С. Г. Кляшторный, брачные обычаи и семейные отношения в древнетюркских обществах в основном не отличались от тех, которые описаны у Плано Карпини и Марко Поло. Так, он приводит в пример надпись в честь Кюль-тегина, где наряду со старшей женой его отца Эльтериш-кагана — Эль-бильге-катун упоминаются и младшие жены — сводные матери Кюль-тегина, а также многие жены его старшего брата — Бильге-кагана. Далее С. Г. Кляшторный приводит в пример енисейские рунические надписи, в которых постоянно упоминаются жены героя эпитафий, с которыми тот «расстался». В одной из притч «Книги гаданий» упомянута третья жена бега, родившая ему сына-наследника, и др. [Кляшторный, 2003: 480].

В целом, изложенный материал дает возможность предполагать наличие крепких семейных уз у кыпчаков, что отмечали современники, которые, например, описывают обычай, когда кыпчакские женщины день и ночь оплакивают, с причитаниями, своих умерших отцов и матерей. Это действие продолжалось до тех пор, пока не умирал кто-нибудь из сыновей или дочерей, или один из очередных родственников — «...тогда остальные члены семейства начинают оплакивать своих умерших братьев и сестер. Матери учат плачевным песням своих дочерей, и они принимают по ночам стонать и причитывать, а собаки вторят им своим лаем» [Три еврейских путешественника, 1881: 4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алпамша // Древняя татарская литература (на татарском языке). Казань, 1963. С. 37–46.

Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы : Гылым, 1995. 296 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 382 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : ГРВЛ, 1980. 356 с.

Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 333 с.

Жирмунский В. М. Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1957. Т. XVI. Вып. 2. С. 97–113.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та им. М. Горького, 1956. 348 с.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей (СПб., 1832 г.) // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1948. 351 с.

Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками д* Андре в 1846 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1948. 351 с.

Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии в 1846 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1948. 351 с.

Пилипчук Я. В. Кыпчаки и Византия (конец XI — начало XIII в.) // Исследования по истории Восточной Европы : сб. ст. Вып. 5. Минск : РИВШ, 2012. С. 41–52.

Мухамадеев А. Р. К вопросу о семейно-брачных отношениях волжских болгар доисламского периода // Научный Татарстан. 2013. № 2. С. 18–25.

Плетнёва С. А. Женская половецкая статуя с ребёнком // Советская археология (СА). 1974. № 3. С. 258–262.

Плетнева С. А. Половцы. М. : Наука, 1990. 210 с.

Повесть временных лет. СПб. : Вита Нова, 2012. 512 с.

Потемкина Т. М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10: Половецкое время. Донецк, 2012. С. 7–36.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. 379 с.

Три еврейских путешественника XI и XII ст. Элдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахий Регенсбургский. СПб. : Типография Цедербаума и Голденблюма, 1881. 248 с.

Урманчеев Ф. И. Героический эпос татарского народа. Казань : Татар. кн. изд-во, 1984. 312 с.

Хазанов А. М. Социальная история скифов М. : Наука, 1975. 344 с.

Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2. С. 192–202.

REFERENCES

Alpamsha [Alpamsha] // Drevnyaya tatarskaya literature [Ancient Tatar literature]. Kazan, 1963. P. 37–46 (in Tatar).

Akhinzhanov S. M. Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana [Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan]. Almaty : Gylm, 1995. 296 s. (in Russian).

Bichurin N. YA. (Iakinf). Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevneyshiye vremena [A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. M. ; L. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. T. I. 382 s. (in Russian).

Grach A. D. Drevniye kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in the center of Asia]. M. : GRVL, 1980. 356 s. (in Russian).

Zhirmunskiy V. M. Skazaniye ob Alpamyshe i bogatyrskaya skazka [The legend of Alpamysh and the heroic tale]. M. : Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1960. 333 s. (in Russian).

Zhirmunskiy V. M. Epicheskoye skazaniye ob Alpamyshe i "Odisseya" Gomera [The epic legend of Alpamysh and Homer's Odyssey]. Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka [News of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language]. 1957. T. XVI. Vyp. 2. S. 97–113 (in Russian).

Kovalevskiy A. P. Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o yego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii [The book of Ahmed Ibn Fadlan about his journey to the Volga in 921–922. Articles, translations and comments]. Khar'kov : Izd-tvo Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. Gor'kogo, 1956. 348 s. (in Russian).

Klyashtornyy S. G. Istoriya Tsentral'noy Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma [History of Central Asia and monuments of runic writing]. SPb. : Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003. 560 s. (in Russian).

Levshin A. I. Opisaniye kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey (SPb, 1832g.) [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaisat hordes and steppes (St. Petersburg, 1832)]. Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh customary law]. Sbornik I. Alma-Ata : Izd-vo AN Kazakhskoy SSR, 1948. 351 s. (in Russian).

Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu, sobrannyye chinovnikami d*Andre v 1846 g. [Materials on Kazakh customary law, collected by officials of d * Andre in 1846]. Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh customary law]. Sb. I. Alma-Ata : Izd-vo AN Kazakhskoy SSR, 1948. 351 s. (in Russian).

Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu, sobrannyye chinovnikami Orenburgskoy pogranichnoy komissii v 1846 g. [Materials on Kazakh customary law collected by officials of the Orenburg Border Commission in 1846]. Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh customary law]. Alma-Ata : Izd-vo AN Kazakhskoy SSR, 1948. Sb. I. 351 s. (in Russian).

Pilipchuk YA. V. Kypchaki i Vizantiya (konets XI — nachalo KHIII v.) [Kipchaks and Byzantium (end of XI — beginning of XIII century)]. Issledovaniya po istorii Vostochnoy Yevropy: nauch. sb. [Studies on the history of Eastern Europe: scientific. Sat.] Minsk : RIVSH, 2012. Vyp. 5. S. 41–52 (in Russian).

Mukhamadeyev A. R. K voprosu o semeyno-brachnykh otnosheniyakh volzhskikh bolgar doislamskogo perioda [To the question of family-marriage relations of the Volga Bulgarians of the pre-Islamic period]. Nauchnyy Tatarstan [Scientific Tatarstan]. 2013. № 2. S. 18–25 (in Russian).

Pletnova S. A. Zhenskaya polovetskaya statuya s rebonkom [Female Polovtsian statue with a child]. SA [SA]. 1974. № 3. S. 258–262 (in Russian).

Pletneva C. A. Polovtsy [Polovtsy]. M. : Nauka, 1990. 210 s. (in Russian).

Povest' vremennykh let [A tale of bygone years]. SPb. : Vita Nova, 2012. 512 s. (in Russian).

Povest' vremennykh let [A tale of bygone years]. M. : Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana, 2014. 544 s. (in Russian).

Potemkina T. M. Iyerarkhiya polovetskoy znati (po pogrebeniyam so statusnymi predmetami) [The hierarchy of the Polovtsian nobility (for burials with status items)]. Stepi Yevropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in the Middle Ages]. Donetsk, 2012. T. 10 (Polovetskoye vremya). S. 7–36 (in Russian).

Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 1. Lavrent'yevskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles]. Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1926–1928. 379 s. (in Russian).

Tri yevreyskikh puteshestvennika XI i XII st. Eldad Danit, r. Veniamin Tudel'skiy i r. Petakhiy Regensburgskiy. SPb. [Three Jewish travelers XI and XII Art. Eldad Danit, R. Veniamin Tudelsky and R.]: Tip-fiya Tsederbauma i Goldenblyuma, 1881. 248 s. (in Russian).

Urmancheyev F. I. Geroicheskiy epos tatarskogo naroda [Heroic epic of the Tatar people]. Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 1984. 312 s. (in Russian).

Khazanov A. M. Sotsial'naya istoriya skifov [The social history of the Scythians]. M. : Nauka, 1975. 344 s. (in Russian).

Shvetsov M. L. Kotly iz pogrebeniy srednevekovykh kochevnikov [Boilers from the burials of medieval nomads]. SA [SA]. M., 1980. № 2. S. 192–202 (in Russian).

Цитирование статьи:

Мухамадеев А. Р. К вопросу о брачно-семейных взаимоотношениях у кыпчаков // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 66–77.

Citation:

Mukhamadeev A. R. To the question of marriage-family relations in Kipchakov. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 66–77.

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 34.06

DOI: 10.14258/nreur(2020)2–06

Т. Г. Недзельюк

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск (Россия)

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Исследование представляет собой результат поисковой работы в Историческом архиве Омской области с целью выявления комплекса документов архивного хранения, характеризующих государственно-конфессиональные отношения в Западной Сибири в исторической динамике. Хронологические рамки работы охватывают XIX и первую половину XX столетия. Методика исследования включает историко-генетический подход в совокупности с методами контент-анализа, синтеза, обобщения. Изучены материалы фондов Главного управления Западной Сибири, областного землемера землеустройств и земледелия, Инспекторской канцелярии командующего Сибирским корпусом Западной Сибири, Омского тюремного замка, Омского губернского революционного комитета, Исполнительного комитета Омского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Омского окружного комиссариата по военным делам. Сделан вывод о достаточной сформированности вектора государственно-конфессиональной политике в Сибири, в том числе в западном ее регионе. Результаты исследования могут быть полезны исследователям государственно-конфессиональной политики России имперского периода, в том числе религиоведам, юристам, историкам.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Исторический архив Омской области, государственно-конфессиональные отношения, материалы архивного хранения.

T. G. Nedzelyuk

Siberian Institute of Management — Branch of RANEPa, Novosibirsk (Russia)

SOURCES FOR THE STUDY OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN WESTERN SIBERIA (BASED ON THE MATERIALS OF THE HISTORICAL ARCHIVE OF THE OMSK REGION)

The is the result of search work in the historical archive of the Omsk region in order to identify a set of archival documents that characterize state-confessional relations in Western Siberia in the historical dynamics. The chronological framework of the work covers the nineteenth and first half of the twentieth century. Research methodology includes historical and genetic approach in conjunction with the methods of content analysis, synthesis, generalization. Studied the materials of the Main Directorate of Western Siberia, the Regional surveyor of Zemleustroistvo and Agriculture, Inspection of the office of the commander of the Siberian corps in Western Siberia, in Omsk prison of the castle, Omsk provincial revolutionary Committee, the Executive Committee of Omsk uezd Soviet of workers, peasants and red army deputies of the Omsk regional Commissariat for military Affairs.

The conclusion is made that the vector of state -confessional policy in Siberia, including in its Western region, is sufficiently formed. The results of the study can be useful for researchers of state and confessional policy of Russia during the Imperial period, including religious scholars, lawyers, and historians.

Key words: Western Siberia, the Historical Archive of the Omsk Region, state-confessional relations, archival materials.

Недзельюк Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: tatned@mail.ru.

Nedzelyuk Tatyana Gennadyevna, Doctor of History, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Siberian Institute of Management — Branch of RANEPa, Novosibirsk (Russia). Contact address: tatned@mail.ru.

Многие сибирские города, и Омск — не исключение, начинали свое существование от крепостей, которые выполняли функцию форпостов государства Российской. Примечательно, что уже в фонде Инспекторской канцелярии командующего Сибирским корпусом Западной Сибири (1801–1809 гг.) отложились документы об обращении в православие инаковерующих. Документы о строительстве крепостей сопровождалось отчетами и рапортами о строительстве церквей в этих крепостях [ИсАОО. Ф. 142. 1801–1809 гг.].

Город Омск в XIX в. выполнял функции распределительного центра для ссыльных, направляемых из центральных губерний в сибирские города. В 1840 г. Омский городской острог получил наименование Омского тюремного замка, где, помимо отбывавших наказание преступников, содержались этаплируемые на поселение и на каторгу; в 1904 г. Тюремный замок стал называться областной тюрьмой. Фонд Омского тюремного замка хранит ведомости обо всех арестантах, в том числе об этаплируемых, а также партионные списки пересылаемых, где относительно каждой персоналии заполнена графа «вероисповедание» [ИсАОО. Ф. 15. 1836–1882 гг.]. Данная информация способствует выявлению абсолютного количественного и относительного (в процентном соотношении) состава заключенных и ссыльных, характеризуя их вероисповедную принадлежность. Аналогичную функцию выполняют документы архивного хранения еще одного пенитенциарного фонда — Тарской уездной тюрьмы Тобольского губернского управления [ИсАОО. Ф. 388. 1902–1919 гг.].

Идеологическая функция была возложена государством на православие, обладавшее статусом государственного вероисповедания. Материалы Омской духовной консистории за очень длительный период (1722–1921 гг.) содержат как указы Сената, так и собственно указы, а также протоколы заседаний Омской консистории. Важны для изучения государственно-конфессиональной политики в регионе материалы о церковных землях, духовных завещаниях в пользу церкви. Имели место столкновения между прихожанами и духовными лицами, конфликты из-за церковных земельных участков; прихожане подавали в Консисторию прошения об удалении неугодных им духовных лиц [ИсАОО. Ф. 16. 1722–1921 гг.]. Омские и Тобольские епархиальные ведомости представлены в книжном фонде архива.

Фонд Главного управления Западной Сибири (ГУЗС) заслуживает специального исследовательского внимания [ИсАОО. Ф. 3. 1822–1882 гг.]. Деятельность ГУЗС распространялась на Тобольскую и Томскую губернии, Омскую область (1822–1838 гг.), позднее — еще и на Семипалатинскую область. Одним из первых указов верховной власти, отложившихся в фонде делопроизводства ГУЗС, сразу же после административного разделения Сибири на Западную и Восточную, стал следующий: «По высочайшему повелению об уничтожении и недопущении впредь существования Массонских лож и других тайных обществ» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4]. Пристального внимания властей удостоились раскольники, водворенные на границе с Китаем, им посвящены тематические дела архивного хранения «О раскольнических священниках и молитвенных домах» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52].

Поддержание нравственных устоев у населения империи нашло нормативное воплощение в отношении министра народного просвещения «Об обращении особенного внимания на преподавание Закона Божия во всех учебных заведениях, 1850», которое распространялось на все территории в составе страны, в том числе и на Западную Сибирь [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2751].

По высочайшему повелению, объявленному министром внутренних дел и государственных имуществ в 1850 г., губернским начальствам надлежало курировать «увеличение числа церквей в Сибири» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2865]. Не секрет, что увеличение количества православных церквей осуществлялось командно-административны-

ми методами, а имущественное состояние клириков в небогатых приходах, образованных на инородческих землях, зачастую было плачевным, о чем свидетельствуют материалы «Отчета по управлению Томской губернии за 1864 г.». В материалах дела содержится информация об учреждении в Томской губернии Комитета для увеличения числа православных церквей и улучшения быта духовенства [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5643].

Материалы Омского 10-го женского городского приходского училища Западно-Сибирского учебного округа за 1918–1919 гг. составили содержательное наполнение фонда Р-2010 [ИсАОО. Ф. Р-2010. 1918–1919 гг.].

Уездный город Омск стал местопребыванием на время отбытия наказания для большого числа ссыльнопоселенцев и административно-высланных, в том числе и за религиозные преступления; для осуществления надзора за ними в 1804 г. была учреждена должность омского городничего, а в январе 1839 г. вместо нее была введена должность полицмейстера. Отчеты о благонадежности ссыльных священнослужителей заинтересованный исследователь найдет в фонде 11 [ИсАОО. Ф. 11. 1804–1838 гг.]

Первая мировая война привела в Сибирь новую категорию переселенцев: ими стали беженцы с театра военных действий. Делопроизводственная документация Омского уездного комитета беженцев отложились в фонде 103. Примечательно, что в логистических центрах, каким являлся и Омский транспортный узел, проводился поименный учет беженцев, фиксировалась их сословная принадлежность, профессия и вероисповедание [ИсАОО. Ф. 103. 1916 г.].

Администрация подрайона водворения и хозяйственного устройства переселенцев Омского округа Омского окружного земельного управления (1918–1930 гг.) решала весь комплекс проблем, связанных с новым населением. В сфере ее компетенции оказались, среди прочих, и проблемы морально-нравственного надзора, а отсюда — заботы о строительстве школ, церквей для переселенцев и их детей [ИсАОО. Ф. Р-283. 1918–1930 гг.]. Аналогичная информация, но за более ранний период, сформирована в фонде областного землемера землеустройств и земледелия [ИсАОО. Ф. 114. 1827–1867 гг.].

Было бы ошибкой думать, что православие было единственной конфессией, представленной в регионе. Для обслуживания лютеран, в том числе ссыльных, проживавших в Тобольской губернии (куда ранее административно входили Омск и Акмолинск), была учреждена должность тобольского губернского евангелическо-лютеранского проповедника [ИсАОО. Ф. 70. 1851–1895 гг.]. Лютеранский проповедник имел местопребывание в селе Рыжково — колонии сосланных в Сибирь лютеран разных национальностей. В 1860-е гг. лютеранами из Прибалтийских губерний на реке Оми были основаны поселения Ревель, Рига, Нарва, Гельсингфорс. В фонде губернского евангелическо-лютеранского пастора отложились указы и распоряжения Генеральной евангелическо-лютеранской консистории, запросы консисториальной администрации об отдельных персоналиях и ответы проповедника на эти запросы.

В обязанности светских властей входило покровительство православию в регионе, однако и иные исповедания не оставались без внимания. Отношение министра финансов «Об отводе Тобольскому евангелическому пастору Вальтеру и его причетнику 75 десятин земли для хлебопашества и об отводе ему квартиры» и переписка по это-

му предмету 1824–1829 гг. составили содержание архивного дела 404 в фонде Главного управления Западной Сибири [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 404].

Протестантские деноминации, де-факто образованные в Западной Сибири группами ссыльных и переселенцев, не могли претендовать на поддержку государства, но и без его внимания тоже не оставались. Периодом 1855–1859 гг. датировано дело архивного хранения «По отношению министра внутренних дел о постройке в г. Барнауле лютеранской церкви. Тут же о постройке такой же церкви в Томске» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3723]. Двумя годами позже начался процесс легитимации лютеранской организации, зафиксированный в материалах деловой переписки «По отношению Первого отделения Главного управления Западной Сибири об устройстве колонии ссыльных лютеран в Сибири, 1861–1874 гг.» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4936].

Фонд архивного хранения 348 образован материалами курата (настоятеля) римско-католической церкви Омска [ИсАОО. Ф. 348. 1873–1920 гг.]. Юридические лица, в том числе благотворительные общества, становились самостоятельными фондообразователями, в связи с чем фонд 361 представлен делами архивного хранения Омского римско-католического благотворительного общества [ИсАОО. Ф. 361. 1912–1920 гг.].

Строительство здания католической церкви в Томске сопровождалось активной перепиской сибирских властей с Могилевской римско-католической консисторией; выбор места для строительства и выделение земельного участка в черте города послужили причиной формирования архивного дела 697 [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 697]. Сибирская губерния, равно как и все другие в государстве, являлась получателем указов Правительствующего Сената. Так в Омском архиве оказалось тематическое архивное дело, образованное Указом Сената за январскую треть 1842 г. «Положение о штатах Римско-Католическим Епархиальным Управлениям и монастырям в западных губерниях, 1842 г.» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1996].

Неправославное население в Западной Сибири было представлено многочисленными местными народностями (татарами, киргизами и др.). Принадлежность к местным клановым элитам «иностранцев» составляла предмет опасений для ГУЗС, о чем свидетельствуют материалы дела «О правилах относительно исправления городских и полицейских повинностей магометанскими духовными лицами» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44]. Взаимоотношения имперских властей и исламских духовных лидеров виделись ГУЗС в контексте международной политики, так в ИсАОО появилось архивное «Дело о постройке в г. Омске каменной мечети по предложению Генерал-губернатора Западной Сибири, смета на построение деревянного дома для приезда в г. Омск Киргизских Султанов и к жительству в г. Омске двух переводчиков, сколько на оное потребно материалов-припасов, равно мастеровых и рабочих людей и лошадей и во что все оное стоить будет» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 340]. Процесс строительства мечети курировался чиновниками ГУЗС, отчеты которых аккумулированы в деле «О постройке в крепости Петропавловской и в г. Омске магометанских мечетей/план магометанской мечети, недостроенной и разобранный вне крепости, что имеется и чего недостает для постройки, деньги, ассигнованные на постройку, вообще переписка насчет постройки мечети» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 359]. После окончания строительства «По представлению областного начальника о содержании в городе Омске мечети и посольского дома,

1832–1833 гг.» предполагалось участие губернских властей в софинансировании деятельности последнего, исполнявшего дипломатические функции [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1130]. Для ведения бухгалтерской отчетности была заведена «Книга на записку прихода и расхода суммы, пожертвованной на Омскую магометанскую мечеть» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1417].

Корпус прошений о смене вероисповедной принадлежности адресовался прежде всего светским властям, а после получения разрешения — духовным. Примечательны названия дел «О киргизе Янкунде, желающем принять веру греческого вероисповедания» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 111]. Идея распространения православия в широких пределах Российской империи нашла отражение в Указе Правительствующего Сената об учреждении в Тобольской епархии миссии для обращения иноверцев к православной греко-российской вере, 1836 г.» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1549]. В городе Петропавловске, ныне принадлежащем Казахстану, учреждалась в 1864 г. миссия «для обращения в православие киргиз» [ИсАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5668].

Самостоятельный комплекс документов представляют собой материалы революционного и советского периодов в Сибири. Исполнительный комитет Омского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов представил в архив документы религиозных обществ (уставы, протоколы собраний, списки членов религиозных организаций), а также документы об отделении церкви от государства, экспроприации и конфискации церковных ценностей [ИсАОО. Ф. Р-150. 1919–1926 гг.].

Фонд Омского губернского революционного комитета хранит протоколы заседаний ревкомов волостных съездов и сельсоветов Петропавловского, Омского, Тюкалинского уездов об отделении школы от церкви [ИсАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 371. 1919–1920 гг.]. Протоколы заседаний Комиссии по отделению церкви от государства и школы от церкви, а также переписку с губотделом юстиции по этому вопросу заинтересованный исследователь обнаружит в материалах отдела управления исполнительного комитета Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [ИсАОО. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 17. 1921 г.].

Сто лет назад не существовало термина «альтернативная служба» по религиозным убеждениям, однако практика применения уже формировалась. Так, фонд Омского окружного комиссариата по военным делам [ИсАОО. Ф. Р-1396. 1921–1933 гг.] имеет в своем составе решения об освобождении верующих от воинской повинности и направлении их в санитарные роты. Особенного внимания заслуживает хронологический период, когда эти решения принимались: период сразу после Гражданской войны, «военный коммунизм», расцвет атеистической идеологии. Кажется невероятным, но организаторы призывных кампаний принимали во внимание чувства верующих.

Борьба с религией продолжалась на протяжении всех лет советской власти; нормативные акты об отделении церкви от государства, распоряжения, инструкции и отчеты об их исполнении, сведения о количестве зарегистрированных религиозных обществ, статистические сведения разного рода — в материалах отдела управления исполнительного комитета Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [ИсАОО. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 129, 143, 275, 276, 284, 289, 317].

Проделанная нами аналитическая работа позволяет сделать вывод о том, что государственно-конфессиональным отношениям в Западной Сибири уделялось серьезное внимание уже на этапе формирования Западносибирского и Восточносибирского регионов в составе Российской империи. С самого начала XIX столетия и до середины XX в. государственно-конфессиональная политика занимала устойчивое место в общем фарватере российской государственности.

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РНФ по теме: «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 3. Оп. 1.

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 2.

Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 3.

Исторический архив Омской области. Ф. 11.

Исторический архив Омской области. Ф. 15.

Исторический архив Омской области. Ф. 16.

Исторический архив Омской области. Ф. 70.

Исторический архив Омской области. Ф. 103.

Исторический архив Омской области. Ф. 114.

Исторический архив Омской области. Ф. 142.

Исторический архив Омской области. Ф. 348.

Исторический архив Омской области. Ф. 361.

Исторический архив Омской области. Ф. 388.

Исторический архив Омской области. Ф. Р-26. Оп. 1.

Исторический архив Омской области. Ф. Р-32. Оп. 1.

Исторический архив Омской области. Ф. Р-150.

Исторический архив Омской области. Ф. Р-283.

Исторический архив Омской области. Ф. Р-1396.

Исторический архив Омской области. Ф. Р-2010.

REFERENCES

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IsAOO) [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 3. Inventory 1 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 3. Inventory 2 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 3. Inventory 3 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 11 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 15 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IsAOO) [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 16 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 70 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 103 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IsAOO) [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 114 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 142 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 348 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 361 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. 388 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. R-26. Inventory 1 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. R-32. Inventory 1 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. R-150 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. R-283 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. R-1396 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. Fund. R-2010 (in Russian).

Цитирование статьи:

Недзельюк Т. Г. Источники для изучения государственно-конфессиональных отношений в Западной Сибири (по материалам исторического архива Омской области) // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 78–85.

Citation:

Nedzelyuk T. G. Sources for the study of state-confessional relations in Western Siberia (based on the materials of the historical archive of the Omsk region). Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 78–85.

УДК 322

DOI: 10.14258/nreur(2020)2–07

А. Н. Ожиганов*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЗДАНИЯ БАРНАУЛА В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В XX — НАЧАЛЕ XXI В.

Рассматривается политика государства к религии в XX — начале XXI в. в отношении основных храмов Барнаула, принадлежащих религиозным организациям различного вероисповедания, в период СССР и Российской Федерации. Список рассмотренных объектов представляют церкви и храмы, существующие в начале XX в., в первую очередь на основе данных карты города от 1907 г. Сопоставив информацию о последующем использовании религиозных зданий в контексте проводимой государственно-конфессиональной политики XX — начала XXI в., было выявлено количество храмов, которые были целенаправленно разрушены во время антирелигиозной кампании, а также варианты использования зданий бывших церквей после их закрытия. Отдельно рассмотрена последующая судьба бывших зданий религиозного культа после развала СССР (1991 г.) при изменении политики государства по отношению к религии.

Согласно полученным выводам большая часть зданий храмов была закрыта ввиду невозможности общинами содержать их своими силами, Впоследствии по решению властей эти строения использовались под сторонние нужды. Само отношение к рассматриваемым объектам в советский период можно характеризовать как утилитарное. Здания не воспринимались как ценные памятники культуры до конца 80-х гг. XX в., когда начинается процесс включения зданий бывших храмов в список объектов культуры и их передачи в собственность религиозным организациям, с теми сложностями, с которыми данная реституция проводилась.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, Барнаул, церковь, храм, антирелигиозная политика, реституция, государственно-конфессиональная политика.

A. N. Ozhiganov

Altai State University, Barnaul (Russia)

RELIGIOUS BUILDINGS IN BARNaul IN THE CONTEXT OF CHANGES IN STATE AND CONFESSIONAL POLICY IN THE XX — THE EARLY XXI CENTURY

The article deals with the state's policy towards religion in the XX — the early XXI century in relation to the main churches of Barnaul belonging to religious organizations of various faiths, during the USSR and the Russian Federation. The list of objects considered is represented by churches and temples that existed at the beginning of the XX century, primarily based on the city map data from 1907. Comparing information about the subsequent use of religious buildings, in the context of the state-confessional policy of the XX — the early XXI century, the number of churches that were purposefully destroyed during the anti-religious campaign was revealed, as well as options for using the buildings of former churches after their closure. The subsequent fate of the former buildings of religious worship after 1991 — the collapse of the USSR, when changing the state's policy towards religion, is considered separately.

According to the findings, most of the temple buildings were closed due to the inability of the communities to maintain them on their own, subsequently and by the decision of the authorities, being used for third-party needs. The very attitude to the objects in question in the Soviet period can be characterized as utilitarian. The buildings were not perceived as valuable cultural monuments until the end of the 80s of the XX century, when the process of including the buildings of former churches in the list of cultural objects begins and their transfer to the ownership of religious organizations, with the difficulties with which this restitution was carried out.

Key words: cultural heritage objects, Barnaul, Church, temple, anti-religious policy, restitution, the state-confessional policy.

Ожиганов Александр Николаевич, преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: ozhiganov@bk.ru.

Ozhiganov Alexander Nikolaevich, teacher of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations of the Altai state University, Barnaul (Russia). Contact address: ozhiganov@bk.ru.

В начале XX в. в Барнауле располагалось более десятка зданий, занимаемых и используемых религиозными организациями. Первые храмы появились еще в XVIII в., изначально деревянные, впоследствии перестроенные в каменные. Активное строительство шло в период с 1900 по 1917 г. Объекты принадлежали

различным конфессиям, представители которых проживали на территории города: православные, лютеране, католики и др.

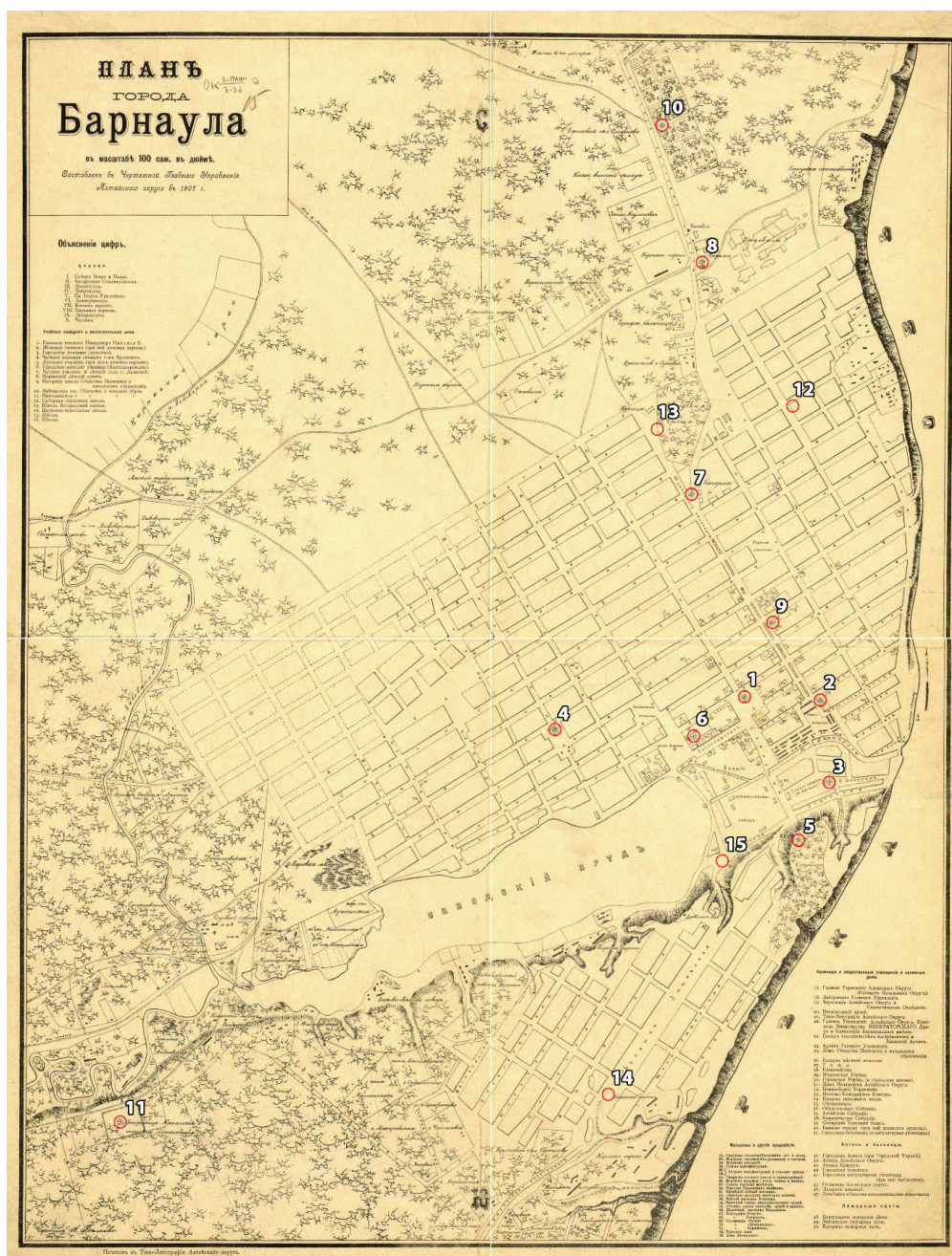

Рис. 1. План города Барнаула, составленный в чертежной Главного управления Алтайского округа в 1907 г.

На плане города Барнаула [1907 План Барнаула...], составленного в чертежной Главного управления Алтайского округа в 1907 г. (см. рис. 1), указаны следующие церкви:

I. Собор Петра и Павла; II. Богородице Одигитриевская; III. Знаменская; IV. Покровская; V. Св. Иоанна Крестителя; VI. Дмитриевская; VII. Военная церковь; VIII. Тюремная церковь; IX. Лютеранская; X. Часовня.

Дополнительно к этому перечню также указаны под номерами: 2. Женская гимназия (при ней домовая церковь); 5. Духовное училище (при нем домовая церковь); 40. Бывшая тюрьма (при ней домашняя церковь). И объекты, отмеченные на карте, но не внесенные в ее легенду: Крестовоздвиженская (кладбищенская церковь) и Богородице-Казанский женский монастырь.

До 1917 г. также были построены следующие здания религиозного культа: 1. Вознесенская церковь (1909 г.); католический костел (1913 г.); Троицкая церковь (1914 г.); Старообрядческая Крестовоздвиженская церковь (1915 г.).

Итого к моменту завершения Гражданской войны и окончательного установления советской власти в Барнауле нами отмечено наличие 12 объектов православной церкви (не включая домовых церквей и часовен), по одному лютеранской, католической, старообрядческой конфессий.

Кратко опишем исследуемые объекты (на рисунке 1 отмечены под соответствующими номерами).

1. Собор Петра и Павла — один из первых православных храмов Барнаула. В 1751 г. построена деревянная церковь, а в 1774 г. возведен каменный собор. Являлся главным храмом города и располагался на Соборной площади [Долнаков, Долнакова, Зотеева, Степанская, 1982: 43–45].

2. Одигитриевская церковь — построена на средства купца Пуртова в 1815 г. в начале Московского переулка.

3. Знаменская церковь — построена в 1853–1856 гг. по проекту И. М. Злобина, замыкала Сенную площадь.

4. Покровская церковь — каменный храм построен на частные деньги в 1904 г., на пересечении 2-го Прудского переулка и Бийской улицы.

5. Церковь св. Иоанна Крестителя — находилась на территории Нагорного кладбища, каменный храм воздвигнут в 1857 г.

6. Дмитриевская церковь — построена под руководством Я. Н. Попова в 1831 г. на средства Колывано-Воскресенских заводов, изначально как домовая церковь при богадельне Барнаульского завода.

7. Военная церковь (Никольская/Полковая) — воздвигнута в 1906 г. на территории казарм Барнаульского гарнизона.

8. Тюремная церковь — в 1901 г. построена на окраине города, на Московском тракте, за счет средств барнаульского купца И. Г. Полякова.

9. Лютеранская кирха (1861 г.) — здание, названное в честь апостола Павла, располагалось в Московском переулке.

10. Крестовоздвиженская церковь — сооружена при «новом» кладбище в 1908 г. на окраине города.

11. Богородице-Казанский женский монастырь снован в 1903 г., при нем храм в честь иконы Казанской Божьей Матери (1904 г.) [Дяттерев, 2019: 108].

12. Вознесенская церковь — деревянный храм, построен в 1909 г. на Непроходном переулке (с 1909 г. — Вознесенском).

13. Католический костел — строительство завершено в 1913 г. на средства католической общины Барнаула по проекту И. Ф. Носовича.

14. Троицкая церковь возведен в 1914 г. на улице Большой Змеевской в Нагорной части города.

15. Старообрядческая Крестовоздвиженская церковь построена в 1915 г. в старой части города за рекой Барнаулкой, на улице Подгорной.

После завершения Гражданской войны и окончательного установления советской власти руководство страны начало проводить активную антирелигиозную политику по отношению к различным конфессиям, и в первую очередь к Русской православной церкви. В 20–30-е гг. XX в. в СССР положение религиозных организаций существенно ухудшилось, что также отразилось и на зданиях религиозного культа, которые они использовали. О том, как проводилась государственно-конфессиональная политика в Западной Сибири, был посвящен ряд работ [Религиозный ландшафт..., 2015; Этнорелигиозные процессы..., 2019].

В данной статье на примере Барнаула сделан обзор проведения этой политики на примере основных, выделенных выше, храмов и церквей, находившихся в черте города. Необходимо отметить, что для данного периода объекты религиозного культа: храмы, церкви и подобные строения не воспринимались как памятники истории, культуры или архитектуры. В первую очередь они рассматривались как символы, которые в условиях новой идеологией не считались чем-то ценным, а подход к ним был сугубо утилитарным. Объекты недвижимости были национализированы и передавались представителям тех или иных конфессий на условиях аренды. Известно, что часть зданий после того, как они переставали использоваться под религиозные нужды, сносились. В Барнауле это Петропавловский собор и Одигитриевская церковь. Значительная же часть зданий была приспособлена местными властями под другие нужды.

Для исследования отмеченных объектов был обобщен ряд источников [Алтай..., 1999; Дегтярев, 2019; Документы по истории..., 1997; Документы по истории..., 1999; Долнаков, Долнакова, Зотеева, Степанская, 1982; Кривоносов, Скворцова, 2001; Единый государственный реестр...; Храмы Алтайского края...], позволивших отобразить долю уничтоженных или перепрофилированных после закрытия храмов в довоенное время, так и здания, возвращенные религиозным организациям с начала 90-х гг. XX в. и включенных в перечень памятников культурного наследия (см. табл. 1).

Исходя из собранных данных можно констатировать:

На 20-е гг. XX в. приходится лишь закрытие 4 храмов из 15 (27%), в то время как в 30-е гг. XX в. эта цифра составила 11 объектов (73%). Таким образом, на начало 40-х гг. в Барнауле не функционировало ни одного здания религиозного культа по прямому назначению.

Таблица 1

Данные по рассматриваемым зданиям религиозного культа в Барнауле

Наименование объекта	Закрытие		Перепрофилирование	Снос	Возвращение	Вкл. в пер. объектов КН
	20е гг. XX в.	30е гг. XX в.				
Собор Петра и Павла	нач. 30-х гг. XX в.		-	1935 г.*	-	-
Одигитриевская церковь	1931 г.		-	1935 г.*	-	-
Знаменская церковь	1939 г.		+	-	1992 г.	1989 г.
Покровская церковь	1939 г.		+	-	1943 г.	1994 г.
Церковь св. Иоанна	сер. 20-х гг. XX в.		-	1927 г.*	Н	-
Димитриевская церковь	1920		+	-	1993 г.	1995 г.
Военная церковь (Никольская/Полковая)	1924 г.		+	-	1991 г.	1989 г.
Тюремная церковь	1934 г.		+	+	-	-
Лютеранская кирха	1924 г.		+	1970х гг.	-	-
Крестовоздвиженская	1932 г.		+	-	2018 г.	1994 г.
Богородице-Казанский женский монастырь	1921 г.		+	-	-	1994 г.
Вознесенская церковь	1939 г.		+	вт. пол XX в.	-	-
Католический костел	1931 г.		+	-	2019 г.	1989 г.
Троицкая церковь	1939 г.		+	-	2011 г. Н	-
Старообрядческая крестовоздвиженская церковь	1937 г.		+	1967 г.	-	-
Итого:	4	11	13	7	7 из 8	7

Прим. : * — здание снесено после закрытия; Н — здание построено заново, повторяя внешний вид утраченной постройки

Рис. 2. Петропавловский собор на Соборной площади, начало XX в. [Все только начинается... История Барнаула в фотографиях, 2010: 26]

Рис. 3. Одигитриевская церковь, начало XX в. [Все только начинается...
История Барнаула в фотографиях, 2010: 61]

В довоенное время было уничтожено только три храма: храм св. Иоанна Предтечи (1927 г.), Петропавловский собор (1935 г.) (рис. 2) и Одигитриевская церковь (1935 г.) (рис. 3). Во первом случае храм был уничтожен вместе с Нагорным кладбищем, на месте которого начали строить ВДНХ. В третьем случае это объяснялось необходимостью освободить главную площадь города, которая использовалась для проведения главных мероприятий и праздников «нового времени». Необходимо отметить, что после сноса зданий городскими властями были сохранены фрагменты кованой ограды, бывшие вокруг Петропавловского и Одигитриевского храмов. Как указывают барнаульские историки, ограда «на ул. Пушкина и (по всей вероятности) на ул. Ползунова были перенесены туда именно от Богородицкой церкви. В то же время большой фрагмент ограды Петропавловского собора был перемещен на проспект Ленина, к зданию горисполкома» (в настоящее время занимаемый администрацией Барнаула) [Дегтярев, Клепиков, 2019].

В 20-е гг. XX в. были закрыты, но стали использоваться под другие нужды:

1. Дмитриевская церковь. С 1920–1922 гг. здание функционировало как художественный музей, затем с 1926 г. как городской кинотеатр «Совкино-1» до 1941 г. (рис. 4). В годы Великой Отечественной войны в здании располагался эвакуированный Государственный цирк, а в 1960 г. оно было передано краевому Совету ДСО «Труд»;

2. Лютеранская кирха в 1924 г. передана под Дом юных пионеров;

3. Тюремная церковь использовалась как клуб-театр [Документы по истории, 1999: 329];

4. Богородице-Казанский женский монастырь — согласно решению Президиума губисполкома 1921 г. помещения были отданы под детский дом [Документы по истории,

1999: 329], а в 1926 г. Президиум Барнаульского горсовета утвердил проект размещения в нем исправительного трудового дома (ИТД) [Документы по истории, 1999: 159];

5. Военная церковь (Никольская/Полковая) в 1924 г. передана под красноармейский клуб [Кривоносов, Скворцова, 2001: 65].

Рис. 4. Кинотеатр «Союзкино», бывшее здание Димитриевской церкви, 40-е гг. XX в. [XX век. Барнаул в фотографиях]

Рис. 5. Знаменская церковь: 1 — на фотографии начала XX в. [Барнаул = Barnaul: фотоальбом, 2007: 38]; 2 — после закрытия [XX век. Барнаул в фотографиях]

Как было отмечено, большая часть зданий храмов решением местных властей закрывались и передавались для использования под другие нужды. Необходимо отметить, что нередко процесс изъятия зданий у религиозных общин происходил ввиду невозможности ими их содержать из-за отсутствия для этого необходимых средств. В таких случаях инициатором прекращения пользования здания могли быть как местные власти, как в случае со Знаменской церковью (рис. 5), которая согласно постановле-

нию №955 организационного комитета ВЦИК по Алтайскому краю от 10 апреля 1938 г., в рамках положительного решения по ходатайству Барнаульского горсовета, была закрыта и передана в распоряжение городского совета для использования под культурно-просветительские цели ввиду того, что «религиозная община Знаменской церкви распалась, здание церкви в настоящее время находится в непригодном состоянии, разрушается и на объявлении горсовета о сдаче здания церкви в аренду ... никто не явился» [Документы по истории, 1999: 156].

В случае со зданием кирхи инициатором отказа от ее использования была местная община лютеран, объясняя отказ своей малочисленностью и отсутствием средств на содержание. Данное обращение было удовлетворено и решением Барнаульского горисполкома РКП(б) (протокол от 30.12.1924) было возбуждено ходатайство о передаче этого здания юным пионерам для культурно-просветительских целей [Документы по истории, 1999: 242–243].

Основная волна закрытия храмов в Барнауле приходится на 1930-е гг., и перепрофилирования их под новые функции. Согласно отчету председателя исполкома Барнаульского горсовета Л. Кузнецова, направленному уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СНК СССР по Алтайскому краю Селиванову, «сообщалось местоположение помещений, ранее занимаемых церквями и молебными домами, ныне занимаемыми ведомствами» [Документы по истории, 1999: 343–344]:

1. Мало-Змеевская, 3 — сапожная мастерская (бывшая старообрядческая церковь);
2. Аванесова, 133а — столовая № 25 (бывшая Троицкая церковь). Закрыта в 1934 г., с 1947 г. после существенной перестройки здание использовалось под кинотеатр «Алтай» [Кривоносов, Скворцова, 2001: 70];
3. Большая Олонская, 24 — краевой архив НКВД (бывшая Знаменская церковь);
4. Пушкинская, 55 — цирк (бывшая Дмитриевская церковь);
5. Мамонотова, 31 — кинопрокат (бывшая кержацкая церковь);
6. Короленко, 55 — крайком госторговли и склад гастронома (бывшая Немецкая кирха);
7. Никитинская, 57 — (православная церковь) бывшая Покровская;
8. Ленина, 36 — Барнаульский гарнизон (бывшая Полковая церковь);
9. Ленина, 44 — аптека № 4 (бывший польский костел);
10. 2-я Алтайская, 23 — общежитие Стройтреста (переоборудована на квартирную систему в 1941 г., бывшая Вознесенская церковь);
11. Парк Меланжевого комбината — мастерская по реставрации электроламп Меланжевого комбината (бывшая кладбищенская церковь);
12. Гоголевская, 114 — жилой дом, перестроенный на квартирную систему в 1937 г. (бывшая синагога).

Единственным храмом, который был закрыт на непродолжительное время, являлась Покровская церковь. Так, «по решению организационного комитета о закрытии церквей и передаче зданий» № 956 от 10.04.1938 оно было передано в распоряжение городского совета для использования под культурно-просветительские цели. Но уже во время Великой Отечественной войны, когда отношение к церкви со стороны власти изме-

нилось, в 1943 г. было принято решение возобновить работу это храма (рис. 6), и уже в январе 1944 г. там были проведены первые службы. Впоследствии именно Покровская церковь долгое время в Барнауле оставалась единственным действующим зданием религиозного культа. Данный факт отмечался в справке, составленной уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Алтайскому краю В. Селивановым, «О православных церквях Алтайского края по состоянию на 1 января 1960 года» [Алтай, 1999: 402].

Рис. 6. Покровский собор: 1 — установка креста на купол Покровской церкви, 40е гг. XX в. [XX век. Барнаул в фотографиях]; 2 — современный вид Покровского собора

В послевоенное время подход к бывшим зданиям религиозных организаций по-прежнему оставался утилитарным, вследствие чего были снесены следующие культовые здания: Старообрядческая Крестовоздвиженская церковь (см. рис. 7) — для строительства дороги и трамвайных путей в Нагорную часть города, здание бывшей лютеранской кирхи (используемое до этого как склад магазина «Красный») (рис. 8), на месте которого в ноябре 1977 г., в 60-летнюю годовщину Октябрьской революции, был разбит сквер с памятником революционеру М. К. Цаплину.

Важную роль в судьбе зданий бывших церквей и храмов сыграл принятый от 15 декабря 1978 г. закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в рамках исполнения которого была начата работа по включению отдельных объектов архитектуры в список памятников культуры и истории, что предусматривало придание им охранного статуса, которое защищало от возможности уничтожения и предъявляло к текущим собственникам определенные условия по их содержанию.

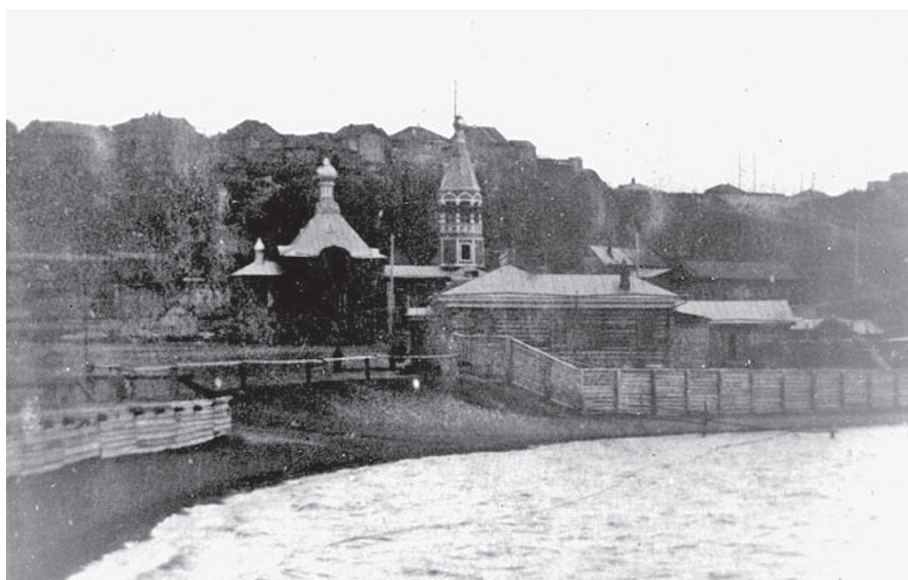

Рис. 7. Крестовоздвиженская старообрядческая церковь
[XX век. Барнаул в фотографиях]

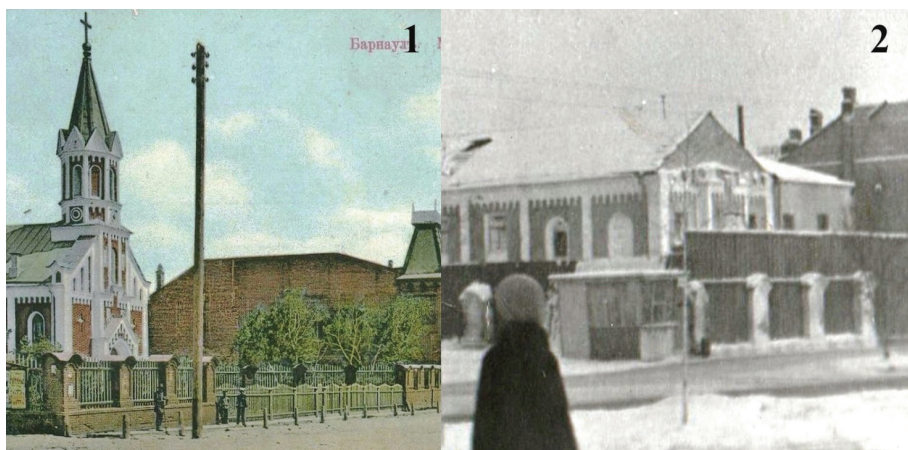

Рис. 8. Лютеранская кирха: 1 — фотография начала XX в. [Барнаул = Barnaul: фотоальбом, 2007: 42]; 2 — фотография 1969 г.

Во исполнение этого закона органами краевой власти был составлен перечень объектов охраны регионального значения. В конце 1980-х гг. в него включили ряд зданий Барнаула, рассмотренных в данной работе. На сегодняшний день согласно Единому государственному реестру объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в него включены следующие здания [Единый государственный реестр...] (см. табл. 2).

Таблица 2

**Объекты культурного наследия Барнаула из числа бывших
и действующих зданий религиозного культа**

№	Наименование объекта культурного наследия	Местонахождение объекта культурного наследия	Категория	Орган принятия решения о включении	Регистрационный № объектов КИН
1	Знаменская церковь	Барнаул, Большая Олонская ул., 24	Регионального значения	Решение исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов «Об отнесении недвижимых памятников истории и культуры к категории памятников местного значения» № 108 от 24.09.1989	231410037060005
2	Покровская церковь	Барнаул, Никитина ул., 137	Регионального значения	Постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания РФ «Об историко-культурном наследии Алтайского края» № 169 от 28.12.1994	231410037020005
3	Никольская церковь	Барнаул, пр. Ленина, 36	Регионального значения	Решение исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов «Об отнесении недвижимых памятников истории и культуры к категории памятников местного значения» № 108 от 24.03.1989	221610413440005
4	Католический собор	Барнаул, пр. Ленина, 44	Регионального значения	Решение исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов «Об отнесении недвижимых памятников истории и культуры к категории памятников местного значения» № 108 от 24.03.1989.	221711081820005
5	Крестовоздвиженская церковь	г. Барнаул, Сибирский просп., 38	Регионального значения	Постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания РФ «Об историко-культурном наследии Алтайского края» № 169 от 28.12.1994	221210003020005
6	Комплекс: женский монастырь Богородицы Казанской	Барнаул, проезд Канатный, 81	Регионального значения	Постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания РФ «Об историко-культурном наследии Алтайского края» № 169 от 28.12.1994	221620413940005
7	Ансамбль горнозаводской площади, XIX в.	Барнаул: площадь Спартака, 10	Федерального значения	Указ Президента РФ «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» № 176 от 20.02.1995	221620437220006

После распада СССР в 1991 г. в Российской Федерации происходит изменение политики властей по отношению к религии и религиозным организациям. В Барнауле в 1991 г. во время визита патриарха Алексия II на Алтай, здание бывшей Никольской церкви, в котором до конца 80-х гг. XX в. размещался клуб Барнаульского летного училища, было передано общине верующих города, после проведения реставрационных работ храму был возвращен изначальный вид.

В 1993 г. был поднят вопрос о возврате религиозным организациям имущества (в том числе зданий), которого они были лишены в годы советской власти. Президентом

Российской Федерации Б. Н. Ельциным подписывается распоряжение № 281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» от 23.04.93. В целях его выполнения главой администрации Алтайского края В. Ф. Райфикештом было утверждено постановление № 201 от 20 июня 1993 г. «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества». В нем была утверждена программа осуществления поэтапной передачи в собственность или использование религиозными организациями культовых зданий и строений. На территории Барнаула планировалось передать четыре объекта [Алтай, 1999: 446–448] (табл. 3).

Таблица 3

Программа поэтапной передачи культовых объектов края религиозным объединениям (Приложение к постановлению администрации края № 201 от 20.07.93)

№ п/п	Наименование и место расположения объекта строительства	Дата строительства	Использование	Условия	Порядок и сроки передачи
6.	Костел, памятник архитектуры местного значения, Барнаул	1909–1910 гг.	Аптека № 4	Римско-католическая община претендует на здание костела. Чтобы передать здание, необходимо решить перевод аптеки № 4	Во вторую очередь (1995–2000 гг.)
7.	Знаменская церковь, памятник архитектуры местного значения, Барнаул	1912 г.	Передана в пользование церкви в 1992 г.	Проводятся ремонтно-реставрационные работы Барнаульским благочинием	Ведутся ремонтно-реставрационные работы
8.	Крестовоздвиженская церковь, памятник архитектуры местного значения, Барнаул	1902 г.	Планетарий краевой организации общества «Знание»	В дальнейшем по-прежнему может быть использован как планетарий	В первую очередь 1995 г.
9.	Церковь Дмитрия Ростовского, памятник архитектуры республиканского значения, Барнаул	1833–1834 гг.	Общество инвалидов Центрального района	Барнаульское благочиние претендует на право пользования. Здание аварийное, требует ремонта и реставрации. Нужно государственное финансирование	Во вторую очередь (1995–2000 гг.) по требованию прихожан

Из данного перечня, согласно обозначенным датам, в срок были переданы Знаменская церковь и церковь Дмитрия Ростовского. Передача остальных объектов по разным причинам затянулась вплоть до 2010-х гг.

Передачи здания костела (см. рис. 9), несмотря на постановление администрации Алтайского края, католическая община Барнаула добивалась больше 25 лет. В январе 1996 г., уже при губернаторе Л. А. Коршунове, краевой центр «Наследие», распоряжавшийся памятниками культуры, отказал в передаче здания и вплоть до второго срока А. Б. Карлина, очередного главы региона, никаких решений по зданию не принималось. В 2013 г. губернатор подписал распоряжение, в соответствии с которым объект должен был передан католической общине не позднее 3 февраля 2018 г. Но осенью 2017 г. А. Б. Карлин отменил все решения и предложил депутатам АКЗС одобрить безвозмездную передачу здания Барнаулу, которое было принято депутатами. Губернатор пояс-

нил свое решение тем, что «об этом ходатайствует мэрия. И, к тому же, общественность просит не переносить аптеку в другое место» [Скалон, 2019a]. В августе 2019 г. в ходе очередного судебного разбирательства между представителями католической общины и городскими властями арбитражный суд утвердил мировое соглашение, согласно которому мэрия Барнаула передаст католикам здание на пр. Ленина, 44 в течение шести месяцев со дня вступления судебного решения в силу, что и было исполнено в декабре 2019 г. [Скалон, 2019b].

Рис. 9. Здание Римско-католического костела: 1 — фотография начала XX в. [Барнаул = Barnaul: фотоальбом, 2007: 44]; 2 — современный вид

Рис. 10. Планетарий в бывшем здании Крестовоздвиженской церкви, 60-е гг. XX в. [Все только начинается... История Барнаула]

Процесс передачи здания бывшей Крестовоздвиженской церкви в распоряжение РПЦ также затянулся на несколько десятилетий. Основной проблемой являлась судьба планетария, действующего с 1950-х гг. в здании этой церкви (см. рис. 10). В 2014 г. администрация города утвердила план мероприятий по передаче здания, в рамках которого должны были найти новое помещение для планетария до 1 июля 2018 г. В 2019 г. для переезда было предложено здание бывшего кинотеатра «Родина», после того как его освободит театр кукол «Сказка», временно разместившийся в нем на период реставрационно-строительных работ здания кукольного театра, которые должны были закончиться в 2020 г. [Перегудова, 2018].

Необходимо отметить, что, помимо передачи зданий, были сделаны попытки восстановления ряда объектов, которые были физически утрачены в советское время, на их исторических местах: часовня Александра Невского (2006 г.) на пр. Ленина, храм святого Иоанна Предтечи (2017 г.) в Нагорном парке. В 2011 г. администрация Барнаула также передала здание бывшего кинотеатра «Алтай» (которое к тому времени находилось в аварийном состоянии) Барнаульской епархии, на месте которого до 1939 г. располагалась Троицкая церковь. В настоящее время после сноса старой конструкции основные строительные работы по возведению нового храма были завершены.

На примере Барнаула отношение к зданиям, изначально принадлежавшим тем либо иным конфессиям, в советское время по большей части было утилитарным. В рамках проводимой антирелигиозной политики многие храмы были закрыты властями, а также по инициативе местных религиозных общин, не имеющих возможность в сложившихся условиях нести бремя содержания своих зданий. Случаи физического уничтожения построек в общей массе были невелики, они вызвались практической потребностью (новое строительство). Большая часть бывших храмов и церквей была перепрофилирована под разное хозяйственное назначение. Во второй половине XX в., после переосмысления необходимости сохранения и охраны объектов культурного наследия, в том числе после принятия Закона 1978 г., отношение к бывшим храмам, церквям и другим культовым строениям начало меняться, и уже с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. они стали включаться в перечень памятников истории и культуры. В постсоветское время начинается процесс возвращения церковной собственности. На сегодняшний день многие сохранившиеся культовые здания Барнаула были переданы как РПЦ, так и другим конфессиям и восстановлены ими. Тенденцией 2000-х гг. также стало восстановление ранее физически утраченных объектов с их воссозданием на прежнем месте, максимально приближено к оригинальному облику.

Благодарность

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РНФ по теме: «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1907 План Барнаула // Старые карты России и зарубежья. URL: http://www.retromap.ru/m/#141907_53.33677,83.782912 (дата обращения: 07.02.2020).

Алтай. Годы созидания. 1939–1999. 60 лет Алтайскому краевому Совету народных депутатов: сборник документов. Барнаул, 1999. 531 с.

Барнаул = Barnaul: фотоальбом. Барнаул, 2007. 183 с.

Все только начинается... История Барнаула в фотографиях. Барнаул, 2010. 148 с.

Дегтярев Д., Клепиков Е. Тайны кованых оград: об истории ажурных кованых ограждений нашего города // Культура Алтайского края. 2019. № 2. С. 42–43.

Дегтярев Д. С. Историческая микробиография Барнаула (вторая половина XIX — начало XX века). Барнаул, 2019. 216 с.

Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае: XVII — начало XX вв. Барнаул, 1997. 407 с.

Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917–1998 гг.). Барнаул, 1999. 382 с.

Долнаков А. П., Долнакова Е. А., Зотеева Л. А., Степанская Т. М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул, 1982. 160 с.

Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (дата обращения: 10.02.2020).

Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102010145&page=1&rdk=1#I0 (дата обращения: 10.02.2020).

К истории лютеранской церкви на Алтае // Евангелическо-лютеранская церковь на Алтае. URL: <https://www.altay-kirche.ru/> (дата обращения: 10.02.2020).

Кривоносов Я. Е., Скворцова Т. В. Православные храмы Барнаула (1751–2001 гг.). Барнаул, 2001. 175 с.

Перегудова Р. Исход Барнаульского планетария. Здесь 30 лет молились и 70 — изучали звезды // Политсиб.ру. URL: <https://politsib.ru/news/909-ishod-barnaulskogo-planetariya-zdes-30-let-molilis-i-70-izuchali-zvezdy> (дата обращения: 10.02.2020).

Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 2: XX в. Барнаул, 2015. 194 с.

Скалон Н. Католики получили шанс вернуть себе здание костела в центре Барнаула // Altapress.ru. URL: <https://altapress.ru/politika/story/u-barnaulskih-katolikov-poyavilsya-shans-vernut-sebe-zdanie-kostela-v-tsentre-goroda-236653> (дата обращения: 10.02.2020).

Скалон Н. Мэрия Барнаула вернет католикам бывший костел в центре города // Altapress.ru. URL: <https://altapress.ru/realty/story/meriya-barnaula-soglasilas-peredat-katolikam-zdanie-bivshego-kostela-v-tsentre-goroda-252049> (дата обращения: 10.02.2020).

Храм в руинах. Что осталось от Свято-Троицкой церкви, построенной в Барнауле сто лет назад // Altapress.ru. URL: <https://altapress.ru/zhizn/story/hram-v-ruinah-cto-ostalos-ot-svyato-troitskoy-tserkvi-postroennoy-v-barnaule-sto-let-nazad-87321> (дата обращения: 10.02.2020).

Храмы Алтайского края, находящиеся под угрозой исчезновения XVIII в. — XX в. // Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения. URL: <http://library.altspu.ru/redbook/monuments/3> (дата обращения: 10.02.2020).

Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX — начале XXI в. Барнаул, 2019. 268 с.

XX век. Барнаул в фотографиях. Собрание Веры Будянской. URL: <http://retro.moi-barnaul.ru/> (дата обращения: 10.02.2020).

REFERENCES

1907 Plan Barnaula [1907 plan of Barnaul]. URL: http://www.retromap.ru/m/#141907_53.33677,83.782912 (accessed February 07, 2020) (in Russian).

Altai. Gody sozidaniia. 1939–1999. 60 let Altaiskomu kraevomu Sovetu narodnykh deputatov. Sbornik dokumentov [Altai. Years of creation. 1939–1999. 60 years of the Altai regional Soviet of national's deputies. Collection of documents]. Barnaul, 1999. 531 s. (in Russian).

Barnaul = Barnaul: fotoal'bom [Barnaul = Barnaul: photo album]. Barnaul, 2007. 183 s. (in Russian).

Vse tol'ko nachinaetsia... Istorii Barnaula v fotografiakh [It's just beginning... The history of Barnaul in the photos]. Barnaul, 2010. 148 s. (in Russian).

Degtiarev D., Klepikov E. Tainy kovanykh ograd: ob istorii azhurnykhkovanykh ograzhdenii nashego goroda [Secrets of forged fences: about the history of openwork wrought iron fences of our city]. Kul'tura Altaiskogo kraia [The Altai region culture]. 2019, no 2. S. 42–43 (in Russian).

Degtiarev D. S. Istoricheskaia mikrobiografiia Barnaula (vtoraiapolovina XIX — nachalo XX veka) [Historical microbiography of Barnaul (the latter half of the XIX century — in the early XX century)]. Barnaul, 2019. 216 s. (in Russian).

Dokumenty po istorii tserkvei i veroispovedanii v Altaiskom krae: XVII — nachalo XX vv. [Documents on the history of churches and faiths in the Altai region: XVII — in the early XX century]. Barnaul, 1997. 407 s. (in Russian).

Dokumenty po istorii tserkvei i religioznykh ob'edinenii v Altaiskom krae (1917–1998 gg) [Documents on the history of churches and religious associations in the Altai region (1917–1998 years)]. Barnaul, 1999. 382 s. (in Russian).

Dolnakov A. P., Dolnakova E. A., Zoteeva L. A., Stepanskaia T. M. Pamiatniki arkhitektury Barnaula [Monuments of architecture of Barnaul]. Barnaul, 1982. 160 s. (in Russian).

Edinyi gosudarstvennyi reestr ob'ektov kul'turnogo nasledii (pamiatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii. [Unified state register of cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation] URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (accessed February 10, 2020) (in Russian).

Ob okhrane i ispol'zovanii pamiatnikov istorii i kul'tury: Zakon RSFSR ot 15 dekabria 1978 g. [Law of the RSFSR «On the protection and use of historical and cultural monuments' from December 15, 1978 year]. URL:

http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102010145&page=1&rdk=1#I0 (accessed February 10 2020) (in Russian).

Illiustratsii. Chast' II. K Istorii Liuteranskoi tserkvi na Altae [Illustrations. Part II. On the History of the Lutheran Church]. Available at: <https://www.altay-kirche.ru/> (accessed February 10, 2020) (in Russian).

Krivososov Ia. E., Skvortsova T. V. Pravoslavne khramy Barnaula (1751–2001 gg.) [The Orthodox churches of Barnaul (1751–2001 years)]. Barnaul, 2001. 175 s. (in Russian).

Peregudova R. Iskhod Barnaul'skogo planetariia. Zdes' 30 let molilis' i 70 — izuchali zvezdy [Exodus of the Barnaul planetarium. Here they prayed for 30 years and studied the stars for 70 years]. URL: <https://politsib.ru/news/909-ishod-barnaulskogo-planetariya-zdes-30-let-molilis-i-70-izuchali-zvezdy> (accessed February 10, 2020) (in Russian).

Religiozniy landschaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii. T. 2: XXh v. [Religious Landscape of the Western Siberia and Contiguous Territories of the Central Asia. — Volume II: XX century]. Barnaul, 2015. 194 s. (in Russian).

Skalon N. Katoliki poluchil ishans vernut' sebe zdanie kostela v tsentre Barnaula [Catholics got a chance to regain the Catholic church building in the center of Barnaul]. URL: <https://altapress.ru/politika/story/u-barnaulskih-katolikov-poyavilsya-shans-vernut-sebe-zdanie-kostela-v-tsentre-goroda-236653> (accessed February 10, 2020) (in Russian).

Skalon N. Meriia Barnaula vernet katolikam byvshii kostel v tsentre goroda [Barnaul city hall will return to Catholics the former Catholic Church in the city center]. URL: <https://altapress.ru/realty/story/meriya-barnaula-soglasilas-peredat-katolikam-zdanie-bivshego-kostela-v-tsentre-goroda-252049> (accessed February 10, 2020) (in Russian).

Khram v ruinakh. Chtoostalos' ot Sviato-Troitskoi tserkvi, postroennoi v Barnaulesto let nazad [The church is in ruins. What remains of the Holy Trinity Church built in Barnaul a hundred years ago]. URL: <https://altapress.ru/zhizn/story/hram-v-ruinah-chto-ostalos-ot-svyato-troitskoy-tserkvi-postroennoy-v-barnaule-sto-let-nazad-87321> (accessed February 10, 2020) (in Russian).

Khramy Altaiskogo kraia, nakhodiashchiesia pod ugrozoi ischeznoveniia XVIII v. — XX v. [Church of the Altai region that are under threat of extinction in the XVIII–XX centuries.]. URL: <http://library.altspu.ru/redbook/monuments/3> (accessed February 10, 2020) (in Russian).

Etnoreligioznye protsessy v transgranichnom prostranstve Zapadnoi Sibiri, Kazakhstana i Mongolii v kontekste gosudarstvennoi politiki v XX — nachale XXI v. Barnaul [Ethnoreligious processes in the cross-border space of Western Siberia, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy in the XX — the beginning of the XXI centuries], 2019. 268 s. (in Russian).

XX vek. Barnaul v fotografiakh. Sobranie Very Budianskoi [Of the XX century. Barnaul in the photos. Collection Very Budianskoi]. URL: <http://retro.moi-barnaul.ru/> (accessed February 10, 2020) (in Russian).

Цитирование статьи:

Ожиганов А. Н. Религиозные здания Барнаула в контексте изменений государственно-конфессиональной политики в XX — начале XXI в. // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 86–103.

Citation:

Ozhiganov A. N. Religious buildings in Barnaul in the context of changes in State and Confessional policy in the XX — the early XXI Century. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 86–103.

УДК 27

DOI: 10.14258/nreur(2020)2–08

Н. В. Чирков*Институт св. Фомы Аквинского (ИТА), Жилина (Словакия)*

ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАТТЕО РИЧЧИ В КИТАЕ

Рассматривается проблематика перевода и интерпретации фундаментальной богословской католической терминологии в лингвистическом аспекте инкультурации христианства. Католические миссионеры, руководствуясь стратегией инкультурации христианства, предпринимают попытки адаптации текстов Священного Писания, переводя их на разные языки в целях распространения христианского вероучения среди нехристианских народов. Автор обращается к задокументированным положениям, установленным в ходе реформ Второго Ватиканского собора и регламентирующим переводы Священного Писания, литургических и церковных текстов на языки нехристианских народов и культур. На примере миссионерской деятельности итальянского иезуита Маттео Риччи в Китае автор рассматривает особенности перевода и передачи смысла богословских понятий, не имевших аналогий в китайском языке. Для М. Риччи главной стратегией культурной аккомодации христианства в Китае стало изучение китайского языка, понимание семантического и культурного значения в целях перевода фундаментальных богословских понятий без утраты и деформации главного смысла христианского учения.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, инкультурация христианства, лингвистический аспект, евангелизация, миссионерская деятельность, стратегия, Второй Ватиканский собор, фундаментальная богословская терминология, Маттео Риччи, адаптация, перевод, интерпретация, локальные языки, китайский язык.

N. V. Chirkov

Institute of St. Tomas Aquinas (ITA), Žilina (Slovakia)

THE ISSUE OF TRANSLATION AND INTERPRETATION OF FUNDAMENTAL THEOLOGICAL TERMINOLOGY ON THE EXAMPLE OF MISSIONARY ACTIVITIES OF MATTEO RICCI IN CHINA

The article discusses the problems of translation and interpretation of fundamental theological terminology in the linguistic aspect of the Inculturation of Christianity. Catholic missionaries, guided by the strategy of Inculturation of Christianity, are trying to adapt the texts of the Holy Bible, translating them into various languages in order to spread Christian doctrine among non-Christian peoples. The author refers to the documented provisions established during the reforms of the Second Vatican Council and governing translations of the Holy Scriptures, liturgical and church texts into the languages of non-Christian peoples and cultures. Using the missionary work of Matteo Ricci in China as an example, the author examines the problems of translating and transmitting the meaning of theological concepts that have no analogies in the Chinese language. The main strategies of M. Ricci for the cultural accommodation of Christianity in China was the study of the Chinese language, understanding of semantic and cultural significance in order to translate fundamental theological concepts without losing or deforming the main meaning of Christian teaching.

Key words: Roman Catholic Church, Inculturation of Christianity, linguistic aspect, evangelization, missionary activity, strategy, the Second Vatican Council, fundamental theological terminology, Matteo Ricci, adaptation, translation, interpretation, local languages, Chinese language.

Чирков Николай Викторович, кандидат философских наук, религиовед, Институт св. Фомы Аквинского, Жилина (Словакия). Адрес для контактов: chirkovniko@gmail.com
Chirkov Nikolai Viktorovich, PhD, religion scholar. Institute of St. Tomas Aquinas, Žilina (Slovakia). Contact address: chirkovniko@gmail.com

В стратегии инкультурации христианства значительное место отводится процессам адаптации и перевода Священного Писания, церковной и вероучительной литературы на локальные языки, а также применению местных языков в богослужении. В переводах христианской вероучительной литературы миссионеры опираются на культурные парадигмы и прибегают к заимствованию понятийного аппарата локальной культуры и религиозных верований местных народов. В процессе перевода и его адаптации возникают проблемы интерпретации христианской терминологии в силу отсутствия во многих культурах эквивалентов, с помощью которых мис-

сионерам бы удалось без потери основного смысла передать существенные идеи христианского вероучения.

С момента окончания Второго Ватиканского собора католическая церковь, взявшая за основу принцип *аджорнаменто*¹, пытается найти новые стратегии евангелизации среди нехристианских народов. За последние два десятилетия в миссиологии Римско-католической церкви (РКЦ) были пересмотрены положения о переводах Священного Писания на локальные языки. Актуальной стала постановка вопроса изучения миссионерами локальных языков. Постепенно в университетах и формационных домах католических миссионерских конгрегаций, помимо преподавания языков, начали вводиться образовательные курсы по компаративной лингвистике, психологии языка (реже психолингвистике) и лингвокультурологии. Многие миссионерские конгрегации на своей базе создают научные центры², в которых осуществляется подготовка миссионеров и переводчиков Священного Писания, вероучительных и богослужебных книг с привлечением различных специалистов в области переводоведения.

Переводы Священного Писания, следовательно, и христианской терминологии прослеживаются на всем историческом пути развития миссионерской деятельности РКЦ. Об этом свидетельствуют записи и дневники первых миссионеров, отправившихся для совершения евангелизации в Китай, Индию, Японию, многие страны Африки и др. Миссионеры неизбежно сталкивались с проблемой адаптации переводов в целях лучшего донесения основных вероучительных идей нехристианским народам [Чирков, 2018б: 11–19]. Так или иначе, любой случай перевода должен был согласовываться с высшей церковной властью, чаще всего с Римской курией. Однако стоит отметить, что до проведения Второго Ватиканского собора практически отсутствовала не только четкая методология перевода, но и целый ряд положений, регламентирующих данный процесс. Речь идёт непосредственно о задокументированных положениях, которые появились в ходе реформ Второго Ватиканского собора. На Втором Ватиканском соборе было подтверждено положение РКЦ о необходимости осуществления переводов Библии и литургических текстов на местные языки в целях развития миссионерской деятельности церкви [Чирков, 2019: 118–128].

Кратко упомянем некоторые значимые документы, в которых отражены положения относительно переводческой деятельности Священного Писания и богослужебной литературы. Регламентация осуществления переводов Священного Писания на местные языки изложена в конституции «*Sacrosanctum Concilium*» [Sacrosanctum Concilium, 1966: 36.2: 30–31]. Результаты собора повлияли на создание специального института РКЦ, контролирующего переводы на соответствие вероучению и отсутствие положений, противоречащих официальной доктрине церкви. В настоящее время все перево-

¹ От *итал.* *aggiornamento* – обновление, усовершенствование, актуализация, отвечающая требованиям современности.

² Примером может служить синологический центр вербистов (SVD) в Германии: China-Zentrum e.V. (<http://www.china-zentrum.de/en/>), основанный в 1988 г. Целью данного центра является содействие диалогу и взаимному обмену между культурами и религиями на Западе и в Китае. Членами центра являются католические благотворительные организации, религиозные конгрегации и епархии Германии, Австрии, Швейцарии и Италии.

ды богослужебных текстов, молитв и песнопений контролируются местными епископами и Апостольским Престолом.

Далее стоит отметить догматическую конституцию «*Dei Verbum*»³, в которой говорится, что для миссионерского послания РКЦ необходимо развитие «уместных и точных переводов на различные языки» [*Dei Verbum*, 1965: VI. 22: 297]. Данную задачу РКЦ пытается реализовать в сотрудничестве с различными институтами переводов Библии, в которых компетентные специалисты, учитывая в процессе перевода особенности культуры и языка того или иного народа, стараются подготовить и предоставить в итоге продолжительной работы окончательный перевод, адаптированный для читателя.

Проблематика данной темы также упоминается в Апостольском обращении «*Evangelii nuntiandi*» римского папы Павла VI, в которой понтифик, указывая на генетическую связь с культурой и традициями локальных народов, подчёркивает важность адаптации и приспособления христианского лексикона к языковым реалиям этих народов. Понтифик замечает, что важной составляющей в процессе перевода и адаптации понятий и формулировок католической терминологии является не просто технический перевод на местные языки, а передача основополагающих истин посредством доступного языка [*Evangelii Nuntiandi*, 2005: 65]. В данном ключе само понятие «язык» должно восприниматься не столько в семантическом или литературном смысле, сколько в антропологическом и культурном [*Evangelii Nuntiandi*, 2005: 63].

Необходимо упомянуть Апостольское обращение «*Verbum Domini*»⁴ папы Бенедикта XVI, в котором он констатирует проблему отсутствия полноценных качественных переводов Священного Писания на национальные языки. Перевод Священного Писания, по мнению понтифика, является не просто технической задачей, где происходит переписывание оригинального текста в форму нового языка [*Verbum Domini*, 2011: 130]. Ссылаясь на положения Папской Библейской комиссии⁵, понтифик подчёркивает, что перевод Священного Писания и терминологии неизбежно влечёт за собой смену культурного контекста. Это выражено тем, что зачастую понятия не идентичны, а значение символов разнится, поскольку происходит процесс, в котором сталкиваются две отличные друг от друга культуры, с различными традициями интерпретации понятий, мышлением и семантикой⁶. В данном случае, по замечанию папы римского, инкультурацию Евангелия в целях его большей доступности, простоты и понимания для нехристианских народов нельзя подменить процессами поверхностной адаптации или синкретическим смешением, где возникает риск утраты оригинальности текстов Евангелия в процессе перевода [*Verbum Domini*, 2011: 129; *Ad Gentes*, 1965: 22: 384]. Понтифик заявляет, что данный вопрос является актуальным в наше время, требует надлежащего изучения и поиска способов его решения. Синод РКЦ видит главное решение данной проблемы в подготовке профессиональных специалистов в области перевода Библии

³ Лат. О Божественном откровении. 18 ноября 1965 г.

⁴ Лат. О Слове Божиим в жизни и миссии Церкви. Обнародовано в Риме 30 сентября 2010 г.

⁵ Лат. Pontificia Commissio Biblica — комитет кардиналов, отвечающих за сохранение традиции передачи и интерпретации Священного Писания в РКЦ.

⁶ Толкование Библии в Церкви. Папская Библейская комиссия. 15 апреля 1993 г.

на разные языки [Verbum Domini, 2011: 131]. Специалисты должны владеть как теоретическим, так и практическим знанием в лингвистических, теологических, философских, культурных, социальных и религиоведческих областях знания.

Одним из известных исторических примеров переводов и адаптации христианских молитв и текстов Священного Писания служит миссионерская деятельность святых Кирилла и Мефодия, осуществивших перевод текстов Священного Писания, необходимых для богослужения, на славянский язык. При переводе Евангелия с греческого языка на новый язык они опирались на изучение культуры тех народов, кому собирались в последующем проповедовать христианство [Judák, 2016: 13]. В энциклике «*Slavorum Apostoli*» папа Иоанн Павел II говорит, что миссионеры «поместили библейские понятия и категории греческого богословия, не искажая их, в контекст совсем иного исторического опыта и образа мыслей — это казалось необходимым условием успеха их миссионерской деятельности» [Slavorum Apostoli, 1985: VI]. Подобную практику понтифик именует новым методом распространения христианства, заключающимся в инкультурации христианства в новую культуру.

Примеров относительно проблематики переводов и интерпретации христианской терминологии много, и каждый случай является уникальным, поскольку касается конкретного локального языка. Описать большинство примеров в рамках одной статьи не представляется возможным. По этой причине с целью демонстрации проблематики перевода и интерпретации фундаментальной богословской терминологии в РКЦ мы обратимся к примеру переводческой деятельности как составной части культурной аккомодации христианства в Китае иезуитским миссионером М. Риччи.

Миссионерская деятельность итальянского иезуита Маттео Риччи (принял кит. имя 利瑪竇 (Lì Mǎdòu), *Ли Ма-доу*, 1552–1610) по адаптации католического вероучения для китайцев является историческим примером, результаты которой отражены в современном вокабуляре РКЦ в Китае. Из всех религиозных и философских течений Китая большое одобрение в работах М. Риччи получило конфуцианство и было признано в качестве доктрины, наиболее совместимой с католическим вероучением [Чирков, 2014: 113–124]. Иезуиты ориентировали свою миссию на проповедь католичества среди китайской чиновничьей элиты. Конфуцианство выступало в качестве связующего звена интеллектуального сближения с ней. М. Риччи стал именовать себя «западным Конфуцием» и акцентировал своё внимание на поисках возможных точек соприкосновения между католическим вероучением и конфуцианством [Ломанов, 2002: 82]. Первое, что предпринял миссионер, — овладел китайским языком для общения с китайцами на их родной речи [Xiping, 2009: 142–143]. Руководствуясь культурной аккомодацией в миссионерской деятельности среди китайцев, М. Риччи предпринял попытку объяснения некоторых основ католического вероучения через отдельные идеи конфуцианства.

Синтез католического вероучения и конфуцианских идей, изложенных в 論語 *Лунь Юй* (рус. Суждения и беседы), стал основой уникального памятника католической миссионерской литературы Китая конца XVI — начала XVIII в. — катехизиса, написанного в форме диалога между западными и китайскими философами и названного М. Риччи 天主实录, *Тяньчжу Шили* (рус. Подлинный смысл Небесного Господа) [Ломанов, 2002: 85].

Композиция текста *Тяньчжу Шии* стала итогом размышлений М. Риччи о путях и перспективах проповеди католичества в Китае¹.

Перед М. Риччи стояла сложная задача переводов многих библейских понятий на китайский язык. Отчасти решение данного вопроса он увидел в изучении философии и религиозных верований Китая. Детально рассмотрим перевод и интерпретацию слова «Бог» на китайский язык в католическом контексте. Для интерпретации фундаментальной богословской терминологии в обозначении христианского Бога он заимствовал некоторые понятия из китайского языка и его терминологии. Руководствуясь китайскими обычаями и культурными парадигмами конфуцианства, М. Риччи предложил использовать в качестве адекватного перевода слова «Бог» китайское понятие 上帝 Shàng-dì (*Шанди*, дословно: Господин неба)² и 天主 Tiānzhǔ (*Тяньчжу*) (Небесный владыка, Бог)³. Графема 上 shàng означает «верх, высший, вышестоящий, верховный, высочайший» и иероглиф 帝 dì означает «император, владыка, высшее существо» [БКРС]. Таким образом, в совокупности 上帝 Shàng-dì переводится как «Верховный император, верховный владыка Неба» и в китайском языке выражает понятие «Абсолюта» — вечной, неизменной и совершенной первоосновы всего существующего, т.е. Бога в христианской интерпретации [БКРС]. По сути, это обозначение божественного (трансцендентного) начала, перенятое М. Риччи из символики конфуцианской культуры [Xiaolin, 2005: 138]. Это явилось частью его стратегии в восприятии китайским народом католической веры: вместо навязанной идеи о Боге, принесенной миссионерами с запада, такой подход акцентировал внимание и указывал на идею общечеловеческих ценностей, которая отчасти постулировалась в трактатах Конфуция [Юань Цюань, 2019: 41]. Прежде всего речь идёт о китайской традиции уважения Неба, имеющей сильное религиозное и культурное значение в самосознании китайцев. Этимологически разобрав слова 天 tiān «небо» и 主 zhǔ «хозяин, владыка», М. Риччи ясно осознавал, что слово «небо» является важной составляющей мировосприятия китайского народа. Руководствуясь стратегией культурной аккомодации, М. Риччи пытался приспособить обозначение христианского Бога для китайцев, именуюя Его «Небом и хозяином Неба» [Küng, Ching, 1999: 107–108]. В китайском языке иероглиф 天 tiān — «небо» состоит из двух элементов (ключей): — 一 yī, обозначающего «один, единица» и 大 dà, обозначающего «большой, великий», что в совокупности значит «Небо» (дословно — «Великое одно») [БКРС]. Данное обозначение закрепилось в переводах фундаментальных богословских терминов РКЦ и стало активно использоваться в евангелизации католическими миссионерами.

Согласно постановлению римского папы Клементя XI от 1704 г. (которое в 1715 г. было усилено его буллой *Ex illa die*), было установлено использование двух выше упомянутых понятий в контексте христианства. Официально разрешённым стало понятие 天主 Tiānzhǔ «Господь Неба» [Sakmárová, 2012: 56]. Именно с этого понятия возникло

¹ В данной работе М. Риччи целенаправленно попытался соединить идею христианского воспитания с конфуцианской идеей о моральном совершенствовании. Катехизис *Тяньчжу Шии* выступает ключевым документом культурной аккомодации и межкультурного диалога, развиваемого иезуитами в Китае.

² На русский язык возможны переводы: бог, божество, небеса, верховный владыка Неба, небесный отец. См.: [大俄汉词典 — 修订版 北京: 商务印书馆, 2001].

³ В наше время данный перевод чаще всего встречается в канонах Римско-католической церкви.

китайское обозначение католицизма 天主教 tiānzhǔ jiāo, что дословно обозначает «религию (вероучение) Небесного Господа». Данное понятие прочно закрепилось в переводах и используется по сей день.

Другим ярким примером проблематики перевода и интерпретации фундаментальной богословской терминологии является перевод понятия «Троица» на китайский язык. На основе естественной теологии, которая рассматривает вопросы абсолютного бытия Бога и Его атрибуты, М. Риччи попытался истолковать фундаментальные идеи католичества. В своей переводческой деятельности он использовал рациональные аргументы, объясняя китайцам концепции трёх ипостасей Святой Троицы, равных между собой, воплощения Бога в своём сыне — Иисусе Христе, Его телесного вознесения на небо после крестной смерти [Чирков, 2019: 126–127]. Интересным представляется перевод обозначения атрибута единственности Бога (монотеистический тезис, постулируемый в Символе веры). В китайском переводе данное выражение им было переведено как 一體 yītǐ, т. е. «одна сущность, одно (всё) тело, единый, на равных основаниях», т. е. Единый Бог, явленный в трёх ипостасях (на равных основаниях) [БКРС]. Далее, определение атрибута всемогущества Бога (Всемогуший) было переведено как 全能 quánnéng «всесильный, всемогуший», где графема 全 quán также указывает на совершенство и обозначает приставку все-, весь-, а иероглиф 能 néng выражает мощь, силу, способность [Иванов]. В современных католических переводах используется фраза 無所不能 wúsuǒbùnéng, что как раз передает значение латинского слова *omnipotent* — Всемогуший [БКРС]. Для китайцев изначально было тяжело понять католическое вероучение, особенно учение о Святой Троице. Поэтому определение из Символа Веры — «Три ипостасный или явленный в трёх Лицах» — было несколько упрощено для восприятия китайским народом и переведено как 一含三位 Yīhán sānwèi, что дословно обозначает «Единый телом, но обладающий Тремя Личностями» [БКРС].

Имя Иисуса Христа в переводе на китайский язык также заслуживает особого внимания. Иисус Христос — имя собственное, которое нужно рассматривать в качестве главного маркера христианства. Имя Иисуса на китайский язык было переведено М. Риччи как 耶穌 基利斯督 Yēsū Jīlìsīdù [Готлиб, Доркина, 2014: 837]. Слово 耶穌 Yēsū по сути является переводом с греческой формы еврейского слова Иешуа (ивр. יֵשׁוּעַ), что значит «Помощь Иеговы, Спаситель». Если разобрать слово на составляющие морфемы, то получается, что первый иероглиф 耶 yē означает «отец, батюшка», а второй иероглиф 穌 sū означает «оживать, воскресать». В дальнейшем в китайском католическом лексиконе закрепилось сочетание иероглифов, предложенных М. Риччи: 耶穌 基利斯督 Yēsū Jīlìsīdù (итал. Jesu Christo), которое используется по сегодняшний день [Готлиб, Доркина, 2014: 837]. Что интересно, данный перевод также повлиял на перевод слова «христианство», которое в китайском языке стало обозначаться как 耶穌教 yēsūjiào — «Вероучение Иисуса Христа».

Обратимся к последней ипостаси Святой Троицы — Святому Духу. На китайский язык это понятие было переведено как 圣灵 Shènglíng [Иванов]. М. Риччи старался максимально приблизить значение данной ипостаси к китайской реальности, следует признать, что именно это вызвало большинство разногласий и споров. При переводе миссионер столкнулся с проблемой интерпретации понятия Святого Духа как Бога

Святого Духа и его отличия от Бога Отца. Изучив китайский язык и освоив религиозные составляющие китайской культуры, он предложил использовать сочетание иероглифов 圣灵 Shènglíng, где иероглиф 圣 shèng означает «совершенный, мудрый, превосходный святой, божественный», а иероглиф 灵 líng значит «душа, дух, жизнь, высшая сила» [БКРС].

Христианская Троица (Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух) — 圣父 Shèngfù, 圣子 Shèngzǐ (также переводится как «Сын Неба, Сын императора»), 圣灵 Shènglíng — в интерпретации М. Риччи обозначалась фразой 三位一體 Sānwèi yītǐ [Ломанов, 2002: 86]. Декомпозиция фразы указывает на сложение из четырех иероглифов: 三 sān — «три»; 位 wèi — «позиция, лицо, особа, ипостась». В сочетании они обозначают слово «трёхпозиционный» («три ипостаси»). Слово 一體 yītǐ обозначает одно «тело, одно целое, все как один, единство на равных основаниях, сущность, субстанция» [БКРС]. Если исходить из этого, то дословно фраза 三位一體 Sānwèi yītǐ переводится как «три лица в одном теле; три в одном; триединый; выступать в трёх ролях) и, согласно христианскому контексту, выражает одну из важных основ — вероучение о Святой Троице [Иванов]. Данное обозначение также было признано наиболее соответствующим терминологическому аппарату РКЦ, используется в католическом китайском лексиконе вплоть до настоящего времени.

Наконец обратимся ещё к одному примеру перевода и интерпретации фундаментального богословского термина на китайский язык. Евхаристия как главное таинство в католической церкви образует центральную идею католического вероучения; по этой причине католическим миссионерам было особенно важно донести главную идею без утраты смысла. Данный вопрос также вызывал множество споров. В католических переводах слова *Евхаристия*, *Святое Причастие*, *Вечеря Господня* и *причащение* звучат как 圣餐礼 Shèngcānlǐ [Иванов]. В декомпозиции фразы возникают самостоятельные графемы: 圣 shèng — «мудрец, великий мастер». Также данная графема имеет религиозное значение, передавая уважительное обращение к почитаемому объекту и означая «выдающийся, добродетельный». За ней следует иероглиф 餐 cān, обозначающий «еда, пища», а в качестве глагола он передает значение «есть, кушать». Последний иероглиф 礼 lǐ (переводится как имя существительное: «этикет, приличие, вежливость»; «обряд, церемония, торжество, ритуал»; «подношение, подарок; угощение»). Также 礼 lǐ переводится в качестве глагола: «принимать, угощать, поклоняться (кому-либо), чествовать (кого-либо)» [БКРС]. Католическими миссионерами было использовано сочетание иероглифов 圣 shèng и 餐 cān для обозначения Причастия, причащения в значении религиозного обряда католической церкви. Для обозначения Евхаристии в значении таинства католической церкви было установлено использование слова 圣餐礼 Shèngcānlǐ, что дословно означает «священный обряд поклонения (телу Христа)» [Иванов]. Миссионерами было переведено и адаптировано выражение 圣体 shèngtǐ, где графема 体 tǐ означает «тело, плоть, субстанция, сущность», указывая тем самым на главный смысл материальной формы (гостия (хлеб), используемая в богослужении РКЦ и посредством евхаристической молитвы пресуществляющаяся в мистическое тело Христа). В современных католических переводах сохранился данный вариант, так как в нем делается акцент именно на тело как видимую субстанцию. Следу-

ет отметить, что в устаревшей форме в китайском конфуцианском лексиконе данное словосочетание обозначало особу императора, священную персону. В рамках инкультурации христианства посредством данного понятия миссионерами было интерпретировано тело Христово как мистическое тело Бога Сына; в китайской интерпретации — Сына Владыки Небес [Xiaolin, 2005: 103].

Подобные примеры перевода на китайский язык, ассимиляции и интерпретации исчисляются десятками, мы же в рамках данной статьи ограничились лишь вышеприведенными в целях демонстрации проблематики рассматриваемого вопроса.

Деятельность в области перевода христианской терминологии на китайский язык, начатая М. Риччи, в последующем была развита католическими, православными и протестантскими миссионерами. Стоит отметить, что за последние триста лет китайский язык претерпел изменения, которые также отразились на переводческой деятельности миссионеров. В процессе перевода фундаментальной богословской терминологии на китайский язык миссионеры неизбежно сталкивались с проблемой передачи смысла богословских понятий, не имевших аналогий в китайском языке. В католических переводах прочно закрепились многие варианты, предложенные М. Риччи и первыми иезуитскими миссионерами, сопричастными к формированию устойчивого католического вокабуляра, отчасти повлиявшего на переводческую деятельность православных и протестантских миссионеров в Китае. Последователи М. Риччи считали, что целесообразно использовать традиционный китайский словарь философских понятий, дополняя переводы своими комментариями и разъяснениями нового словоупотребления.

После смерти М. Риччи проблема перевода и интерпретации христианских понятий продолжительное время оставалась открытой для дискуссии. Некоторые католические (доминиканцы, францисканцы), а также православные миссионеры полагали, что следует избегать употребления традиционного китайского лексикона, поскольку это ведёт к «конфуционизации» Священного Писания, сводящегося к описательно-истолковательному переводу Библии, что в результате приводит к естественному искажению первоначального смысла, возникновению неточностей, что в свою очередь не отвечает изначальным задачам евангелизации [Küng, Ching, 1999: 113]. Такова была позиция доминиканцев, считавших, что следует нести Евангелие в так называемом чистом виде. Совершенно справедливо возникал вопрос: возможно ли это? Возможно ли донести народам нехристианских культур Евангелие, не принимая во внимание культурный контекст того или иного народа? В рассматриваемом историческом примере ответ представляется отрицательным. В деятельности первых католических миссионеров по переводу фундаментальной богословской терминологии РКЦ на китайский язык специфика лингвистического аспекта в инкультурации христианства заключалась прежде всего в изучении китайского языка, конфуцианской культуры, философии и ритуалов, и лишь в последующей проповеди на китайском. Справедливо отметить, что у миссионеров не было другого выбора — они столкнулись с чуждой им культурой, в языке которой отсутствовали необходимые эквиваленты для точного «чистого» перевода. Проблема переводов в Китае, имевшая спорный и неоднозначный характер, выражалась в определении границ перевода, т.е. степени возможности точного перевода без утраты смысла. Для М. Риччи как для «первопроходца» — одного из первых европейских

«синологов» — данная задача стала первой попыткой выполнить перевод, отвечающий задачам евангелизации. Говоря иными словами, он видел вызов миссии в изучении китайского языка, понимания семантического и культурного значения в целях перевода фундаментальных богословских понятий без утраты и искажения смысла христианского учения. Безусловно, миссионерская деятельность М. Риччи и его стратегия культурной аккомодации, в частности, перевода католического понятийного аппарата, заложила прочный фундамент для распространения католицизма в Китае.

Известно, что перевод Священного Писания на разные языки для современных богословов и лингвистов является крайне сложным и дискуссионным вопросом. Для адекватного перевода богословской и литургической литературы на национальные языки требуется компетентная подготовка как в языковом, так и в культурном плане. Без учёта семантики и прагматики языка перевода невозможно транслировать текст из одной культуры в другую без существенных потерь, деформаций исходного смысла и конфликта с языковым сознанием тех, для кого перевод предназначен. Особенное значение эти обстоятельства имеют, когда дело касается религиозных текстов, в которых недостатки перевода могут выступать причиной межрелигиозной конфронтации. С церковной позиции перевод и интерпретация фундаментальной богословской терминологии открывает ещё одно проблематическое поле в вопросе эквивалентности перевода, в котором, помимо языковых, культурных, философских и стилистических аспектов, присутствует проблема святости религиозных текстов и понятий.

Лингвистический аспект инкультурации христианства в миссионерской деятельности РКЦ является обширной темой, которая требует обстоятельного изучения с позиции религиоведческой и лингвистической компаративистики. Переводческая деятельность в области фундаментальной богословской терминологии сталкивается с разнообразным количеством богословских, культурологических и текстологических проблем. Каждый случай перевода и интерпретации христианской терминологии на национальные языки является уникальным, потому как в процесс перевода вступает культурная и религиозная составляющая конкретного народа, в жизнеустройстве которого осуществляется инкультурация христианства. Проблема интерпретации текстов Священного Писания, вероучительной и богослужебной литературы в контексте лингвистических и культурно-языковых различий способствует детальному пониманию сущности и важности терминологического аппарата, используемого католическими миссионерами в целях евангелизации народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

БРКС — Большой русско-китайский словарь: испр. изд. Пекин : Коммерческое изд-во, 2001. 2857 с. (大俄汉词典 — 修订版 北京: 商务印书馆, 2001).

БКРС — Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 05.01.2020).

Готлиб О. М., Доркина Ю. В. О переводе библеизмов на китайский язык и их этнокультурной адаптации // Общество и государство в Китае. М. : ИВ РАН, 2014. Т. XLIV, ч. 2. С. 836–841.

Иванов П. Православные катехизисы на китайском языке. К проблеме составления православного миссионерского русско-китайского словаря // *Orthodox.cn*. URL: http://http://www.orthodox.cn/localchurch/200112pivanov_ru.htm/ (дата обращения: 13.01.2020).

Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М. : Восточная литература, 2002. 446 с.

Чирков Н. В. Инкультурация христианства в контексте межкультурного и межрелигиозного диалога Римско-католической церкви // *Религиоведение*. 2018. № 1. С. 144–155.

Чирков Н. В. Инкультурация христианства в этнические традиции народов в миссионерской деятельности Римско-католической церкви : дис. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2019. 224 с.

Чирков Н. В. Межрелигиозный диалог и опыт культурной аккомодации католичества Маттео Риччи в Китае // *Религиоведение*. 2014. № 1. С. 113–124.

Чирков Н. В. Развитие концепции взаимосвязи инкультурации христианства и культуры нехристианских народов в послесоборный период РКЦ // *Религиоведение*. 2018. № 3. С. 11–19.

Юань Цюань. Религиозно-политические отношения между КНР и Ватиканом — Святым Престолом (1949–1917) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 223 с.

Ad Gentes. II Ватиканский Собор. Декрет о миссионерской деятельности Церкви. 1965.

Dei Verbum. Dogmatic Constitution on Divine Revelation. Second Vatican Council. 1965.

Evangelii Nuntiandi. Апостольское обращение Его Святейшества Папы Павла VI об евангелизации современного мира. М. : Изд-во Францисканцев, 2002.

Judák V. Boží priatelia: Slovenské martyrologium. Trnava : Spolok svätého Vojtecha, 2016. P. 13.

Küng H., Ching J. Křesťanství a náboženství Číny. Vyšehrad, 1999. 286 p.

Sacrosanctum Concilium. Constitution on the Sacred Liturgy. Second Vatican Council. Vatican City, 1963 (in English).

Sakmárová D. Činnosť kresťanských misií v Číne, 1860–1900. Bakalárska práca. Praha : Univerzita Karlova v Praze, 2012. 56 p.

Slavorum Apostoli. Энциклика Его Святейшества Папы Римского Иоанна Павла II, в память о заслугах святых благовестников Кирилла и Мефодия. Одиннадцать веков спустя. Libreria Editrice Vaticana, 1985. VI.

Verbum Domini. Послесинопальное Апостольское обращение Святейшего Отца Бенедикта XVI епископату, духовенству, лицам, посвященным Богу и верным мирянам о слове Божиим в жизни и миссии Церкви. М. : Изд-во Францисканцев, 2011.

Tailiang Zhou and Hui Li. Catholic Church in China, trans. Zhou Tailiang. Beijing : China Intercontinental Press, 2005.

Xiaolin Zhang. 天主實義與中國學統: 文化互動與詮釋 (Tianzhu shiyi yu Zhongguo xuetong: wenhua hudong yu quanshi). 張曉林: 學林 Shanghai : Xuelin, 2005. 383 p.

Xiping Zhang. Following the Steps of Matteo Ricci to China. Translated by Ding Deshu & Ye Jinping. Beijing : China Intercontinental Press. 2009. 174 p.

REFERENCES

- Bol'shoy russko-kitayskiy slovar': Ispr. izd. [The Great Russian-Chinese Dictionary. A revised edition]. Beijing: Commercial Press, 2001. 2857 s. (in Russian).
- Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' [The Great Chinese-Russian Dictionary]. URL: <https://bkrs.info> (accessed: January 5, 2020).
- Gotlib O. M., Dorkina Yu. V. O perevode bibleizmov na kitaiskii iazyk i ikh etnokul'turnoi adaptatsii [Some aspects of the translation of the Bible terms into Chinese and principles of their ethno-cultural adaptation]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Vol. XLIV, part II. Moscow : IV RAN, 2014. S. 836–841 (in Russian).
- Ivanov P. Pravoslavnye katekhizisy na kitaiskom iazyke. K probleme sostavleniia pravoslavnogo missionerskogo russko-kitaiskogo slovaria [Orthodox catechisms in Chinese. To the problem of compiling an Orthodox missionary Russian-Chinese dictionary]. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/200112pivanov_ru.htm/ (accessed: January 13, 2020) (in Russian).
- Lomanov A. V. *Khristianstvo i kitayskaya kul'tura* [Christianity and Chinese culture]. M. : Vost. lit., 2002. S. 446 (in Russian).
- Chirkov N. V. *Inkul'turatsiia khristianstva v kontekste mezhkul'turnogo i mezhreligioznogo dialoga Rimsko-katolicheskoi tserkvi* [The Inculturation of Christianity in the Context of Intercultural and Interreligious Dialogues of the Roman Catholic Church]. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2018, no. 1. S. 144–155 (in Russian).
- Chirkov N. V. *Inkul'turatsiia khristianstva v etnicheskie traditsii narodov v missionerskoi deiatel'nosti Rimsko-katolicheskoi tserkvi. Diss. kand. filosof. nauk* [The Inculturation of Christianity into the ethnic traditions of nations in the missionary activity of the Roman catholic church. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Blagoveshchensk, 2019. 224 s. (in Russian).
- Chirkov N. V. *Mezhreligiozni dialog i opyt kul'turnoi akkomodatsii katolichestva Matteo Richchi v Kitae* [Interreligious dialogue and cultural accommodation of Catholicism in China by Matteo Ricci] *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2014, no. 1. S. 113–124 (in Russian).
- Chirkov N. V. *Razvitie kontseptsii vzaimosviasi inkul'turatsii khristianstva i kul'tury nekhristianskikh narodov v poslesobornyi period RKTs* [Development of the concept of the relationship between inculturation of Christianity and culture of non-Christian nations in the post-synodal period the Roman Catholic Church] *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2018, No. 3. S. 11–19 (in Russian).
- Yuan Quan. *Religiozno-politicheskie otnosheniia mezhdu KNR i Vatikanom — Sviatym Prestolom (1949–1917). Dissertatsiia kand. ist. nauk* [Religious-political relations between the People's Republic of China and the Vatican — the Holy See (1949–1917). Ph. D. Thesis in History]. Moscow, 2019. 223 s. (in Russian).
- Ad Gentes. *Dekret o missionerskoy deyatelnosti Tserkvi, II Vatikanskiy Vselenskiy Sobor* [Ad Gentes. Decree om the Missionary Activity of the Church]. 1965 (in Russian).
- Dei Verbum. Dogmatic Constitution on Divine Revelation. Second Vatican Council. 1965. 297 p.
- Evangelii Nuntiandi. *Apostolskoe obraschenie Pavla VI ob evangelizatsii sovremennogo mira* [Evangelii Nuntiandi. Apostolic Exhortation by Pope Paul VI on the evangelization of the modern world]. Moscow : Izdatel'stvo Frantsiskantsev, 2002 (in Russian).

Judák V. The God's Friends: Slovak Martyrologium [Boží priatelia: Slovenské martyrologium]. Trnava : Spolok svätého Vojtecha, 2016. P. 13 (in Slovakian).

Küng H., Ching J. Christianity and religion of China [Křesťanství a náboženství Číny]. Vyšehrad, 1999, 286 p. (in Czech).

Sacrosanctum Concilium. Constitution on the Sacred Liturgy. Second Vatican Council. Vatican City, 1963 (in English).

Sakmárová D. Activity of Christian missions in China, 1860–1900. Bachelor thesis [Činnosť kresťanských misií v Číne, 1860–1900. Bakalárska práca]. Praha : Univerzita Karlova v Praze, 2012. 56 p. (in Slovakian).

Slavorum Apostoli. *Enciklika Ego Svjatejšhestva Papy Rimskogo Ioanna Pavla II, v pamjat' o zaslugah svjatyh blagovestnikov Kirilla i Mefodija. Odinnadcat' vekov spustja* [The Apostles of the Slavs. Encyclical by Pope John Paul II in commemoration of the eleventh centenary of the evangelizing work of the Cyril and Methodius]. Liberia Editrice Vaticana. Moskva: Izd-vo Frantsiskantsev, 2010 (in Russian).

Verbum Domini. *Poslesinodalnoe Apostolskoe obraschenie Svyateyshego Ottsa Benedikta XVI* [Verbum Domini. Post-synodal apostolic exhortation by Pope Benedict XVI]. Moskva : Izdatelstvo Frantsiskantsev, 2011 (in Russian).

Tailiang Zhou and Hui Li. Catholic Church in China, trans. Zhou Tailiang. Beijing : China Intercontinental Press, 2005.

Xiaolin Zhang. Catechism (Tianzhu shiyi) and the Chinese sholl system> cultural ineration and interpretation [天主實義與中國學統: 文化互動與詮釋 Tianzhu shiyi yu Zhongguo xuetong: wenhua hudong yu quanshi]. Shanghai: Xuelin, 2005. 383 p (in Chinese).

Xiping Zhang. Following the Steps of Matteo Ricci to China. Translated by Ding Deshu & Ye Jinping. Beijing: China Intercontinental Press. 2009. 174 p.

Цитирование статьи:

Чирков Н. В. Проблематика перевода и интерпретации фундаментальной богословской терминологии на примере миссионерской деятельности Маттео Риччи в Китае // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 104–116.

Citation:

Chirkov N. V. The issue of translation and interpretation of fundamental theological terminology on the example of missionary activities of Matteo Ricci in China. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 104–116.

УДК 93

DOI: 10.14258/nreur(2020)2–09

Н. В. Дикова*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

РОЛЬ АРХИЕРЕЕВ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ОМСКОЙ ЕПАРХИИ И ОСНОВНЫЕ ИТОГИ АРХИЕРЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Анализируются основные итоги архиерейского управления Омской епархии с периода образования епархии в 1895 г. и вплоть до начала 1917 г. Русская православная церковь в Российской империи являлась основным политическим институтом государства, ей отводилась основная роль в системе духовного управления регионом и реализации политики русификации. В связи с этим становятся актуальными исследования основных направлений деятельности Омской епархии и ее правящей верхушки — архиереев.

Представлены основные итоги работы восьми правящих архиереев Омской епархии в условиях ее институционального становления. Были выделены два периода развития епархии. Первый период обусловлен становлением епархиальной структуры, благодаря чему были сформированы основные епархиальные органы управления, второй период — упорядочиванием церковной жизни епархии, в котором были окончательно сформированы и укомплектованы все органы епархии. Оба периода характеризуются сложностью социально-экономических и политических процессов в регионе, обусловленных кризисом самодержавия и недостаточностью финансирования епархии, нерешенным кадровым вопросом, а также сложной этноконфессиональной ситуацией. Целью данной статьи является попытка анализа деятельности правящих архиереев и определение их роли в проведении государственно-конфессиональной политики, становлении и развитии Омской епархии.

Ключевые слова: Русская православная церковь, епархия, архиерей, викариатство, приход.

N. V. Dikova

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE ROLE OF HIGH PRIESTS IN THE INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE OMSK EPARCHY AND THE MAIN RESULTS OF HIGH PRIEST'S ADMINISTRATION

In the presented article, the author analyzes the main results of the bishopric administration of the Omsk diocese, from the time the diocese was formed in 1895 until the start of the revolution in 1917. The Russian Orthodox Church in the Russian Empire was the main political institution of the state, it was given the main role in the system of spiritual governance of the region and implementation of the Russification policy. In this regard, it becomes relevant to study the main activities of the Omsk diocese and its ruling elite — the bishops.

The article presents the main results of the work of the ruling eight bishops of the Omsk diocese in the context of the institutional formation of the diocese. Two periods of the development of the diocese were distinguished. The first period is determined by the formation of the diocesan structure, due to which the main diocesan authorities were formed. The second period was the streamlining of the church life of the diocese, in which all the organs of the diocese were finally formed and staffed. Both periods are characterized by the complexity of the socio-economic and political processes in the region, caused by the crisis of autocracy and insufficient funding of the diocese, unresolved personnel issues, as well as a difficult ethno-confessional situation. The purpose of this article is an attempt to analyze the activities of the ruling bishops and determine their role in the conduct of state-confessional policy, the formation and development of the Omsk diocese.

Keywords: Russian Orthodox Church, eparchy, high priests, vicariate, parish.

Дикова Нина Викторовна, старший преподаватель кафедры востоковедения, аспирант направления «Отечественная история» Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: skurikhina-gratis@yandex.ru.

Dikova Nina Viktorovna, Senior Lecturer, Oriental department, Post-graduate student of the direction "History" Altai State University, Barnaul (Russia). Contact address: skurikhina-gratis@yandex.ru.

Решение об открытии Омской епархии было принято в 1885 г. в Иркутске на Соборе сибирских архипастырей. Решение мотивировалось рядом причин, таких как начавшаяся массовая крестьянская колонизация Степного края, как следствие, резкий рост численности новых населенных пунктов и приходов; большой процент казахов-мусульман, сектантов и раскольников в регионе и связанная с этим необходимость организации миссионерской работы среди них. Немаловажным фактором, послужившим основанием для создания новой епархии на юге Западной Сибири, вы-

ступила значительная географическая протяженность региона. Тобольская и Томская епархии, существовавшие на тот момент, не имели возможности из-за отсутствия развитой системы транспортных коммуникаций распространять свою работу на столь отдаленные вновь открываемые приходы.

Омская епархия была учреждена в 1895 г. указом Святейшего Синода. Большая часть ее территории охватывала Акмолинскую и Семипалатинскую области Степного генерал-губернаторства. На рубеже XIX–XX вв. в данном этнорегионе Российской империи происходили существенные трансформации в социально-экономической и политической сферах, связанных с его интеграцией в общеимперское пространство [Лысенко, 2011: 18]. Очевидно, что институционализация Омской епархии была привязана к динамике социальных процессов, происходивших в Степном крае. Кроме этого, с открытием новой церковно-административной единицы связывались надежды Русской православной церкви на положительное разрешение проблем, связанных с удовлетворением религиозных нужд переселенцев и борьбой со старообрядчеством, сектантством и исламом. Огромное значение при этом придавалось должности правящего архиерея, который, по сути, должен был задавать вектор развития епархии и нести ответственность за принятие управленческих решений.

В современной отечественной историографии достаточно подробно представлен анализ социально-политических процессов, происходивших в Степном крае на рубеже XIX–XX вв., на фоне которых разворачивалось строительство Омской епархии. Целый ряд работ А. В. Ремнева посвящен истории имперского управления азиатских окраин Российской империи, вопросам взаимодействия центра и периферии, административным реформам, направленным на унификацию и централизацию системы управления в общеимперских масштабах [Ремнев, 2001]. Динамике социально-политических процессов и общественному движению в Степном крае в период революционных потрясений начала XX в. накануне революции 1917 г. посвящены исследования Р. С. Буктугutowой, которая характеризует в своих работах деятельность политических партий в регионе, роль и место народно-освободительной борьбы коренного населения Степного края и т. д. [Буктугutowa, 2007]. Существенно дополняют данное направление историографии исследования Ю. А. Лысенко, посвященные анализу политики Российской империи в отношении казахского кочевого сообщества и его интеграции в общероссийское мусульманское движение [Лысенко, 2016: 101–108]. Роль Омской епархии в социально-политических процессах, имевших место в Степном крае на рубеже XIX–XX вв., организация епархиальной жизни накануне революционных потрясений 1917 г. представлены в исследованиях В. А. Суховецкого [Суховецкий, 2017].

История Омской епархии достаточно детально представлена в современной историографии. Ученые уделяют внимание процессам ее институционального развития, церковно-приходского, миссионерского, монастырского строительства, кадровым вопросам и проблемам взаимодействия священнослужителей с прихожанами [Лысенко, 2011; Ткачев, 2019; Овчинников, 2011; Васильева, 2015; Батурина, 1999; Блинова, 2010].

Отдельным направлением историографии следует считать исследования, посвященные деятельности епископов Омской епархии с момента ее образования до 1917 г. Так, работы С. В. Голубцова посвящены начальному этапу истории Омской епархии

и связанному с ним епископу Григорию (Полетаеву), возглавлявшему Омскую кафедру в 1895–1900 гг. [Голубцов, 2008]. В исследованиях В. Л. Данилова и М. С. Пингина анализируется период руководства Омской епархией епископа Гавриила (Голосова) [Данилов, Пингин, 2016]. Акцент в данных работах делается на общественно-политическую деятельность Гавриила, которую он осуществлял в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.

В целом историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что несмотря на разработанность многих аспектов истории Омской епархии, всестороннего системного анализа деятельности всех ее епископов в контексте социально-политических процессов Российской империи не проводилось.

Материалы и методы исследования. Для изучения истории архиерейского управления Омской епархией в контексте социально-политических процессов Российской империи было привлечено значительное количество источников. Основными из них являются делопроизводственные материалы, к числу которых относятся ежегодные епархиальные отчеты епископов Омской епархии Священному Синоду. В них достаточно детально представлен анализ развития епархии за отчетный год, деятельность тех или иных органов епархиального управления, структурных подразделений, а также итоги их деятельности. Существенно дополняют данную информацию отчеты благочинных о состоянии вверенных им благочиний, направлявшиеся в Омскую консисторию.

Дополняют делопроизводственную документацию источники справочного характера. К их числу относятся работы служителей Омской епархии, подготовленные в начале XX в., в частности ключаря Омского кафедрального собора, священника К. Ф. Скальского «Омская епархия: Опыт географического и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии» (1900 г.) и священника, благочинного И. Голошубина «Справочная книга Омской епархии» (1914 г.). Данные труды содержат большой статистический и биографический материал о служителях епархий и действовавших в них приходах и благочиннических округах, дают краткие природно-географические описания и характеристики национально-религиозного состава населения, проживавшего на территории епархии [Скальский, 1900; Голошубин, 1914].

Ценным источником по истории архиерейского служения в Омской епархии является церковное периодическое издание «Омские епархиальные ведомости», издававшееся с 1896 по 1917 г. Ведомости представляют собой комплексный источник, содержащий биографические сведения, нормативно-правовую информацию, тексты мемуарного характера, результаты литературного творчества, агитационные, просветительские и рекламные материалы. Источник позволяет получить обширные статистические сведения о перемещениях духовенства в пределах Западной Сибири, наградах, наказаниях, порядке замещения должностей, смертности, материальном положении, направлениях деятельности и уровне образования в сословии.

В целом, источниковая база статьи вполне репрезентативна и позволяет решить поставленные исследовательские задачи.

В течение XIX — начала XX в. Степной край как один из административных центров Западной Сибири был включен в политические и социальные процессы, проис-

ходившие в Российской империи. Его население активно интегрировалось в общероссийское общественно-политическое, общественно-религиозное движение, в областях и уездах Степного края функционировали ячейки российских политических партий, этноэлиты формировали местные политические структуры. Омская епархия, ставшая центром религиозной жизни региона, не могла оставаться в стороне от происходивших процессов. При этом следует подчеркнуть, что в условиях господства официальной идеологии «император — православие — народ», Русская православная церковь являлась одним из ключевых институтов государства, выполнявших идеологическую функцию. Данный фактор выступал определяющим в политике омских архиереев, их деятельность отражала политику самодержавия.

Первым руководителем Омской кафедры стал архиепископ Григорий (Полетаев). Владыка Григорий успешно окончил Нижегородскую духовную семинарию, а в 1854 г. — Казанскую духовную академию. Его опыт управления Туркестанской и Ташкентской епархией во многом помог в управлении только что образованной Омской епархией — у двух епархий были схожие проблемы: обширность территории, разнородный в религиозно-конфессиональном и этническом плане состав населения и непрерывно увеличивающееся число переселенцев.

Перед ним стоял ряд важнейших задач — создание фундамента новой епархии, а именно епархиальных административных и территориальных структур, подбор кадров священнослужителей, организация благотворительного, церковно-приходского, школьного, храмового строительства и т. д. На новой должности архиепископ Григорий зарекомендовал себя как деятельный человек и талантливый управленец. Сразу по восхождению на кафедру Омской епархии владыка развернул бурную деятельность. За период руководства Омской епархией архиепископа Григория (1895–1901 гг.) был успешно решен весь спектр вышеперечисленных задач, таким образом, налажена епархиальная жизнь во всем ее многообразии. Под его руководством состоялось оформление епархиальных управленческих структур. Важным фактором управления епархией первым архиепископом было его глубокое понимание необходимости деления территории епархии на благотворительные округа и дальнейшее увеличение количества приходов. Данная мера должна была облегчить управление обширной Омской епархией. Так, увеличилось число благотворительных округов с 23 до 27. Вместе с тем росло число церквей и приходов, со 160 его увеличилось до 287 приходов [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 12].

Одним из значимых итогов его деятельности стало учреждение «Омских епархиальных ведомостей» в 1898 г., а также освящение Успенского кафедрального собора, в закладке которого принял участие наследник престола Николай Александрович. С благословения архиепископа Григория были созданы просветительские общества: Общество попечения о начальном образовании в г. Омске, Общество хоругвеносцев при Омском Успенском кафедральном соборе и Омское епархиальное Братство ревнителей православия, самодержавия, русской народности и христианского благотворения. Братство занималось в основном благотворительной деятельностью, собирало пожертвования на нужды церквей и переселенцев [Быков, 2009: 5–8].

Следует отметить, что в Русской православной церкви для управленцев такого уровня, как архиереи, существовала ротация кадров. Согласно действующему Духовному регламенту каждые 3–4 года на смену епископу должен был приходить новый. Таким образом, в 1900 г. епископ Григорий был переведен на управление Московским Донским ставропигиальным монастырем. В 1901 г. на Омскую кафедру был назначен епископ Сергей (Петров). После окончания Донской духовной семинарии он поступил в Московский императорский университет, который успешно закончил в 1891 г. Сразу же после окончания университета владыка приехал на Алтай и служил в Киргизской духовной миссии Томской епархии, дослужился до помощника ее начальника, а затем вступил в сан архимандрита Омской епархии [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 12].

Работа епископа Сергия на посту помощника начальника Киргизской миссии определила акценты в его архиерейской службе. Наряду с текущей работой по поддержанию епархиальной жизни владыка Сергей значительное внимание уделял развитию миссионерских епархиальных структур, чья деятельность была направлена против сектантства, раскола и ислама. Действительно, приток крестьян-переселенцев, усилившийся на рубеже XIX–XX вв., привел к обострению конфессионального вопроса в регионе. По инициативе епископа Сергия в Омской епархии была усилена позиция Киргизской антиисламской миссии, к 1901 г. в епархии было открыто девять станом Киргизской миссии [Лысенко, 2016: 66]. В 1900 г. начала свою деятельность противосектантская миссия, в 1903 г. — противораскольничья [Лысенко, 2011: 125].

С закреплением позиций Русской православной церкви в религиозном пространстве Степного края епископ Сергей связывал монастырское строительство. Этот процесс начался в регионе позднее относительно всей Сибири, что объяснялось особым характером колонизации степного региона, а также более поздним формированием православного населения на его территории. Монастыри были призваны помочь развитию миссионерского дела и оказывать религиозное влияние на русское православное население, а также на мусульманское кочевое население. Так, в 1902 г. была основана Знаменская миссионерская женская община монахинями Лесницкого женского монастыря Седлецкой губернии на «Святом ключе» рядом с Семипалатинском [Лысенко, 2011: 102]. Она стала общепризнанным центром миссионерства, осуществлявшим работу среди женской части казахского общества.

Следующим епископом Омской епархии стал епископ Михаил (Ермаков). Он получил образование в Киевской духовной академии, которую закончил со степенью кандидата богословия. Затем преподавал в духовных семинариях. Сан епископа получил в 1899 г. и был назначен на кафедру в Черниговскую епархию. В 1903 г. был переведен на службу в Омскую епархию. Епископ Михаил возглавлял Омскую кафедру с 1903 по 1905 г. Данный период характеризовался упрочнением епархиального управления, при этом акцент был сделан на организацию ежедневной деятельности приходов Омской епархии.

При владыке Михаиле начал работу омский свечной завод. Это было важным экономическим предприятием, так как основную массу свечей приходилось заказывать в Тобольске, Томске или Барнауле. По инициативе Михаила почти завершилось строительство Архиерейского дома с домовою церковью и здания консистории, а в 1904 г. от име-

ни Епархиального братства ревнителей православия, самодержавия, русской народности и христианского благотворения в Омской мужской гимназии была учреждена стипендия имени епископа Григория [Голубцов, 2008: 83].

Развитие капиталистических отношений в Степном крае в конце XIX — начале XX в. было отмечено значительными социальными изменениями общества. Стала наблюдаться классовая дифференциация крестьянства, активизировался процесс формирования рабочего класса. Хотя в силу особенностей социально-экономического развития эти процессы в степных областях начались значительно позже, чем в Европейской России, и протекали более медленными темпами. Тем не менее благодаря им и здесь подготавливалась почва для самоопределения и размежевания различных общественных слоев.

К тому же конец заседания на Омской кафедре епископа Михаила совпал по времени с периодом Русско-японской войны (1904–1905 гг.) и Первой русской революции (1905–1907 гг.). В это время наблюдались изменения в рабочем движении, увеличилось число выступлений рабочих, недовольных политической и экономической ситуацией. Безусловными лидерами стачечного движения в регионе в 1905–1907 гг. являлись рабочие-железнодорожники, на долю которых приходилась практически половина от общего числа забастовок [Буктугутова, 2007: 78]. Наряду со стачками в годы Первой российской революции рабочие Степного края участвовали также в сходках, митингах, демонстрациях, в создании профсоюзов и других классовых организациях.

Поскольку Русская православная церковь была оплотом православия и призвана укреплять самодержавие, то на нее возлагалась борьба с революционными настроениями. Так, на плечи следующего епископа Гавриила (Голосова) легла ответственность за противостояния революционным идеям в регионе. Манифест 17 октября 1906 г., декларирующий создание в стране конституционной монархии и Государственной Думы, по своей сути был толчком к упразднению самодержавия в России. Как реакция на попытку упразднения самодержавия стало возникновение черносотенных организаций.

Традиционная «черносотенная позиция» Русской православной церкви была призвана укрепить роль самодержавия в стране. Одним из важных аспектов борьбы с революционными идеями стала пропаганда через «Омские епархиальные ведомости», в которых объяснялось, что самодержавие — это непреложная истина и главный принцип православной жизни. Неоднократно в своих речах, публиковавшихся на страницах «Омских епархиальных ведомостей», епископ Гавриил критиковал левые партии, выступал за приоритет русских в Государственной Думе, за монархическое развитие России, сохранение русской национальной идеи [Омские епархиальные ведомости, 1908: 28].

По его инициативе в феврале 1906 г. прошел Съезд духовенства первого благочиния Петропавловского уезда Акмолинской области Степного края, утвердивший решение «О мерах поддержания веры и благочестия», главной целью которого была борьба с социализмом. Формы этой борьбы оставались традиционными: «учительство, священнодействие и духовное управление» [Данилов, Пингин: 2016]. В 1908 г. в Омске официально открылся отдел «Союза Русского народа», который должен был документально оформить черносотенное движение в регионе. На его открытии владыка Гавриил произнес речь, в которой призывал объединиться в ряды «Союза» и до смерти стоять за традиционные основы русской государственности.

Период предстоятельства епископа Гавриила совпал по времени с ухудшением положения епархиальных миссионерских структур. Отметим, что Омская епархия создавалась как епархия миссионерская, в то же время Закон о веротерпимости 1905 г. значительно затруднил миссионерскую деятельность. Хотя в нем и говорилось, что православная церковь являлась господствующей, но на деле этот указ осложнил миссионерскую деятельность, не только предоставив свободу проповеди иноверческим организациям, но и никак не противостоял соращению православных в другую веру, а также не оказывал православной церкви ни законодательной, ни материальной поддержки.

Данные причины значительно подорвали миссионерскую деятельность в регионе, все держалось на личном энтузиазме священнослужителей [Лысенко, 2009: 150–156]. И судя по всему, энтузиазм был велик, так как, несмотря на все трудности, Киргизская миссия Омской епархии не просто существовала, но и активно развивалась. Имела неплохие результаты и борьба с сектантством: несмотря на редкие случаи отпадения в раскол и сектантство, в основном жители епархии в деле внутренней миссии поддерживали православных священнослужителей, а ко времени увольнения на покой архиепископа Гавриила православное население епархии численно выросло почти в два раза. Беспokoясь о православной пастве миссии, организовались регулярные противосектантские полемические беседы, в учебный план миссионерских школ были введены занятия по сектантству [Ткачев, 2019: 62–65].

Укреплению позиций миссионерских структур в Омской епархии способствовало и созданное в 1906 г. миссионерское братство. Необходимость создания Братства обуславливалась несколькими причинами, такими как территориальная разбросанность новокрещенных, не позволяющая миссионерам должным образом надзирать за ними; казахи, переходившие в православие, изменяли традиционный образ жизни, их нужно было приучать к ведению оседлого хозяйства, для этого было бы полезно, если бы местные жители делились с новообращенными своим опытом и помогали им обустроиться; из-за обширности территории епархии миссионеры всегда находились в разъездах, а не присутствовали неотлучно в своих станах. По мере сил Братство должно было поддерживать Киргизскую миссию и материально. Сфера деятельности Братства была обширной: оно знакомило иноверцев с христианским мировоззрением, выдавало новообращенным нуждающимся деньги, помогало устраивать их быт.

В связи с новой волной переселения в 1908 г. под руководством епископа Гавриила начало действовать «Особое совещание о церковных нуждах в переселенческих местностях». Совещание было призвано координировать деятельность Комитета по устройству церковного быта переселенцев, в состав которого входил председатель — правящий архиерей, члены — губернаторы областей, управляющие государственным имуществом, заведующие переселенческими районами. На них возлагалась задача сбора информации о выявлении церковных нужд переселенцев, а также выработке общего плана удовлетворения этих нужд [Лысенко, 2011: 75]. Главным видом деятельности комитетов была работа по формированию новых приходов на территории Омской епархии, определению их границ и составу населенных пунктов. Работа осуществлялась на основании «Порядка учреждения новых приходов в переселенческих поселках епархий Азиатской России», утвержденного Синодом 22 сентября 1907 г. Так, в результате рабо-

ты Комитета по устройству религиозных нужд православного населения и Переселенческого управления Омской епархии в 1908 г. было запланировано к открытию 92 самостоятельных прихода [Лысенко, 2011: 76–77]. Деятельность епископа Гавриила была связана и с развитием церковно-школьного образования в Омской епархии. В 1906 г. по его инициативе состоялось открытие Омского женского училища и получено согласие Синода на открытие Омской духовной семинарии.

В конце 1911 г. в Омскую епархию получил назначение епископ Владимир (Пуята). Светское образование он получил в Александровской военно-юридической академии, служил в лейб-гвардии Преображенского полка, владел семью языками, был всесторонне развит, но в 1899 г. бросил военную карьеру и поступил в Казанскую духовную академию. С 1902 г. Владимир служил настоятелем церкви при русском посольстве в Риме, откуда был исключен по рекомендации самого папы римского «за соблазнительное поведение». Таким образом, он оказался «сосланным» в Омскую епархию, но следует отметить, что в роли архиерея он показал себя как опытный администратор [Лосунов, 2016: 115].

Первое, что предпринял Владимир, это направил прошение в Священный Синод об открытии в Омской епархии викариатства. Новая церковно-административная территориальная единица, входившая в состав епархии во главе с викарием, должна была облегчить управление обширной Омской епархией. И в 1911 г. указом Синода в городе Семипалатинске была открыта кафедра «викарного епископа, с присвоения ему наименования Семипалатинский» [Омские епархиальные ведомости, 1911, № 23: 1]. Правящему епархиальному архиерею утверждено было именоваться Омский и Акмолинский. В 1913 г. была открыта вторая викарная Акмолинская кафедра [Омские епархиальные ведомости, 1911, № 5: 18]. Архиепископ Омской епархии стал именоваться Омским и Павлодарским. Второе викариатство было открыто специально для развития противосектантской миссии. Таким образом, второе викарианство должно было усилить Киргизскую миссию в деле борьбы с сектами, раскольниками и иноверцами.

В марте 1913 г. епископом Омским и Павлодарским стал Андроник (Никольский). Свое архиерейское служение он начал в Японии, епископом Киотским, затем был викарием Новгородской епархии. В 1895 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. После восшествия на Омскую кафедру владыка обратил все силы на улучшение епархиального управления. По его инициативе по всей епархии начался сбор сведений о состоянии приходов, введены богослужебные журналы. Именно в период его служения священник Иоанн Голошубин закончил работу над «Справочной книгой Омской епархии». Данная работа помогла благочинным в дальнейшей организации епархиальной деятельности.

Кроме этого, владыка обязал причты вести летописи приходов, предложил включить в них сведения о первоначальной истории своего поселка и прихода [Омские епархиальные ведомости, 1914, № 24: 10]. Епископ Андроник много путешествовал по епархии, в ходе его поездок было выявлено усиление сектантства. Поэтому по его инициативе в 1913 г. в Омске были организованы для духовенства епархии миссионерские курсы, призванные помочь разрешить проблему сектантства в регионе. Стало очевидным, что открытые викарианства и Киргизская миссия не справлялись должным образом

с поставленной задачей ограничения распространения исламской и раскольнической пропаганды. Таким образом, на местах были организованы миссионерские курсы разной направленности [Лысенко, 2011: 88].

В 1914 г. Омскую епархию возглавил епископ Арсений (Тимофеев). Он закончил Санкт-Петербургскую духовную академию в 1890 г. Управлял Омской епархией всего один год — с 1914 по 1915 г., но оставил свой след в ее истории. Епископу Арсению удалось довести до логического завершения проблему наделения земель причтов приходов Омской епархии и улучшить общественную жизнь приходов посредством организации при них библиотек, школ, церковных попечительств [Лысенко, 2011: 88].

Последним владыкой в дореволюционной истории Омской епархии стал Сильвестр (Ольшевский). Он возглавлял епархию в самый сложный ее период с 1915 по 1920 г. Родился владыка в 1860 г. и успешно закончил Киевскую духовную академию, затем стал епархиальным миссионером в Полтавской епархии, а в 1915 г. был направлен в Омскую епархию. Начало его правления пришлось на период Первой мировой войны, уже в 1916 г. из Синода было передано сообщение о том, что «постройку здания Омской семинарии, хотя бы частичную, надлежит отложить до наступления более благоприятного периода» [Лысенко, 2011: 89]. Сложная международная ситуация внесла свои коррективы в реализацию многих планов по улучшению функционирования Омской епархией.

В периоды чрезвычайных событий истории церковь никогда не оставалась в стороне. В годы Первой мировой войны Омская епархия проявила себя в особой патриотической деятельности — благотворительности. Перед духовенством встала не только задача мобилизации паствы, но и материальной и духовной поддержки нуждающихся. Местные церковно-попечительские советы во главе с епископом Сильвестром активно способствовали помощи семьям военных, ушедших на фронт, и беженцам. Войсковые церкви Омского военного округа принимали участие во Всероссийском церковном сборе (декабрь 1915 г.), который осуществлял помощь раненым воинам, сиротам и вдовам военных [Копылов, 1995: 198–201].

Епархиальное преосвященство само подавало пример в деле благотворительности. Так, духовенство Омской епархии отчисляло со своего жалования до 2% на благотворительность. За счет отчисления валового дохода церквей и причтов Омской епархии на нужды военного времени за 1915 г. поступило 1645 руб. 54 коп. [Берковская, 2019: 86].

Прихожане по примеру духовенства также принимали участие в благотворительных мероприятиях, в церквях стояли кружки Красного Креста для сбора средств, после каждого богослужения любой прихожанин мог пожертвовать какую-либо сумму. Также в 1915 г. был открыт Омский епархиальный попечительский совет по оказанию помощи семьям военных [Берковская, 2019: 88]. На совет возлагались следующие обязанности: составление списка тех, кто призывался, обследование имущественного положения семей воинов, изыскание средств для оказания помощи, распределение и выдача пособий нуждающимся и т. д. Особо важным мероприятием попечительского совета была организация посева и уборки урожая в семьях тех, кто ушел на фронт. В 1915 г. Омским епархиальным попечительским советом и Братством ревнителей православия, самодержавия, русской народности и христианского благотворения был открыт приют для детей раненых и увечных воинов. Большую работу проводил Дамский ко-

митет при Омском епархиальном братстве. Члены Дамского комитета снабжали воинов бельем, табаком, сахаром, чаем, мылом и прочими предметами первой необходимости [Берковская, 2019: 89]. Следует сказать, что в первый год Первой мировой войны в Омской епархии под руководством правящего архиерея Сильвестра сложилась эффективная и разветвленная структура помощи нуждающимся.

Вследствие тяжелого материального положения, когда все силы брошены на военные действия, в епархии наблюдался кризис епархиальной жизни. Церковного строительства в это время практически не происходило, Сильвестр отмечал, что наряду с кадровым вопросом распределение труда в епархии до сих пор не налажено, викарные епископы проживали вне епархиального города, что еще более усложняло организацию управления рабочего процесса епархии [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2716. Л. 18].

После того, как император Николай II подписал отречение от престола, а власть перешла к Временному правительству, архиепископ Сильвестр направил председателю Государственной Думы М. В. Родзянко телеграмму с приветствиями. 10 марта 1917 г. Сильвестр выступил с обращением к пастве, в которой не выразил протеста против упразднения монархии и поддержал пришедшие к власти новые силы [Елизарова, 2017: 37–41]. Такая позиция церкви была связана напрямую с попытками освобождения от чрезмерного государственного контроля. Таким образом, своим отречением Николай II освободил церковь от присяги ему. В целом, необходимо сказать, что духовенство признавало свержение монархии и поддерживало Временное правительство, но попытки отделения от непопулярной политики самодержавия и поддержка новой власти не усилили влияния духовенства на народ. К тому же свержение монархии оставило страну без сильной власти, а саму церковь — без поддержки перед новыми революционными потрясениями.

Таким образом, следует сказать, что в период с 1895 по 1917 г. в Омской епархии служили 8 епископов. Каждый из них внес свой вклад в развитие Омской епархии. Условно мы можем выделить два периода развития епархии: первый период — с 1895 по 1908 г., второй период — с 1908 по 1917 г. Первый период характеризуется становлением епархиальной структуры, когда были сформированы основные епархиальные органы управления. В связи с постоянным притоком населения в епархию наблюдается постоянный недостаток церквей и церковнослужителей. Большой процент инородческого населения, незначительное количество приходов, постоянный недостаток кадров провоцировали развитие в регионе сект разной направленности. Еще более усугублял положение большой инородческий процент населения в епархии. Важным шагом первого периода управления архипастырями епархии было повышение роли благочинного, упорядочивание работы приходов, открытие омского свечного завода и женского училища. Первая русская революция и Русско-японская война существенно подкосили финансовое обеспечение епархии.

Второй период характеризуется упорядочиванием церковной жизни епархии. Были окончательно сформированы и укомплектованы все органы епархии, такие как консистория, епархиальное женское училище, Епархиальный училищный совет, Миссионерский совет, Церковно-строительный комитет, Епархиальное братство. Было открыто два викариатства, причем вторая викариатская кафедра в Акмолинске была от-

крыта с целью борьбы с распространением сектантства, чужой веры и раскольников. Первая мировая война и начавшееся революционное движение не позволили завершить все начатое.

Подводя итоги, следует сказать, что каждый епископ, находившийся в тот или иной период на кафедре Омской епархии, вкладывал все свои силы и знания в обустройство только что сформированной епархии. Также следует отметить, что каждый из них сталкивался с одними и теми же проблемами: постоянно увеличивающееся население, неравномерное его распределение, большой процент инородцев, сектантов, раскольников, остро стоял кадровый вопрос, а также недостаточное финансирование епархии, — все эти аспекты усложняли управление епархией.

Благодарность

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 проект «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Батурина Т. М. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 26 с.

Берковская З. Н., Кожевин В. Л. Военно-благотворительная деятельность Омской епархии в начальный период Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Вестник Омского гос. ун-та. 2019. № 2 (22). С. 85–91.

Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х — 1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 25 с.

Буктугутова Р. С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX — начале XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007. 431 с.

Быков А. А. Благотворительная помощь переселенцам в Западной Сибири (1861–1917 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 1 (5). С. 5–8.

Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 23 с.

Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск : Иртыш, 1914. Т. IV. 1250 с.

Голубцов С. В. История Омской епархии: образование Омской епархии. Предстоятельство Преосвященного Григория на Омской кафедре (1895–1900 гг.). Омск : Полиграф, 2008. 166 с.

Данилов В. Л., Пингин М. С. История Омской епархии под управлением епископа Гавриила (Голосова) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 64–71.

Елизарова Н. В. Реакция сибирского духовенства на падение монархии в России // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2017. № 1 (2). С. 37–41.

Копылов В. А., Милюхин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1995. 246 с.

Лысенко Ю. А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XIX — начало XX в.). Барнаул : Азбука, 2011. 155 с.

Лысенко Ю. А. Социально-политическое движение в азиатских окраинах Российской империи накануне революции 1917 г. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2016. № 2 (90). С. 101–108.

Овчинников В. А. Монастыри Русской Православной Церкви на юге Западной Сибири: конец XVIII — начало XXI вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2011. 44 с.

Омск в панораме событий истории и культуры. Омск : Омскбланкиздат, 2016. 344 с.
Омские епархиальные ведомости. 1911. № 23.

Омские епархиальные ведомости. 1913. № 5.

Омские епархиальные ведомости. 1914. № 24.

Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI веков : материалы V Всерос. науч. конф., 26–27 нояб. 2003 г. Новосибирск, 2003. Ч. 1. С. 24–37.

Ремнев А. В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142–156.

Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX вв.: некоторые итоги и перспективы изучения // Сибирская заимка. № 3. Омск, 2001. С. 116–128.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2716.

Скальский К. Ф. Омская епархия. Опыт географического и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии. С приложением 24 рисунков и карты. Омск, 1900. VIII, 422 с.

Софронов В. Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII — начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2007. 51 с.

Суховецкий В. А. Омская епархия накануне революционных потрясений // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2017. № 1 (2). С. 16–21.

Ткачев А. А. Киргизская миссия Омской епархии при епископе Гаврииле (Голосове) 1906–1911 гг. // Инновационное образование и экономика. № 23. Омск, 2019. С. 62–65.

REFERENCES

Baturina T. M. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' i krest'ianskie pereseleniia v Sibir' na rubezhe XIX–XX vv.* [The Russian Orthodox Church and peasant relocation to Siberia at the turn of the XIX–XX centuries]. : avtoreferat dis... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1999. 26 s. (in Russian).

Berkovskaia Z. N., Kozhevin V. L. *Voenno-blagotvoritel'naia deiatel'nost' Omskoi eparkhii v nachal'nyi period Pervoi mirovoi voiny (1914–1915 gg.)*. [Military charity activities of the Omsk diocese in the initial period of the First World War (1914–1915)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. Omsk, 2019. № 2 (22). S. 85–91 (in Russian).

Buktugutova R. S. *Obshchestvennoe dvizhenie v Stepnom krae v kontse XIX — nachale XX vv.* [Social movement in the Steppe region in the late XIX — early XX centuries]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Omsk, 2007. 431 s. (in Russian).

Blinova O. V. *Sotsiokul'turnyi oblik uchitel'stva v Zapadnoi Sibiri v 1880-kh — 1914 gg.* [Sociocultural appearance of teaching in Western Siberia in the 1880s — 1914] : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2010. 25 s. (in Russian).

Bykov A. A. *Blagotvoritel'naia pomoshch' pereselentsam v Zapadnoi Sibiri (1861–1917 gg.)* [Charitable assistance to immigrants in Western Siberia (1861–1917)]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Tomsk, 2009. № 1 (5). S. 5–8 (in Russian).

Danilov V. L., Pingin M. S. *Istoriia Omskoi eparkhii pod upravleniem episkopa Gavriila (Golosova)*. [The history of the Omsk diocese under the leadership of Bishop Gabriel (Golosov)]. Vestnik Omskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii [Bulletin Of The Omsk Orthodox Theological Seminary]. Omsk, 2016. S. 64–71 (in Russian).

Goloshubin I. *Spravochnaia kniga Omskoi eparkhii*. [Reference book of the Omsk diocese]. Sost., po porucheniiu 7 Eparkh. s'ezda, sviashch. sela Novosel'ia, Tiukalin. uезда, Ioann Goloshubin. Omsk : Irtysh, 1914. IV. 1250 s. (in Russian).

Golubtsov S. V. *Istoriia Omskoi eparkhii: obrazovanie Omskoi eparkhii. Predstoiatel'stvo Preosviashchennogo Grigoriia na Omskoi kafedre (1895–1900 gg.)*. [History of the Omsk diocese: the formation of the Omsk diocese. The Primacy of Bishop Gregory at the Omsk Department (1895–1900)]. Omsk, 200. 166 s. (in Russian).

Elizarova N. V. *Reaktsiia sibirskogo dukhovenstva na padenie monarkhii v Rossii* [The reaction of the Siberian clergy to the fall of the monarchy in Russia]. Vestnik Omskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii. Omsk, 2017. № 1 (2). S. 37–41 (in Russian).

Kopylov V. A., Miliukhin V. P., Fabrika Iu. A. *Sibirskii voennyi okrug. Pervye stranitsy istorii (1865–1917)*. [Siberian Military District. The first pages of history (1865–1917)]. Novosibirsk, 1995. 246 s. (in Russian).

Lysenko Iu. A. *Ocherki istorii Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kazakhstane (XIX — nachalo XX v.)*. [Essays on the history of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (XIX — beginning of XX century)]. Barnaul, 2011. 155 s. (in Russian).

Lysenko Iu. A. *Sotsial'no-politicheskoe dvizheniia v aziatskikh okrainakh Rossiiskoi imperii nakanune revoliutsii 1917 g.* [Socio-political movement in the Asian outskirts of the Russian Empire on the eve of the 1917 revolution]. Izvestiia Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta [News of the Altai State University]. Barnaul, 2016. № 2 (90). S. 101–108 (in Russian).

Losunov A. M., Kadyrova E. T., Pershina L. A., Trubitsina L. P. *Omsk v panorame sobytii istorii i kul'tury*. [Omsk in the panorama of events of history and culture]. Omsk, 2016. 344 s. (in Russian).

Ovchinnikov V. A. *Monastyri Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi na iuge Zapadnoi Sibiri: konets XVIII — nachalo XXI vv.* [Monasteries of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia: late XVIII — early XXI centuries] : avtoreferat dis... d-ra ist. nauk. Kemerovo, 2011. 44 s. (in Russian).

Omskie eparkhial'nye vedomosti. [Omsk diocesan sheets]. 1911. № 23. S. 17 (in Russian).

Omskie eparkhial'nye vedomosti. [Omsk diocesan sheets]. 1913. № 5. S. 21 (in Russian).

Omskie eparkhial'nye vedomosti. [Omsk diocesan sheets]. 1914. № 24. S. 19 (in Russian).

Problemy istorii mestnogo upravleniia Sibiri XVI–XXI vekov. [Problems of the history of local governance in Siberia of the 16th — 21st centuries]: materialy V vseros. nauch. konf., 26–27 noiab. 2003 g. Novosibirsk, 2003. Ch. 1. S. 24–37 (in Russian).

Remnev A. V. *Imperskoe upravlenie aziatskimi regionami Rossii v XIX — nachale XX vv.: nekotorye itogi i perspektivy izucheniia*. [Imperial management of the Asian regions of Russia in the XIX — early XX centuries: some results and prospects of study]. Sibirskaiia zaimka. № 3. Omsk, 2001. S. 116–128 (in Russian).

Remnev A. V. *Zapadnye istoki sibirskogo oblastnichestva*. [Western sources of Siberian regionalism]. *Russkaia emigratsiia do 1917 goda — laboratorii liberal'noi i revoliutsionnoi mysli* [Russian emigration before 1917-laboratory of liberal and revolutionary thought]. SPb., 1997. S. 142–156 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. [Russian State Historical Archive]. Fund 796. Inventory 442. File 1965 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 796. Inventory 442. File 2716 (in Russian).

Sofronov V. Iu. *Missionerskaia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Zapadnoi Sibiri v kontse XVII — nachale XX vv.* [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the late XVII — early XX centuries] : avtoref. dis... d-ra ist. nauk. Barnaul, 2007. 51 s. (in Russian).

Skal'skii K. F. *Omskaia eparkhiia. Opyt geograficheskogo i istoriko-statisticheskogo opisaniia gorodov, sel, stanits i poselkov, vkhodiashchikh v sostav Omskoi eparkhii*. S prilozheniem 24 risunkov i karty. [Omsk diocese. The experience of geographical and historical-statistical descriptions of cities, villages, villages and towns that are part of the Omsk diocese]. Omsk, 1900. VIII. 422 s. (in Russian).

Sukhovetskii V. A. *Omskaia eparkhiia nakanune revoliutsionnykh potriasenii*. [Omsk eparchy on the eve of revolutionary upheaval]. Vestnik Omskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii. Omsk, 2017. S. 16–21 (in Russian).

Tkachev A. A. *Kirgizskaia missiia Omskoi eparkhii pri episkope Gavriile (Golosove) 1906–1911 gg.* [The Kyrgyz mission of the Omsk eparchy under high priest Gabriel (Golosofo) 1906–1911]. Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika [Innovative education and Economics]. Omsk, 2019. № 23. S. 62–65 (in Russian).

Vasil'eva A. V. *Sotsiokul'turnyi oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX — nachale XX vv.* [Sociocultural appearance of the Orthodox clergy in Western Siberia in the late XIX — early XX centuries] : avtoreferat dis... kand. ist. nauk. Omsk, 2015. 23 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Дикова Н. В. Роль архиереев в институциональном развитии Омской епархии и основные итоги архиерейского управления // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 117–131.

Citation:

Dikova N. V. The role of high priests in the institutional development of the Omsk eparchy and the main results of high priest's administration. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 117–131.

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г. ISSN 2307-4671

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIH PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии;

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст до 40 тыс. знаков с пробелами (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см) и иллюстрации. Стандартный объем статьи — 0,5 авт. Л. (20 тыс. знаков). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов)

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаком)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

DOI

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван,

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а)

прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy
of sciences, Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен [Электронный ресурс]. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html)/ (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // *Journal of Archaeological Science*. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (на англ. яз.).

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (*Scopus* и *Web of Science*).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) Примеры оформления литературы и архивных материалов:

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz» Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh i ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностранный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т.п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: Фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом) контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2020 № 2 (23)

Редактор Л. И. Базина

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Плетнева

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 19.05.2020. Дата публикации 05.06.2020
Формат 70х100/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 11.3. Тираж 300 экз. Заказ 164.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66